

2026
N 1 (75)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

КОКОРИН Д.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KOKORIN D.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЛЕТАЕВА Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

LETAEVA E.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Уполномоченный по защите прав
предпринимателей в Омской области

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Business Rights Commissioner
in the Omsk region

ГРЕЧКИНА О.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

GRECHKINA O.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ryazan State University named after
S.A. Yesenin

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Kuban State University

КОМИССАРОВА Е.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

KOMISSAROVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Worker of Higher School
of the Russian Federation,
Perm State National
Research University

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Togliatti State University

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Саратове

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice
(Russian Law Academy of the
Ministry of Justice of Russia)
in Saratov

НЕЗНАМОВА З.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Уральский государственный
юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

NEZNAMOVA Z.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee
of the Republic of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов
и изданий (категория 2 (K2)
по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые
науки; 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация
содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher
and Printing House:**

Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.В. Карнаухова.

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 25.03.2026. Дата выхода в свет 30.03.2026.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 13,7. Уч.-изд. л. 12,7.

Тираж 300 экз. Заказ N 002. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

БЛАЖЕВИЧ Н.В. Критическое мышление
в расследовании преступления
как методологическая проблема

6

Section 1. Methodology of law enforcement activities

BLAZHEVICH N.V. Critical thinking
in crime investigation
as a methodological problem

Раздел 2. Юридическая конституциология

ВАНЮШИН Я.Л. Прекращение гражданства
Российской Федерации за совершение
действий, создающих угрозу национальной
безопасности Российской Федерации

17

Section 2. Legal constitutionology

VANYUSHIN Ya.L. Termination
of citizenship of the Russian Federation
for committing actions endangering
the Russian national security

Раздел 3. Административное право и деликтология

ШИЛОВ Ю.В. Административно-правовые
средства защиты жизни и здоровья
несовершеннолетних от деструктивного
воздействия и иных угроз

25

Section 3. Administrative law and delictology

SHILOV Yu.V. Administrative and legal
means of protecting minors' life
and health from destructive influence
and other threats

ШАКЛЕИН С.Н. Проблемы достижения
цели административного наказания
за правонарушения в области
дорожного движения

34

SHAKLEIN S.N. Problems of achieving
the purpose of administrative punishment
for road traffic offences

Раздел 4. Уголовный закон

АКИЕВА Д.Ю. Функции уголовного права:
понятие и признаки

41

Section 4. Criminal law

AKIEVA D.Yu. Functions of criminal law:
concept and features

ЗАХАРЧУК С.Д. Социальная обусловленность
установления уголовной ответственности
за совершение деяний, предусмотренных
статьями 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса
Российской Федерации

50

ZAKHARCHUK S.D. Social conditioning
of criminalizing the acts specified
in Articles 207.3 and 280.3
of the Criminal Code
of the Russian Federation

Раздел 5. Криминологическая наука

РОССОХА А.А. Предупреждение преступности
в сфере предоставления жилых помещений
детям-сиротам: анализ принимаемых
законодательных мер

58

Section 5. Criminology

ROSSOKHA A.A. Crime prevention
in provision of housing for orphan
children: analysis of the adopted
legislative measures

Раздел 6. Уголовно-процессуальное обозрение	Section 6. Criminal procedure review
БЕГИШЕВ И.Р., МАЙОРОВ А.В. Проблемы применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве	BEGISHEV I.R., MAYOROV A.V. Problems of using digital technologies in criminal proceedings
Раздел 7. Совершенствование правоохранительной практики	Section 7. Improving law enforcement practice
ДЕНИСЕНКО В.В. Совершенствование административной деятельности полиции в условиях современных угроз	DENISENKO V.V. Improvement of the police administrative activities in the context of modern threats
Раздел 8. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности	Section 8. Criminalistic support of law enforcement activities
ЧИХРАДЗЕ А.М. Эволюция научной систематики криминалистики в условиях цифровой трансформации	CHIKHRADZE A.M. Evolution of the scientific systematics of forensic science in the context of digital transformation
Раздел 9. Компаративистика и зарубежный опыт	Section 9. Comparative studies and foreign experience
ШРУБ М.П. Концептуальные основы построения системы обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании преступлений в сфере сексуальной эксплуатации	SHRUB M.P. Conceptual foundations of constructing a system of circumstances to be proved in the investigation of sexual exploitation crimes
Раздел 10. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей	Section 10. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view
ТЕПЛЕНКО А.Н. Цифровая трансформация института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве	TEPLENKO A.N. Digital transformation of the institution of representation of foreign citizens in criminal proceedings
Раздел 11. Обзоры, рецензии, критика	Section 11. Reviews, critiques
КОРНЕЕВ С.А. Отзыв на диссертацию Н.Т. Яралиева «Условные меры уголовно-правового характера»	KORNEEV S.A. Review of the dissertation by N.T. Yaraliev "Conditional measures of criminal law"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.4

Критическое мышление в расследовании преступления как методологическая проблема

Николай Викторович Блажевич,

доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, bin7704@rambler.ru

Аннотация. В статье обосновывается, что применение следователем технологий культурного критического мышления делает процесс расследования преступления более эффективным. Выделяются доктринальные основы культурного критического мышления следователя. При этом формулируется дефиниция культурного критического мышления и характеризуются его особенности (рефлексивность, ценностная синергичность, аргументированность, эррологичность, конструктивность, эвристичность и креативность). Систематизируются принципы, законы и приемы культурного критического мышления следователя. Доказывается, что технология культурного критического мышления необходима для принятия правильных решений в сложных следственных ситуациях. Показано, что содержание компетенции культурного критического мышления согласуется с этапами принятия следственного решения. Сделан вывод о том, что следователь с целью преодоления сложной следственной ситуации стремится использовать системные технологии культурного критического мышления для поиска и выбора истинного когнитивного и принятия правового следственного решения.

Ключевые слова: культурное критическое мышление следователя, принцип культурного критического мышления, прием культурного критического мышления, когнитивное следственное решение, алгоритм принятия следственного решения

Для цитирования: Блажевич Н.В. Критическое мышление в расследовании преступления как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 6-16.

Critical thinking in crime investigation as a methodological problem

Nikolay V. Blazhevich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored worker of higher education of the Russian Federation, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, bin7704@rambler.ru

Abstract. The article justifies that applying the cultural critical thinking techniques by investigators makes the process of investigating crimes more effective. The doctrinal foundations of investigator's cultural critical thinking are distinguished. The definition of cultural critical thinking is formulated and its features (reflexivity, value-based synergy, argumentation, errologicality, constructiveness, heuristics and creativity) are characterized. The principles, laws, and techniques of investigator's cultural critical thinking are systematized. It is proved that the cultural critical thinking techniques are essential for making correct decisions in difficult investigative situations. It is demonstrated that the content of the cultural critical thinking competence accords with the stages of investigative decision-making. It is concluded that in order to overcome difficult investigative situations investigators strive to use the systemic techniques of cultural critical thinking to seek and choose a true cognitive decision and to make a legal investigative decision.

Keywords: investigator's cultural critical thinking, principle of investigator's cultural critical thinking, cultural critical thinking technique, cognitive investigative decision, algorithm for making an investigative decision

For citation: Blazhevich N.V. Critical thinking in crime investigation as a methodological problem // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 6-16.

Поиск путей совершенствования расследования преступлений является актуальной проблемой для юридической науки и практики. Системная методология предполагает, что этот поиск должен вестись всесторонне, в объектном, субъектном и субъектно-объектном направлениях. В статье акцентировано внимание на субъектно-объектном аспекте расследования преступлений. При этом учитывается, что субъектно-объектный подход доминирует и взаимосвязан с объектным и субъектным подходами, так как активность следователя в конечном счете определяет его профессиональный успех. В связи с этим современные исследователи стали уделять больше внимания субъектно-объектным условиям процесса расследования преступлений, технологиям расследования преступлений и соответствующим компетенциям следователя. Например, на субъектно-объектном аспекте расследования преступлений сосредоточено исследование Л.Я. Драпкина и А.Е. Шуклина, которые выделяют в расследовании преступлений такой ответственный вид деятельности следователя, как принятие следственных решений. При этом указанные авторы обоснованно отмечают, что исследование технологий принятия следственных решений становится комплексным научным направлением в развитии теории криминалистики и оперативно-розыскной деятельности [1, с. 89].

Действительно, исследование технологий принятия следственных решений является комплексным научным направлением. Оно побуждает изучать условия, приемы, компетенции следователя, принимающего правильные следственные решения. Принятие следственного решения — это особый мыслительный процесс. В процессе принятия следственных решений следователь является субъектом. Он опирается на свою способность критически мыслить, поэтому совершенствование процесса принятия следственных решений побуждает исследовать и рационализировать технологии критического мышления следователя. Владение принципами, приемами и алгоритмами

культурного критического мышления позволяет следователю эффективнее принимать ответственные правовые решения.

К сожалению, в юридической литературе, как справедливо отмечают С.Н. Меркулов и Н.А. Панько, отсутствуют разработки, направленные на обоснование критичности мышления следователя, не исследована структура критического мышления следователя, не определено направление его формирования [2, с. 10]. Можно согласиться с мнением С.Н. Меркулова и Н.А. Панько о необходимости изучения структуры критического мышления следователя, определения условий его применения в расследовании преступлений. При этом для того, чтобы процесс расследования преступлений был эффективным, критичность, являющаяся необходимым качеством мышления следователя, должна быть культурной. Однако на практике следователь не всегда демонстрирует культуру критического мышления. В связи с этим одним из направлений теории расследования преступлений должно стать изучение качеств и технологий культурного критического мышления следователя.

Профессиональная деятельность следователя предполагает его обращение к принципам, законам и приемам культурного критического мышления. В частности, следователь нередко оказывается в нестандартных проблемных следственных ситуациях, которые требуют от него быстрой, рациональной и правильной реакции. Профессия обязывает следователя задумываться, рефлексировать, исключать собственные сомнения, прежде чем принимать следственное решение, поскольку оно должно быть правильным, то есть логичным, нравственным, правомерным, ответственным и эффективным. При культурном критическом мышлении следственное решение устремлено к установлению истины по делу. При критическом мышлении следователь убеждает не только других, но и самого себя в правильности принятого следственного решения. Все решения следователя так или иначе обусловлены его критическим мышлением, которое

направлено на оценку следственной ситуации. Степень правильности этой оценки определяет освоенную следователем культуру критического мышления. Можно утверждать, что культура критического мышления формирует начало поиска всех рациональных, правильных решений следователя, укрепляет его волю, дает инструменты для этого поиска и критерии оценки результатов следственного поиска.

Очевидно, что профессия следователя требует наличия у него высокого уровня правовой, нравственной и интеллектуальной деятельности, которая дополняется оценочным отношением к самому процессу и результату этой деятельности. Следователь стремится не только эффективно выполнить расследование преступления, но и критически осмыслить данный процесс, демонстрируя свою волевую, логическую, нравственную и правовую культуру. Культура критического мышления следователя позволяет ему тщательно провести анализ следственной ситуации, правильно квалифицировать событие преступления, предвидеть результаты своей деятельности и ее последствия, планировать и находить рациональные решения, а также верно их оценивать и снимать собственное сомнение в правильности принятого следственного решения.

Необходимо также отметить, что следователь, принимая когнитивные и правовые следственные решения, проявляет все свои личностные качества. Основу личности следователя составляют его духовно-нравственные и правовые качества (ответственность, справедливость, нетерпимое отношение к нарушителям нравственного и правового закона, креативность, добросовестность, честность, достоинство и др.). В духовно-нравственных качествах следователя отражаются принятые им духовно-нравственные и правовые ценности [3, с. 53-57]. Духовно-нравственные и правовые ценности следователя обуславливают оценку принятых им когнитивных и правовых решений, лежат в основе его критического мышления. Например, В.И. Даль, разъясняя употребление словосочетания «духовное качество» человека, связывает его с умственными и нравственными способностями, а также подчеркивает, что духовное относится

«...к умственным и нравственным силам человека, его уму и воле» [4, с. 503]. Культурное критическое мышление следователя направлено на согласование и сохранение его высоких духовно-нравственных и правовых качеств.

Таким образом, основой принятия следователем ответственных когнитивных и правовых следственных решений являются его критические мыслительные способности, принятые им духовно-нравственные и правовые ценности, которые позволяют ему формировать правильное предписание правового действия — истинный когнитивный образ правового решения, ответственное когнитивное следственное решение. Истинное когнитивное следственное решение дает возможность следователю определить духовно-нравственное ценностное отношение к принимаемому правовому следственному решению. Ответственный следователь проявляет способность критически относиться к когнитивным и правовым решениям, подвергать их сомнению, оценивать последствия. Культура критического мышления следователя позволяет снижать риски в следственных решениях. Она раскрывается в процессе принятия им правильных правовых следственных решений.

Изложение доктринальных основ культурного критического мышления следователя целесообразно начать с анализа понятия критического мышления. В наименование понятия критического мышления входит ключевое слово «критика», которое выражает особенность этого вида мышления. Слово «критика» (от греч. *κριτική* — искусство разбирать, судить) означает обсуждение чего-либо (действия, его результата) с целью дать оценку, выявить недостатки [5, с. 320]. Из древнегреческой культуры общения слово «критика» переходит в древнеримскую культуру общения. На латинском языке *criticus* — арбитр, умеющий разбираться, способный к различению, судящий [6, с. 443]. Согласно «Историко-этимологическому словарю русского языка» П.Я. Черных слово «критика» в русском языке стало использоваться в середине XVIII века, причем в основном со значением «отрицательная критика» и «порицание». В XIX веке в русской культуре слово «критика» употребляется уже в двух смыслах: положитель-

ном и отрицательном. Оно широко используется в русской литературе и философии как инструмент их развития (например, блестящие образцы критики содержатся в сочинениях В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, В.С. Соловьева и др.) [6, с. 443]. В.И. Даль, анализируя употребление слова «критика» в русском языке, указывает, что оно означает розыск и суждение о достоинствах и недостатках какого-либо труда, его разбор и оценку, а также выделяет два вида критики: здравую критику и критику порицания, осуждения [7, с. 195]. Культурное критическое мышление выражает здравую критику, выделяющую достоинства и недостатки у предмета критики, дающую конструктивные советы.

Интересно отметить, что В.И. Ленин, работая над философским сочинением «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 год), употребляет такие оценочные слова, как «голая критика» и «конструктивная критика». В заключительной части работы В.И. Ленин, обобщая свой опыт критического философского анализа эмпириокритицизма, формулирует принципы конструктивной критики; во-первых, следует установить суть критикуемого явления (основу эмпириокритицизма); во-вторых, определить происхождение критикуемого явления (причину); в-третьих, показать его связь с близкими явлениями (с другими философскими школами); в-четвертых, необходимо видеть назначение, смысл критикуемого явления (эмпириокритицизма) [8, с. 379]. Соответственно, В.И. Лениным была выделена такая особенность культурного критического мышления, как конструктивность. При этом он связывает конструктивную критику с принципами диалектического мышления (принципами объективности и всесторонности рассмотрения, принципами учета изменения предмета, его связей и отношений с другими предметами).

Следует подчеркнуть, что отечественная философия в советский период внесла существенный вклад в теорию диалектического мышления. Она создала условия для формирования культурного критического мышления. В частности, одной из задач курса философии в советской высшей школе было формирование у студентов диалектического мышления. Кроме того,

студенты юридических факультетов основательно изучали традиционную логику, поэтому у будущих следователей в процессе обучения формировалось культурное критическое мышление. Безусловно, логичность, диалектичность и конструктивность являются неотъемлемыми качествами культурного критического мышления следователя.

В XX веке в российской культуре слово «критика» становится и термином традиционной логики — науки о правильном мышлении. В традиционной логике оно стало использоваться для обозначения способов опровержения (критика тезиса, критика аргументов, критика демонстрации). Например, М.С. Строгович, опирающийся в изложении теории уголовного процесса на диалектику, логику и этику, подчеркивает, что самый распространенный способ опровержения состоит «...в критике аргументов, выдвинутых в пользу тезиса, т.е. в доказательстве, что эти аргументы ложны» [9, с. 345]. В логике является традицией относить опровержение к виду аргументации. При логическом опровержении совершается обоснование ложности тезиса или какого-либо аргумента, показывается, что при построении доказательства не выполняются логические требования, которые предъявляются к тезису, аргументам или демонстрации. Еще Аристотель подчеркивал, что «...если возможно опровержение, то необходимо должен быть и силлогизм», а силлогизм он называл образцом доказательства рассуждения, рассуждением, построенным по логическим правилам [10, с. 242]. В связи с этим в логике критика тезиса, аргументов и демонстрации является аргументационным процессом, подчиненным принципам и законам правильного мышления.

Критик, обладающий логической культурой, проверяет и оценивает, соблюдены ли соответствующие логические принципы, законы и правила (правила тезиса, аргументов и демонстрации), выделяет типичные ошибки в доказательствах и вносит предложение об устранении логических ошибок. Конструктивное аргументированное критическое отношение к мышлению порождает особую науку — теорию ошибок (эррологию). В 70-х годах XX века на процесс конструктивного аргументированного

критического отношения к мышлению обращает внимание отечественный философ Ф.А. Селиванов. Он вводит в научный оборот термин «эррология» (от греч. *σφάλμα* – ошибка, промах, погрешность и *logos* – слово, разум, учение) и формулирует принципы эррологии.

Ф.А. Селиванов подчеркивает: «...современная наука обнаружила, что правильное и ошибочное не существуют друг без друга. Ученым стало ясно, что исследование ошибок – это необходимость. Но каждая наука изучает, так сказать, “свои” ошибки и не дает ответов на вопросы, что является общим для всех ошибок, как и почему они возникают, какие существуют виды ошибок и т.п. Этим занимается общая теория ошибок, которая дает определение ошибке, классифицирует ошибки, вскрывает механизм и общее в причинах их возникновения, пути предупреждения и исправления, меру ответственности за тот или иной вид ошибки и т.д.» [11, с. 44]. Можно утверждать, что культурное критическое мышление конструктивно, аргументированно и эррологично (противодействует ошибочности). Следовательно, обращаясь к культурному критическому мышлению, обоснованно исключает типичные ошибки, которые допускаются при принятии следственных решений, и вносит предложения по их исправлению.

В XX веке понятие критического мышления активно употребляется в педагогической и психологической литературе при решении вопросов технологии развивающего обучения и воспитания. Данный термин часто используется в литературе по юриспруденции и теории коммуникации в контексте решения проблемы информационной, психической и юридической безопасности. При этом термин «критическое мышление» современными авторами употребляется только в позитивной коннотации. Например, Д. Халперн трактует критическое мышление как позитивный тип мышления, к которому «...прибегают при решении задач, формулировании выводов, оценке принятия решений» [12, с. 20]. На эррологичность критического мышления указывает М.И. Махмутов, называя критическое мышление точкой опоры в процессе взаимодействия с информацией, эффективным средством про-

тиводействия информационным угрозам. Он справедливо отмечает, что критическое мышление включает способности человека, которые помогают ему видеть несоответствие высказывания или поведения человека определенным нормам, помогают осознавать истинность или ложность высказываний и реагировать на них, анализировать, доказывать или опровергать, оценивать предмет и т.д. [13, с. 91].

Об эррологичности критического мышления также пишут Н.В. Козлова и М.С. Щеглова, подчеркивая, что «...ресурсом для поддержания психологической безопасности личности может выступать критическое мышление, позволяющее решать проблемы и принимать решения на основе здравого смысла и веских доказательств» [14, с. 34]. При этом они обращают внимание еще на одну особенность критического мышления – его рефлексивность. Н.В. Козлова и М.С. Щеглова подчеркивают, что критическое мышление направлено на «...1) оценку результатов и процесса мыслительной деятельности с помощью рефлексии, 2) обоснование истинности выдвигаемых предположений в соответствии с законами и правилами логики, осознанный контроль за ходом интеллектуальной деятельности, суть которого заключается в соотношении контролируемого с эталоном» [14, с. 37]. Однако данное суждение требует уточнения.

Во-первых, рефлексивностью может обладать и некультурное критическое мышление, «голая критика». Во-вторых, обращение к логической культуре свойственно только культурному критическому мышлению. В-третьих, культурное критическое мышление не ограничивается лишь логической культурой. Культурное критическое мышление имеет интегральный и синергийный характер. Оно осуществляет проверку, дает оценку результатов и процесса мыслительной деятельности с позиции принципов, законов и правил не только логики, но и диалектики и этики. Культурное критическое мышление является одновременно логичным, диалектическим и нравственным мышлением. Оно обладает ценностной синергийностью.

Педагогические исследования культурного критического мышления открывают еще одну важную особенность. Куль-

турное критическое мышление формирует креативные качества личности. Педагогика доказывает, что критическое мышление призвано преодолеть разрыв между когнитивно-ориентированными и личностно-ориентированными стратегиями обучения [15, с. 183]. Действительно, любое критическое мышление порождает разногласие — спорную ситуацию. Но культурное критическое мышление побуждает вести не простой спор, а дискуссию с целью поиска истинного знания, духовно-нравственных ценностей, раскрывает творческие способности личности. Как и логическое мышление, оно выполняет не только критическую, но и эвристическую функцию. На креативность и эвристичность критического мышления обращают внимание С.Н. Меркулов и Н.А. Панько, когда подчеркивают, что следовательно, «...обладая способностью к критическому мышлению, способен: собирать и обрабатывать информацию; уяснять ее; определять задачи, которые необходимо решить, и ставить вопросы для их разрешения; формулировать идеи и оценки, убедительно их аргументировать; эффективно взаимодействовать с другими участниками судопроизводства» [2, с. 14].

Интересное мнение относительно критического мышления высказывает И.И. Беседа, связывая его с совершенствованием правовой культуры. Исследователь рассматривает критическое мышление как фактор совершенствования правовой культуры сотрудников полиции, считает, что критическое мышление — ценностный ориентир при принятии решения правового характера и умение оперативно оценивать правовую ситуацию, регулятор поведения сотрудника полиции [16, с. 90].

С выводами И.И. Беседы и других названных выше авторов об особенностях критического мышления следует согласиться, если учитывать, что речь идет о культурном критическом мышлении. Можно утверждать, что следовательно развивает свою правовую культуру, если использует установки, принципы, правила и приемы культурного критического мышления, которое опирается на знание диалектики, логики и этики. Диалектическая, логическая и нравственная культура является предпосылкой истинной правовой культуры. При этом необходимо учиты-

вать, что культура критического мышления следователя является продуктом его социализации и специального обучения. Следователю, который стремится овладеть культурой критического мышления, необходимо усвоить особенности, концепцию, законы и правила, знать уровни, структуру и технологию культурного критического мышления.

Таким образом, следовательно, обладающий культурным критическим мышлением, проявляет следующие качества: рефлексивность (анализирует собственные решения), конструктивность (стремится к целостному знанию предмета), ценностную синергичность (объединяет и согласует ценностное отношение к результату познания со стороны истины, добра, красоты и справедливости), аргументированность (обосновывает истинность всех выдвигаемых суждений), эррологичность (акцентирует внимание на исключении ошибок, погрешностей в следственном решении), эвристичность (способность находить новые идеи и доказательства по делу) и креативность (личностную ориентированность на открытие новых идей и доказательств по делу). Иными словами, его критическое мышление является диалектичным, логичным, нравственным, правовым и персонифицированным. В нем личностные качества согласуются с принятием принципов, законов, правил и приемов диалектики, логики, этики и права. В культурном критическом мышлении следователя интегрируются его диалектическая, логическая, нравственная, правовая культура и личностное профессиональное творчество.

Разумеется, человечество осознало значение культурного критического мышления не сейчас, а в период формирования цивилизаций, в период формирования философской культуры. Можно констатировать, что философские основы концепции и доктрины культурного критического мышления были сформированы классиками античной философии (Сократом, Платоном, Аристотелем). Они представляли культурное критическое мышление как инструмент противодействия ошибочному и софистическому мышлению, как инструмент поиска и утверждения истины, добра, красоты и справедливости. Большой вклад

в развитие культуры критического мышления внесла классическая немецкая философия (И. Кант, Г. Гегель). Культура критического мышления раскрывается в теории диалектики, логики и этики Аристотелем, Г. Гегелем. Классики немецкой философии (конец XVIII и начало XIX века) показывают, что культура критического мышления функционирует на трех уровнях: здравомыслия, рассудочного мышления и разумного мышления (И. Кант). Обосновано, что истоками здравомыслия, рассудочного мышления и разумного мышления являются принципы диалектики, логики и этики (Аристотель, И. Кант). Отечественная философия XIX века (философия всеединства В.С. Соловьева) развивает культуру критического мышления, связывая ее с поиском и утверждением основных общечеловеческих ценностей: истины, добра, красоты и справедливости.

Философия изначально доказывала, что в культурном критическом мышлении реализуются две познавательные установки: 1) установка на сомнение (в том числе и сомнение в собственном мнении), 2) установка принимать на веру только то, что обосновано (Сократ, Р. Декарт). Причем уже Сократом формируется технология культурного критического мышления, которая продемонстрирована в знаменитых беседах мыслителя. Сократические беседы складывались из пяти шагов: 1) сомнение в истинности предлагаемого суждения о предмете спора; 2) самоирония («Я знаю, что ничего не знаю»); 3) майевтика (осознание противоречия между предлагаемыми суждениями); 4) индукция (снятие противоречия путем обращения к фактам и их обобщения); 5) дефиниция (определение исследуемого предмета — формулировка суждения, которое выражает отличительные свойства предмета спора) [17, с. 10]. Можно утверждать, что развитие цивилизации связано с развитием культуры критического мышления. Аналогично этому истинным будет и вывод о том, что совершенствование расследования преступлений обусловлено развитием культуры критического мышления следователя.

Действительно, названные философские основания выражают и доктрину культурного критического мышления

следователя. Если они воспроизводятся в критическом мышлении следователя, то оно становится культурным. Из этого следует, что критикующий следователь должен исходить из познавательных установок: 1) подвергать сомнению все поступающие сведения о событии преступления и о лице, виновном в его совершении; 2) принимать на веру только те сведения, истинность которых обоснована. Следователю необходимо проверять получаемую информацию, так как его целью является установление истины и справедливости по уголовному делу.

При этом критикующий следователь должен, во-первых, проверять и оценивать, правильно ли использовались принципы и законы диалектики, логики, профессиональной этики и права. Во-вторых, критикующий следователь должен проверять и оценивать, правильно ли использовались в процессе установления сведений о событии преступления и о лице, виновном в его совершении, приемы и методы традиционной и диалектической логики. В-третьих, критикующий следователь должен проверять и оценивать, правильно ли использовались в процессе квалификации и установления сведений о событии преступления, о лице, виновном в его совершении, нормы уголовного и уголовно-процессуального права. В-четвертых, культурно критикующий следователь должен давать правильную оценку применению криминалистических и криминалогических технологий расследования преступления. В целом благодаря культуре критического мышления следователь достигает соблюдения принципов законности, вины, справедливости и гуманизма, верно оценивает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, дает правильную квалификацию преступления и устанавливает виновных в его совершении. Способность следователя культурно критически мыслить определяет его профессионализм.

Бесспорно то, что культурное критическое мышление следователя является видом мыслительной деятельности. В этой мыслительной деятельности проходит процедура проверки и оценки следователем сформированного мыслительного образа о событии преступления, о лице, винов-

ном в его совершении, проверяется и оценивается истинность мысли о предметах следственной ситуации. Мысли (понятия, суждения, умозаключения, версии и т.д.) материализуются в словах и предложениях. В связи с этим процедура проверки и оценки проходят как условия, средства и процесс получения данной мысли, так и использованные для выражения мысли слова и предложения, которые образуют тексты. Тексты, которые составляются при расследовании преступления, являются имитационными моделями предметов познания (фактов преступления, доказательств, обстоятельств, картины преступного события). При критической проверке и оценке следователем они становятся документами в уголовном деле. Тексты могут принадлежать самому следователю или другому субъекту (свидетелю, подозреваемому, эксперту).

Если текст документа принадлежит следователю, то его критическое мышление может проявиться в двух формах. В первом случае оно может совпадать с мыслительной деятельностью, которая используется при составлении текста документа, когда следователь критически относится к выбору слов и составлению предложений. Возможен и второй случай обращения к критическому мышлению, когда следователю необходимо уточнить составленный текст. Разумеется, если следователь обращался к культурному критическому мышлению, когда составлял или дорабатывал документ, то данный документ становится более совершенным.

Если же текст принадлежит другому субъекту (подозреваемому, свидетелю, эксперту), то он становится самостоятельным предметом критического анализа следователя. Без критического анализа текста следователь не может принять его как документ. При критической работе с текстом следователь должен учитывать, что текст имеет план выражения (феноменальную структуру) и план содержания (когнитивную структуру). В связи с этим при критике текста проверяется и оценивается его когнитивная и феноменальная структура.

Возникают две спорные ситуации: «спор о понятиях» и «спор о словах» [17, с. 110]. «Спор о понятиях» — это спор о когнитивной структуре текста, спор

о плане его содержания. Такой вид спора погружает следователя в следственную ситуацию, побуждает проверять, уточнять и оценивать ее элементы (доказательства, обстоятельства события преступления, сведения о подозреваемом и др.). В этом случае понятия являются мыслительными образами элементов следственной ситуации. «Спор о словах» — это спор о феноменальной структуре текста, о соблюдении формуляра и композиции документа, об использованных терминах и словах в документе.

Представление о критическом мышлении конкретизируется, когда подвергается анализу структура критической мыслительной деятельности. С.Н. Меркулов и Н.А. Панько выделяют шесть компонентов критического мышления следователя: 1) субъект (следователь), 2) объект критики (доказательства, обстоятельства, факты), 3) предмет критики (подсистема признаков объекта, относительно которой устанавливается его значение), 4) основание оценки (образцы, нормы, стандарты, чувства, внутреннее убеждение), 5) характер критики, 6) аксиологическая шкала критики [2, с. 13].

К сожалению, С.Н. Меркулов и Н.А. Панько не дают полного представления о структуре критического мышления, назвав не все основные ее компоненты (например, отсутствует информация о результатах критической мыслительной деятельности, ее приемах, формах и технологиях). Кроме того, С.Н. Меркулов и Н.А. Панько не конкретизируют такие компоненты критического мышления следователя, как характер и аксиологическая шкала его критики, а также не учитывают, что и предмет критики иерархичен. Как уже отмечалось, предметом критики следователя может быть информация о каком-то фрагменте события преступления, о подозреваемом либо общие и частные следственные версии. Кроме того, предметом критики следователя могут быть собираемые документы, а также тексты когнитивных и правовых следственных решений.

Следует отметить, что в аксиологическую шкалу критического мышления следователя включается не только установленная уголовно-правовыми документами нравственная и правовая оценка, но и ло-

гическая оценка предмета критики. Содержание нравственной оценки преступления, ее соотношение с правовой оценкой преступления раскрыто еще в XIX веке в работах «Нравственные начала в уголовном процессе», «Приемы и задачи обвинения» А.Ф. Кони, который в качестве инструментов нравственной оценки преступления избирал общечеловеческие моральные принципы и нормы. Согласно системной методологии важен интегральный подход к нравственному измерению преступления. Он характерен для культурного критического мышления следователя. При таком подходе проявляется стремление следователя сложить нравственные ценности намерения, выбора средств и реального последствия преступного деяния, «...уменьшается разрыв между ценностными характеристиками оснований преступления и объективным значением его последствий» [18, с. 12].

В арсенал средств культурного критического мышления следователя включаются все принципы, законы, правила и приемы диалектического и логического мышления. Выбор и применение средств культурного критического мышления обусловлены этапами процесса принятия следственного решения. При этом принципы и законы культурного критического мышления действуют на всех этапах процесса принятия следственного решения, а выбор его приемов осуществляется в соответствии с задачами каждого этапа.

В частности, культурно критически мыслящий следователь соблюдает логические принципы (определенности, непротиворечивости, последовательности и обоснованности мышления) и диалектические принципы (объективности и всесторонности рассмотрения, учета связи, отношений и изменений предмета расследования) на всех этапах принятия следственного решения. В распоряжении следователя, осуществляющего поиск и проверку принимаемых следственных решений, солидный арсенал логических (сравнение и различение, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация, обобщение и идеализация, дедукция, индукция и традукция, методы имитационного моделирования и мысленного эксперимента и т.д.) и эвристических (метод «синектического штурма», сценарный ме-

тод, метод дерева решений, метод каталога, метод фокальных объектов, метод контрольных вопросов, метод морфологического анализа и синтеза и т.д.) приемов и методов. В культурном критическом мышлении контролируется соблюдение правил применения логических и эвристических приемов и методов (правила и алгоритмы применения логических и эвристических приемов и методов в процессе поиска и проверки следственных решений автором настоящей статьи рассмотрены подробно [19, с. 76-114]).

При этом системообразующими методами культурного критического мышления в процессе расследования преступлений являются методы выдвижения версий и ведения дискуссий (данный вывод автором настоящей статьи был обоснован ранее [19, с. 99-114; 20]). Критически мыслящий следователь стремится проверить и дать оценку соблюдению правил и алгоритмов их применения. Методы выдвижения версий и ведения дискуссий включаются в алгоритм реализации культурного критического мышления при принятии следственного правового решения.

Данный алгоритм складывается из семи последовательных этапов критического анализа: 1) анализа следственной ситуации принятия решения; 2) выдвижения общей догадки о преступлении и формирования частных когнитивных версий, направленных на поиск недостающей необходимой информации для квалификации преступления и установления виновности подозреваемого лица; 3) формирования общих когнитивных версий события преступления; 4) выбора наиболее вероятного когнитивного решения (верификация и фальсификация общих когнитивных версий преступного события); 5) выдвижения следственного правового решения; 6) планирования его реализации и 7) анализа последствий принимаемого следственного правового решения [19, с. 43]. Применяя технологию культурного критического мышления, следователь не только восполняет пробелы в когнитивной картине расследуемого преступного события, но и убеждается, что его когнитивное следственное решение является истинным, а правовое следственное решение справедливо.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить следующее:

1) для поиска путей совершенствования расследования преступлений требуется системный подход, учитывающий объектные, субъектные и субъектно-объектные условия;

2) при этом приоритетными в совершенствовании расследования преступлений являются субъектно-объектные условия, а среди них доминирующим условием является реализация следователем культурного критического мышления;

3) критическое мышление следователя направлено на утверждение в процессе расследования преступления истины и справедливости;

4) культурное критическое мышление отличается рефлексивностью, цен-

ностной синергийностью, аргументированностью, конструктивностью, эррологичностью, эвристичностью и креативностью;

5) в основе всех форм культурного критического мышления находятся принципы и законы диалектики, логики, этики и права;

6) в методах выдвижения версий и ведения дискуссий аккумулируются функции критического мышления;

7) культурное критическое мышление следователя — это его мыслительная деятельность в процессе принятия следственного решения, сопровождающаяся проверкой и оценкой правильности всех построенных форм мысли и использованных мыслительных приемов, которая ориентирована на высокие духовно-нравственные и правовые ценности, на принятие справедливого правового решения.

Список источников

1. Драпкин Л.Я., Шуклин А.Е. Принятие оперативно-розыскных и следственных решений в ситуациях информационной неопределенности, конфликта и риска // Российский юридический журнал. 2006. N 3. С. 89-97.
2. Меркулов С.Н., Панько Н.А. Критическое мышление в деятельности следователя (суда) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2020. N 4. С. 10-17.
3. Нравственно-этические основы службы в органах внутренних дел России: учебное пособие / под ред. А.Л. Анисина. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 196 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. Москва: ТЕРРА, 1994. 800 с.
5. Современный словарь иностранных слов. Москва: Рус. яз., 1992. 740 с.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. Москва: Рус. яз., 1994. 623 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Москва: ТЕРРА, 1994. 784 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 18: Материализм и эмпириокритицизм. Москва: Госполитиздат, 1968. 526 с.
9. Строгович М.С. Логика. Москва: Госполитиздат, 1949. 364 с.
10. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1978. 687 с.
11. Селиванов Ф.А. Избранное. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1998. 240 с.
12. Халперн Д. Психология критического мышления. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 512 с.
13. Махмутов М.И. Интеллектуальный потенциал россиян: причины ослабления // Педагогика. 2001. N 10. С. 91-100.
14. Козлова Н.В., Щеглова М.С. Взаимосвязь уровня критического мышления и психологической безопасности студентов высшей школы // Сибирский психологический журнал. 2015. N 57. С. 34-49.
15. Педагогическая психология: учебное пособие / под ред. Л.А. Редуш, А.В. Орловой. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 416 с.
16. Беседа И.И. Critical thinking (критическое мышление) как фактор совершенствования правовой культуры сотрудников полиции // Философия права. 2018. N 4. С. 90-95.
17. Блажевич Н.В., Селиванов Ф.А. Лекции по эристике. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2002. 192 с.
18. Блажевич Н.В. Нравственная оценка преступления как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. N 3. С. 7-14.
19. Блажевич Н.В. Логика принятия решений в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: учебно-практическое пособие. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2025. 162 с.
20. Блажевич Н.В. Версия и дискуссия в процессе принятия следственных решений как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1. С. 6-18.

References

1. Drapkin L.Ya., Shuklin A.E. Making Operational-Investigative and Investigative Decisions in Situations of Information Uncertainty, Conflict, and Risk. *Russian Law Journal*, 2006, no. 3, pp. 89-97. (In Russ.).
2. Merkulov S.N., Pan'ko N.A. Critical Thinking in the Activities of an Investigator (Court). *Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2020, no. 4, pp. 10-17. (In Russ.).
3. Moral and Ethical Foundations of Service in the Internal Affairs Bodies of Russia. Tyumen, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 196 p. (In Russ.).
4. Dal'V. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes. Vol. 1. Moscow, TERRA Publ., 1994. 800 p. (In Russ.).
5. Modern Dictionary of Foreign Words. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1992. 740 p. (In Russ.).
6. Chernykh P.Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994. 623 p. (In Russ.).
7. Dal'V. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow, TERRA Publ., 1994. 784 p. (In Russ.).
8. Lenin V.I. Complete set of works. Vol. 18. Materialism and Empiriocriticism. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1968. 526 p. (In Russ.).
9. Strogovich M.S. Logic. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1949. 364 p. (In Russ.).
10. Aristotel'. Works. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 687 p. (In Russ.).
11. Selivanov F.A. Selected Works. Tyumen, Tyumen State University Publishing House, 1998. 240 p. (In Russ.).
12. Halpern D. Psychology of Critical Thinking. St. Petersburg, Piter Publishing House, 2000. 512 p. (In Russ.).
13. Makhmutov M.I. Intellectual Potential of Russians: Causes of Decline. *Pedagogy*, 2001, no. 10, pp. 91-100. (In Russ.).
14. Kozlova N.V., Shcheglova M.S. The Relationship between the Level of Critical Thinking and Psychological Safety of Higher Education Students. *Siberian Psychological Journal*, 2015, no. 57, pp. 34-49. (In Russ.).
15. Pedagogical Psychology. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 416 p. (In Russ.).
16. Beseda I.I. Critical Thinking as a Factor in Improving the Legal Culture of Police Officers. *Philosophy of Law*, 2018, no. 4, pp. 90-95. (In Russ.).
17. Blazhevich N.V., Selivanov F.A. Lectures on Eristics. Tyumen, Publishing House of Tyumen State University, 2002. 192 p. (In Russ.).
18. Blazhevich N.V. Moral Assessment of Crime as a Methodological Problem. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 3, pp. 7-14. (In Russ.).
19. Blazhevich N.V. Logic of Decision-Making in the Activities of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. Tyumen, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 162 p. (In Russ.).
20. Blazhevich N.V. Version and Discussion in the Process of Making Investigative Decisions as a Methodological Problem. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2025, no. 1, pp. 6-18. (In Russ.).

Раздел 2. Юридическая конституциология

Научная специальность: 5.1.2

Прекращение гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации

Ян Леонидович Ванюшин,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, janych@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-444X>

Аннотация. В статье рассматривается одно из оснований прекращения гражданства Российской Федерации — совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Автором исследуется современная система оснований, регламентирующих прекращение российского гражданства, которая обусловлена, в частности, защитой национальных интересов. Отмечается, что такая форма конституционной ответственности соответствует международным подходам и представлена в настоящее время в законодательстве ряда зарубежных стран. Анализируются положения отечественного законодательства, направленные на защиту национальных интересов и безопасности. Прекращение российского гражданства за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, исследуется в зависимости от времени совершения указанных действий, круга лиц и оснований применения денатурализации. Обозначаются проблемы, связанные с определением угроз национальной безопасности, внесудебным порядком прекращения гражданства по данному основанию, высказываются предложения о необходимости совершенствования его механизма.

Ключевые слова: гражданство, денатурализация, лишение гражданства, прекращение гражданства, создание угроз национальной безопасности, утрата гражданства

Для цитирования: Ванюшин Я.Л. Прекращение гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 17-24.

Termination of citizenship of the Russian Federation for committing actions endangering the Russian national security

Yan L. Vanyushin,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia, janych@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-444X>

Abstract. The article covers one of the grounds for termination of citizenship of the Russian Federation, namely commission of actions endangering the Russian national security. The current system of grounds regulating the termination of citizenship of the Russian Federation, which is based on the protection of national interests, is studied. It is noted that this form of constitutional liability is consistent with international approaches and is currently represented in the legislation of a number of foreign countries. Some provisions of the domestic legislation aimed at protecting the national interests and security are analyzed. Termination of citizenship of the Russian Federation for actions endangering the Russian national security is examined depending on the time of commission of these actions, the number of persons and the grounds for denaturalization. Some problems related to both determination of threats to national security and extrajudicial procedure for termination of citizenship on this ground are identified. Some proposals to improve this mechanism are provided.

Keywords: citizenship, denaturalization, deprivation of citizenship, termination of citizenship, endangering national security, loss of citizenship

For citation: Vanyushin Ya.L. Termination of citizenship of the Russian Federation for committing actions endangering the Russian national security // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 17-24.

Введение

Принятие Федерального закона от 28 апреля 2023 г. N 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»* (далее – Федеральный закон о гражданстве) внесло значительные изменения в сформировавшуюся за 25 лет систему оснований прекращения гражданства Российской Федерации. Федеральный закон о гражданстве в качестве прекращения российского гражданства наряду с традиционными для отечественного законодательства основаниями, такими как выход из гражданства и отмена решения о приеме в гражданство, установил следующие причины утраты гражданства: а) совершение преступления (приготовления к преступлению или покушения на преступление) (ст. 24); б) совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации (ст. 26); в) неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет (подп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 22). И если совершение отдельных видов преступлений в качестве основания прекращения российского гражданства предусмотрено в законодательстве о гражданстве с сентября 2017 г.** (новый закон о гражданстве только расширил перечень составов преступлений), то совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, является новым положением в правовом регулировании прекращения гражданства Российской Федерации.

При этом такое основание одностороннего прекращения гражданства давно известно зарубежной практике, что получило отражение в международных соглашениях и распространение в законодательстве отдельных стран. Например, согласно Конвенции о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 г. любое договаривающееся государство может сохранять право лишать любое лицо своего гражданства, если во

время подписания, ратификации или присоединения оно укажет о сохранении за собой права лишать гражданства по одному или нескольким из оснований, предусматриваемых в это время его национальным законом, что вопреки своей обязанности быть верным этому договаривающемуся государству соответствующее лицо ведет себя таким образом, что причиняет серьезный вред жизненным интересам данного государства (подп. "i" п. "a" ч. 3 ст. 8)***.

Европейская конвенция о гражданстве от 6 ноября 1997 г. в качестве одного из исключительных оснований возможной утраты гражданства в силу закона или по инициативе государства-участника предусматривает поведение, причиняющее серьезный ущерб жизненно важным интересам государства-участника (п. "d" ч. 1 ст. 7)****.

Действия, причиняющие существенный вред интересам государства, предусмотрены в качестве основания прекращения гражданства в законодательстве Австрии, Албании, Боснии и Герцеговины, Бельгии, Великобритании, Дании, ФРГ, Нидерландов, Норвегии, Румынии и других стран [1, с. 133]. Например, Закон о гражданстве Норвегии от 10 июня 2005 г. N 51 предусматривает несколько таких оснований: 1) лицо, состоящее в гражданстве Норвегии или иного государства, совершившее правонарушение, наносящее значительный ущерб интересам Норвегии, по решению суда может быть лишено гражданства Норвегии, если оно привлечено к ответственности за ряд преступлений, за совершение которых может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок более 6 лет (ст. 26А); 2) Министерство юстиции и общественной безопасности Норвегии вправе, исходя из основополагающих национальных интересов, принять решение о лишении граждан-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. N 18. Ст. 3215.

** См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федер. закон от 29 июля 2017 г. N 243-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 31. Ст. 4792.

*** См.: Конвенция о сокращении безгражданства от 30 авг. 1961 г. (Заключена в г. Нью-Йорке) // ООН: официальный сайт. URL: <https://un.org> (Российская Федерация в конвенции не участвует).

**** См.: Европейская конвенция о гражданстве от 6 нояб. 1997 г. ETS N 166 (Заключена в г. Страсбурге). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Конвенция Российской Федерацией подписана, но не ратифицирована (в Российской Федерации не действует)).

ства лица, имеющего также гражданство иного государства, которое своим поведением демонстрирует возможность нанесения серьезного ущерба таким интересам (ст. 26В).

Основная часть

Прекращение гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, основано на концепции Федерального закона о гражданстве по защите национальных интересов Российской Федерации, которые нашли отражение в различных его положениях.

Во-первых, это превентивные положения, изначально препятствующие приобретению гражданства лицами, совершившими действия, создающие угрозу национальной безопасности. В статье 18 Федерального закона о гражданстве устанавливается, в частности, что заявление о приеме в российское гражданство отклоняется, если иностранный гражданин или лицо без гражданства участвовали в совершении или подготовке к совершению противоправных действий, содержащих хотя бы один из признаков экстремистской деятельности, за осуществление которой законодательством Российской Федерации предусмотрена уголовная, административная или гражданско-правовая ответственность, либо иных действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации или граждан Российской Федерации (подп. «д» п. 1).

Во-вторых, следует назвать нормы ст. 22 Федерального закона о гражданстве, устанавливающие систему оснований прекращения российского гражданства, одним из которых является совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. При этом необходимо обратить внимание на особенность конструкции рассматриваемого основания. В пункте 2 ч. 1 ст. 22 Федерального закона о гражданстве оно закреплено в качестве подвида такого основания прекращения гражданства, как сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации.

Такое юридико-техническое закрепление приводит к неопределенности приме-

нения данных положений во времени. С одной стороны, сообщение заведомо ложных сведений служит основанием прекращения российского гражданства в случае, когда об этом стало известно после приобретения гражданства, а события, которые в результате сообщения заведомо ложных сведений были сокрыты, произошли до его приобретения. Именно на таком подходе основан п. 3 ч. 1 ст. 22 Федерального закона о гражданстве, который предусматривает, наряду с сообщением заведомо ложных сведений, представление лицом поддельных, подложных или недействительных документов.

С другой стороны, Федеральный закон о гражданстве в той же ч. 1 ст. 22 содержит п. 2, в котором сформулировано схожее основание — сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, в том числе выразившееся, как уже отмечалось, в совершении преступления (приготовление к преступлению или покушение на преступление); в совершении действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации; в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет. При этом в данном случае, напротив, основанием прекращения гражданства Российской Федерации являются события, в частности, произошедшие после приобретения российского гражданства. Это следует из ч. 3 ст. 26 Федерального закона о гражданстве, согласно которой гражданство Российской Федерации в рассматриваемом случае прекращается независимо от времени совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, и даты выявления факта совершения таких действий.

Как отмечает С.А. Хлебунова, ужесточение норм законодательства с целью обеспечения общественной безопасности и предотвращения угроз национальной безопасности выражено и в бессрочном применении положений ст.ст. 24 и 26 Федерального закона о гражданстве: их применение «...не зависит от времени совершения преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении за совершение преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство» [2, с. 31].

При таком подходе вполне последовательным было бы закрепление оснований прекращения гражданства Российской Федерации, предусмотренных в подп. «а», «б» и «в» п. 2 ч. 1 ст. 22 Федерального закона о гражданстве, в качестве самостоятельных. Очевидно, что используемая в Федеральном законе о гражданстве конструкция рассматриваемых оснований через сообщение заведомо ложных сведений преследовала цель «затушевать» одностороннее прекращение гражданства и обойти конституционный запрет денатурализации гражданства.

В-третьих, регламентация прекращения гражданства за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, в Федеральном законе о гражданстве развивается в ст. 26. В данной норме определяется достаточно широкий круг лиц, гражданство которых может быть прекращено. К ним относятся приобретшие гражданство Российской Федерации:

1) в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона;

2) признания гражданином Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации;

3) приема в гражданство Российской Федерации.

Следует отметить, что прекращение российского гражданства вследствие совершения преступления применяется только в отношении лиц, приобретших его в результате приема в гражданство (ч. 1 ст. 24). Таким образом, прекращение гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, является наиболее широким по кругу лиц, к которым оно может быть применимо.

При этом используемую в ч. 1 ст. 26 Федерального закона о гражданстве формулировку «в результате признания гражданином Российской Федерации» для установления круга лиц, прекращающих гражданство, сложно назвать удачной.

Статьей 12 Федерального закона о гражданстве предусмотрено, что гражданство Российской Федерации приобретается:

1) по рождению;

2) в результате приема в гражданство Российской Федерации;

3) в результате признания гражданином Российской Федерации;

4) в результате выбора гражданства Российской Федерации при изменении Государственной границы Российской Федерации (оптации);

5) в соответствии с международным договором Российской Федерации.

В связи с этим возникает вопрос о том, какие именно категории лиц, признанных гражданами Российской Федерации, с учетом перечня оснований приобретения гражданства, могут прекратить российское гражданство за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Следует акцентировать внимание на уточнении, сделанном в ч. 1 ст. 26 Федерального закона о гражданстве, о том, что таковыми являются лица, не просто признанные гражданами Российской Федерации, как это предусматривает п. 3 ст. 12, а на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации.

Анализ положений пп. 4 и 5 ст. 12, ст.ст. 20, 22 и 26 Федерального закона о гражданстве позволяет сделать вывод о том, что к кругу лиц, гражданство которых может быть прекращено за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, относятся лица, приобретшие гражданство Российской Федерации в результате оптации или в соответствии с международным договором Российской Федерации (пп. 4 и 5 ст. 12), при условии, что приобретение гражданства будет осуществлено в форме признания, а не иным способом (в иной форме).

Например, заключенный 18 марта 2014 г. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов предусматривал, что со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживающие на этот день на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, признаются гражданами Российской Федерации, за исключением лиц, которые в течение одного месяца после

этого дня заявят о своем желании сохранить имеющееся у них и (или) их несовершеннолетних детей иное гражданство либо остаться лицами без гражданства (ст. 5)*. Положения настоящего договора в аналогичной редакции были реализованы, в том числе по вопросам признания гражданства Российской Федерации, в Федеральном конституционном законе от 21 марта 2014 г. N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя»**.

Подобный механизм признания гражданами Российской Федерации установлен в договорах Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области***. В соответствующих федеральных конституционных законах о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации указанных регионов в качестве новых субъектов Российской Федерации прямо устанавливалось, что российское гражданство приобретается в результате признания их гражданами Российской Федерации при условии принесения Присяги гражданина Российской Федерации****.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 14. Ст. 1570.

** Там же. N 12. Ст. 1201.

*** Там же. 2022. N 43. Ст.ст. 7274-7277.

**** Федеральные конституционные законы от 4 октября 2022 г. N 5-ФКЗ: «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики», N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики», N 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области», N 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области». (См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. N 41. Ст.ст. 6930-6933).

Вместе с тем наибольшую сложность в понимании содержания рассматриваемого основания прекращения гражданства вызывает используемое в Федеральном законе о гражданстве понятие «угроз национальной безопасности». В настоящем законе отсутствует его дефиниция и не раскрыты признаки.

Определение угроз национальной безопасности сформулировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400***** (далее — Стратегия), согласно которой под ними понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации — объективно значимым потребностям личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Как указывает О.В. Воронина, действия лица должны быть направлены на возникновение условий и факторов, которые создают возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации. В связи с этим исследователь задает закономерные вопросы о том, что не вполне понятно, о каких действиях идет речь, в чем заключается их выражение, имеется ли в этих действиях состав преступления или административного правонарушения [3, с. 83-84]. Д.Д. Коновалов обращает внимание на расплывчатые критерии рассматриваемого термина, что противоречит принципу правовой определенности и предоставляет широкую дискрецию органам государственной безопасности при решении вопроса о прекращении гражданства конкретного лица [4, с. 129].

Стратегия также не содержит перечня угроз национальной безопасности, их признаков и характеристик, позволяющих с точностью установить, несет ли то или иное деяние угрозу национальной безопасности. Все угрозы национальной безопасности в Стратегии разделены на внешние и внутренние, в тексте акта предусмотрены такие виды угроз, как военные угрозы и угроза использования военной силы

***** Там же. 2022. N 27. Ст. 5351.

(абз. 12 и 17), биологические угрозы и угрозы, в том числе связанные с распространением инфекционных заболеваний (абз. 33), угрозы суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации (абз. 99), информационной и экономической безопасности (абз. 57), утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов, культурного суверенитета (абз. 84 и 88), совершения террористических актов (абз. 52), угрозы, связанные с возникновением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (абз. 43), а также угрозы стратегической стабильности и международной безопасности (абз. 36), развязывания новой глобальной войны (абз. 98).

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности»^{*} также не перечислены угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Следовательно, перечень угроз национальной безопасности Российской Федерации, в том числе тех угроз, создание которых служит основанием прекращения гражданства Российской Федерации, в настоящее время в законодательстве отсутствует. В связи с этим следует согласиться с мнением Е.А. Дрогавцевой о том, что совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, требует «расшифровки» (по аналогии с регламентацией списка преступлений) и закрепления закрытого перечня оснований, образующих состав деяний, совершение которых влечет прекращение российского гражданства [5, с. 77].

Важность этого вопроса обусловлена тем обстоятельством, что прекращение гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, носит внесудебный характер. Согласно чч. 4 и 5 ст. 22 Федерального закона о гражданстве решение о прекращении гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности, принимает

МВД России или его территориальные органы в соответствии с предоставленными полномочиями.

Однако в отличие от таких оснований прекращения гражданства Российской Федерации, как совершение преступлений или представление заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщение заведомо ложных сведений, факт совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, устанавливается не судом, а органами федеральной службы безопасности, о чем выносится заключение (ч. 2 ст. 26 Федерального закона о гражданстве).

Порядок вынесения заключения об установлении факта совершения гражданином Российской Федерации, приобретшим российское гражданство в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, установлен приказом ФСБ России от 8 сентября 2023 г. N 399** (далее – Порядок).

Согласно Порядку при определении угроз национальной безопасности Российской Федерации органы безопасности руководствуются положениями Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, документами стратегического планирования, в том числе Стратегией, и доктринами, определяющими угрозы безопасности Российской Федерации, утвержденными Президентом Российской Федерации.

В заключении указываются сведения о конкретных нашедших свое подтверждение и задокументированных действиях гражданина Российской Федерации, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. К заключению прилагаются справка в письменной форме

^{*} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 2.

^{**} Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

о результатах проверки факта совершения гражданином Российской Федерации действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, и другие материалы, документально подтверждающие указанный факт.

Заключение утверждается указанными в Порядке должностными лицами, перечень которых значителен: директор ФСБ России, его первые заместители, статс-секретарь — заместитель, руководители служб ФСБ России и начальники подразделений служб ФСБ России, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, их заместители, руководители, начальники других подразделений ФСБ России.

Несомненно, предусмотренный Федеральным законом о гражданстве широкий круг лиц, по отношению к которым может быть применено прекращение российского гражданства за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, во внесудебном порядке и в отсутствие перечня и критериев угроз национальной безопасности не мог не стать поводом для научной дискуссии. С точки зрения Ю.Е. Курилюк, вызывает опасение тот факт, что законодателем не установлен судебный порядок рассмотрения вопроса о прекращении гражданства вследствие совершения лицом действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Следует отметить, что речь в данном случае не идет о преступлении, это основание прекращения гражданства от совершения преступления прямо отграничено. Представляется, что судебный порядок все же необходим для обеспечения права лица защищать свои интересы всеми законными способами [6, с. 49-50].

Очевидно, что включение в систему оснований прекращения гражданства Российской Федерации рассматриваемого вида денатурализации, формирование внесудебного механизма его реализации, наличие неопределенности в основаниях его применения продиктовано современными вызовами национальной безопасности Российской Федерации, необходимостью противодействия в том числе криминальной, террористической, дивер-

сионной и экстремистской деятельности, оперативного реагирования на проявления иных вызовов национальным интересам Российской Федерации. Такой подход является вынужденной государственной мерой и, вероятно, будет носить временный характер.

Однако при формировании модели прекращения гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности, как представляется, необходимо исходить из более точного механизма, определенного в Федеральном законе о гражданстве, четких критериев и установленного в судебном порядке факта совершения действий и признания их угрозами национальной безопасности Российской Федерации, так как в данном случае речь идет о конституционном, а следовательно, особо охраняемом праве человека на гражданство.

Заключение

В завершение исследования необходимо отметить следующее.

1. Современная система оснований, регламентирующих прекращение гражданства Российской Федерации, содержит основания односторонней денатурализации, которые являются формами конституционно-правовой ответственности и направлены на обеспечение национальной безопасности и национальных интересов Российской Федерации.

2. Законодательная конструкция прекращения гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, требует совершенствования в части его применения во времени относительно даты приобретения российского гражданства и судебного порядка установления факта совершения указанных действий.

3. Применение прекращения гражданства Российской Федерации за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, требует установления в законодательстве Российской Федерации перечня угроз или критериев отнесения к угрозам национальной безопасности, которые могут служить основанием денатурализации российского гражданства.

Список источников

1. Нардина О.В. Прекращение гражданства по основаниям, связанным с обеспечением национальной безопасности, на примере отдельных зарубежных стран // Вестник Российской правовой академии. 2024. N 4. С. 129-144.
2. Хлебунова С.А. Двойственная природа института прекращения гражданства Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. N 1. С. 28-33.
3. Воронина О.В. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. N 3. С. 79-84.
4. Коновалов Д.Д. Прекращение гражданства как мера конституционно-правовой ответственности // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2024. N 3. С. 120-132.
5. Дрогавцева Е.А. Лишение, отмена, прекращение как формы упразднения гражданства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2025. N 1. С. 72-80.
6. Курилюк Ю.Е. К вопросу о соотношении понятий «лишение гражданства», «прекращение гражданства» и «отмена решений о приеме в гражданство» // Вестник ВИПК МВД России. 2024. N 1. С. 47-52.

References

1. Nardina O.V. Termination of citizenship on grounds related to ensuring national security, using the example of individual foreign countries. Bulletin of the Russian Law Academy, 2024, no. 4, pp. 129-144. (In Russ.).
2. Khlebunova S.A. The dual nature of the institution of termination of citizenship of the Russian Federation. Law and order: history, theory, practice, 2025, no. 1, pp. 28-33. (In Russ.).
3. Voronina O.V. Novels in the institution of termination of citizenship of the Russian Federation. Journal of legal and economic studies, 2023, no. 3, pp. 79-84. (In Russ.).
4. Konovalov D.D. Termination of citizenship as a measure of constitutional and legal liability. Bulletin of Moscow University. Series 11. Law, 2024, no. 3, pp. 120-132. (In Russ.).
5. Drogavtseva E.A. Deprivation, Cancellation, Termination as Forms of Abolition of Citizenship. Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 2025, no. 1, pp. 72-80. (In Russ.).
6. Kurilyuk Yu.E. On the Relationship between the Concepts of "Deprivation of Citizenship", "Termination of Citizenship" and "Cancellation of Decisions on Admission to Citizenship". Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, no. 1, pp. 47-52. (In Russ.).

Раздел 3. Административное право и деликтология

Научная специальность: 5.1.2

Административно-правовые средства защиты жизни и здоровья несовершеннолетних от деструктивного воздействия и иных угроз

Юрий Валерьевич Шилов,

кандидат юридических наук, доцент, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Россия, shilov_yura_1968@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5296-3138>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые организационно-правовые и теоретические проблемы, связанные с современным пониманием необходимости обоснованного и своевременного административно-правового регулирования вопросов защиты жизни и здоровья несовершеннолетних, в том числе посредством мер правовой ответственности. Автор обозначаются отдельные нормативные регуляторы федерального и регионального уровня, действующие в исследуемой сфере. Предлагается сосредоточить усилия на дальнейшем совершенствовании нормативной основы деятельности по защите жизни и здоровья несовершеннолетних в силу ее особой социальной значимости, а также на постоянном контроле со стороны государства за состоянием здоровьесбережения как несовершеннолетних, так и всей российской нации. Обосновывается вывод о целесообразности ужесточения административно-деликтной политики в отношении субъектов, допускающих нарушения правовых запретов применительно к несовершеннолетним.

Ключевые слова: административно-правовые средства защиты, защита несовершеннолетних, административная ответственность, административно-деликтное законодательство

Для цитирования: Шилов Ю.В. Административно-правовые средства защиты жизни и здоровья несовершеннолетних от деструктивного воздействия и иных угроз // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 25-33.

Administrative and legal means of protecting minors' life and health from destructive influence and other threats

Yury V. Shilov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russia, shilov_yura_1968@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5296-3138>

Abstract. The article examines certain organizational-legal and theoretical issues related to the current understanding of the need for reasonable and timely administrative and legal regulation of minors' life and health protection, in particular through the legal liability measures. Some specific federal and regional normative regulators operating in the studied sphere, are identified. It is proposed to focus on further improving the regulatory framework for protecting minors' life and health due to its particular social significance, as well as on constant state supervision over the health preservation of both minors and the entire Russian nation. The conclusion on appropriateness of tightening the administrative and tort policies regarding the subjects committing violations of the legal prohibitions applicable to minors, is justified.

Keywords: administrative and legal protection means, protection of minors, administrative liability, administrative and tort legislation

For citation: Shilov Yu.V. Administrative and legal means of protecting minors' life and health from destructive influence and other threats // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 25-33.

Жизнь современного общества, его поступательное развитие и достижение поставленных значимых целей невозможны без заботы о тех, кому предстоит в ближайшей перспективе вносить свой вклад в построение социально ориентированного государства, совершать открытия, выполнять функции родителей. Речь идет о категории «дети, подростки, молодежь», защита интересов которых возлагается на взрослое население как на наиболее полно осознающее все потенциальные и реальные риски, с которыми имеет дело подростково-молодежная аудитория в силу своего любопытства, низкого уровня критического мышления или агрессивного воздействия посредством информационных ресурсов.

В настоящее время все большее воздействие на несовершеннолетних оказывает информационно-телекоммуникационная среда, в которой многие из них не только получают полезную информацию, формируют сообщества единомышленников и т.д., но и подвергаются определенному психологическому влиянию. В частности, информационное воздействие может осуществляться путем навязывания несовершеннолетним определенного типа поведения, демонстрации деструктивного контента или пропаганды тех или иных вариантов действий, что впоследствии может стать устойчивой привычкой, заместить важнейшие социальные роли и функции.

Следует отметить, что развитие информационного общества способствует трансформации отношений во всех сферах жизни, происходящей на фоне взросления новых поколений, которые «настроены» на другой ритм, иные цели и жизненные ориентиры [1, с. 34]. Вместе с тем существуют и традиционные варианты воздействия на сознание или физиологию человека, которые стали нормой для значительной части взрослого населения и являются притягательными для несовершеннолетних, проецирующих на себя образ жизни и формируемые стереотипы. Речь идет прежде всего о табаке и алкоголе, наносящих существенный вред растущему организму и находящимся в поле зрения уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, в частности государственного санитарно-эпидемиологического надзора, федерального государ-

ственного надзора в области защиты прав потребителей и т.д., в связи с запретом на свободную реализацию данной продукции.

Таким образом, часть потенциальных рисков обусловлена наличием вредоносного продукта, который способен причинить значительный вред здоровью несовершеннолетних потребителей, в том числе спровоцировать появление хронических заболеваний. Свободное приобретение тех или иных товаров посредством оформления заказа в магазине, на маркетплейсах или иных торговых площадках в сочетании с потенциальной угрозой жизни и здоровью несовершеннолетних создает значительные риски для ряда общественных отношений, требует сосредоточения усилий общества и государства на оптимальных ограничительных и запретительных мерах.

Кроме того, многие существующие в настоящее время угрозы применительно к несовершеннолетним являются результатом спланированных действий со стороны представителей недружественных иностранных государств, спецслужб и т.д. Их приоритетная цель состоит в навязывании противоречащих традиционным ценностям и морально-этическим нормам моделей поведения, которые постепенно станут приемлемыми для несовершеннолетних и впоследствии негативно отразятся на многих аспектах функционирования государства и развитии общественных отношений. Для этого используется пропаганда, в основе которой лежит склонение несовершеннолетних не только к осознанному выбору варианта того или иного поведения, но и к приобретению какой-либо продукции, изменению привычного образа жизни или открытому противостоянию существующему в стране правопорядку или решениям органов публичной власти.

Суды понимают под пропагандой деятельность по распространению информации с целью сформировать в сознании установки и (или) стереотипы поведения либо побудить лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или воздержаться от их совершения*. В кон-

* Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2021 г. N 16-618/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тексте исследуемой проблематики пропагандируемые действия, товары, продукты, вещества и т.д. должны вызывать у несовершеннолетних стремление их попробовать, оценить их свойства, побудить избавиться от страхов или присоединиться к единомышленникам. В связи с вышеизложенным в настоящее время особое внимание уделяется именно виртуальному пространству, в котором с высокой степенью вероятности будут пропагандироваться радикальные тренды или потенциально опасные гаджеты. При этом необходимо осознавать, что новое или длительное время находящееся под запретом привлекает особое внимание несовершеннолетних, которые стремятся не только познать окружающий мир, но и определенным образом обозначить позицию относительно возможности самостоятельно принимать важные решения, подчас не заботясь о своем здоровье или последствиях необдуманных шагов.

В связи с рассматриваемой проблематикой важными являются также определенные ограничительные действия и меры, так или иначе направленные на защиту интересов несовершеннолетних, в том числе затрагивающие мировоззренческие аспекты, морально-нравственные ориентиры, традиции, или основу культурного кода российского общества. Следует согласиться с тем, что в настоящее время актуальны вопросы квалификации и реализации принципа неотвратимости административной ответственности за различные виды пропаганды деструктивного поведения в информационном пространстве, подрывающего нравственные устои общества [2, с. 28].

Иногда использования какого-либо препарата несколько раз достаточно для возникновения проблем со здоровьем, появления противопоказаний к выполнению социальных функций, формирования зависимости. Кроме того, многие несовершеннолетние используются в качестве поставщиков запрещенных товаров, активно втягиваются в криминальную среду либо становятся жертвами тех или иных противоправных схем.

На уровне федерального законодательства, а также законодательства субъектов Российской Федерации предпринимаются значительные усилия, направленные на сокращение легальных возможностей

причинения вреда несовершеннолетним. При этом, как верно указывает В.Н. Паршенко, очень важно заблаговременно взвешивать пользу и риски правовых нововведений, учитывать прошлый опыт и быть готовым оперативно трансформировать претворяемые в жизнь идеи [3, с. 50].

Только за последние несколько лет в административно-деликтное законодательство включен ряд составов правонарушений, прямо или косвенно обеспечивающих защиту интересов несовершеннолетних, ограждающих их от деструктивного воздействия и вовлечения в употребление вредоносного продукта и сомнительных изделий. Помимо этого, многие несовершеннолетние подвержены агрессивному воздействию со стороны криминальной субкультуры или структур, навязывающих те или иные модели поведения, не отвечающие правовой культуре социума. Например, в литературе отмечается, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий является в настоящее время достаточно распространенным негативным социальным явлением [4, с. 57].

Следует согласиться с тем, что современные меры противодействия административным правонарушениям не способны в достаточной мере эффективно влиять на поведение административных делинквентов, предупреждать совершение ими новых административных правонарушений [5, с. 37]. Следствием этого является поиск более эффективных способов минимизации количества совершаемых в отношении несовершеннолетних правонарушений, в том числе путем ужесточения санкций.

Например, имеющаяся возможность приобретения несовершеннолетними крепких спиртных напитков или слабоалкогольной продукции через маркетплейсы часто становится причиной совершения ими в состоянии алкогольного опьянения правонарушений, является фактором причинения материального ущерба, приводит к иным серьезным последствиям как применительно к самим несовершеннолетним правонарушителям, так и в отношении других лиц – жертв их агрессии и иных противоправных действий.

Очевидно, что посредством мер, принимаемых по совершенствованию

административно-правовых механизмов, выполняются важнейшие общегосударственные задачи, в том числе ориентированные на достижение целей демографической политики в стране. В связи с этим взятый государством курс на общее оздоровление нации будет сопровождаться совершенствованием нормативной базы и корректировкой мер юридической ответственности.

Установление административной ответственности означает признание определенных действий нежелательными и наказуемыми [6, с. 110]. Именно этот тезис должен стать основным при формировании успешной правоприменительной практики, способствовать значительному сокращению возможностей угрожать интересам несовершеннолетних.

Имеется ряд примеров принятия высшим органом законодательной власти важнейших решений в области защиты прав и интересов несовершеннолетних. В частности, с 1 марта 2025 г. введен запрет на продажу несовершеннолетним безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических). Кроме того, субъекты Российской Федерации наделены правом осуществления дополнительного правового регулирования продажи указанной продукции, включая время и место ее реализации*.

Эксперты Всемирной организации здравоохранения и представители Роспотребнадзора утверждают, что сахар, содержащийся в больших количествах в энергетических напитках, значительно увеличивает риск появления у несовершеннолетних, которые являются основными потребителями такой продукции, диабета и ожирения, приводит к развитию сердечно-сосудистых заболеваний и пр.**

* О запрете продажи безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических) несовершеннолетним и о внесении изменения в статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»: федер. закон от 8 авг. 2024 г. N 304-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Роспотребнадзор: официальный сайт. URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru>

В связи с этим применительно к вопросам административно-правовой защиты прав несовершеннолетних следует отметить также важность нормотворчества субъектов Российской Федерации. По словам А.С. Алихаджиевой, регионы в состоянии, ориентируясь на свои социально-экономические, природно-климатические, экологические, исторические и иные особенности, самостоятельно применять меры административного воздействия к правонарушителям по своему усмотрению, безусловно, если это не противоречит конституционным нормам и положениям федерального законодательства [7, с. 48].

Во многих субъектах Российской Федерации с учетом определенной инертности федерального уровня правового регулирования активно используются возможности дополнительной защиты несовершеннолетних посредством института административной ответственности. Например, предусматривается дополнительная правовая ответственность за нарушение правил продажи алкоголя, что, несомненно, сокращает реальные возможности и для его приобретения несовершеннолетними.

В частности, в Ленинградской области запрещена продажа алкогольной продукции в барах и буфетах, находящихся в многоквартирных домах, после 23:00. Продажа алкогольной продукции ограничивается также в рюмочных и иных подобных заведениях, а полномочиями по решению данного вопроса наделены субъекты Российской Федерации. Так, Законом Пермского края от 28 ноября 2024 г. N 392-ПК «О внесении изменений в Закон Пермского края “Об установлении дополнительных ограничений розничной продажи алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания в объектах общественного питания, расположенных в многоквартирных домах и (или) на прилегающих к ним территориях (в части увеличения размера площади зала обслуживания посетителей в объектах общественного питания), на территории Пермского края”» введены соответствующие ограничения, касающиеся, например, площади зала обслуживания посетителей

и иных аспектов*. В некоторых субъектах Российской Федерации закреплена ответственность за изготовление и (или) сбыт спиртных напитков домашней выработки, спиртосодержащих непищевых жидкостей (ст. 3.3 Закона Кировской области от 4 декабря 2007 г. N 200-ЗО «Об административной ответственности в Кировской области»)**. Данные меры, безусловно, направлены не только на взрослое население, они закладывают также необходимые жизненные ориентиры для подрастающего поколения, формируют стереотипы поведения в обществе, способствуют приобщению несовершеннолетних к здоровому образу жизни.

В действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) включен ряд составов, направленных на обеспечение защиты интересов несовершеннолетних и их здоровья по различным аспектам. Например, с марта 2025 г. действует норма, согласно которой запрещается продажа лицам, не достигшим совершеннолетия, товаров для личных и бытовых нужд, содержащих сжиженные углеводородные газы (бытовые зажигалки, газовые баллончики и др.)***. Ответственность за нарушение указанной нормы установлена ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ.

По аналогии с ранее введенными правовыми запретами на продажу несовершеннолетним электронных сигарет (вейпов), заиси азота (веселящего газа) или табачной продукции последовала реакция государства на опасность приобретения несовершеннолетними изделий со сжиженным углеводородным газом, который провоцирует развитие токсикологической зависимости и сопутствующих проблем со здоровьем. До недавнего времени эти товары, по сути, являющиеся стиму-

ляторами психической активности, были доступны любому потребителю независимо от его возраста. Именно этим можно объяснить значительное увеличение количества несовершеннолетних, попробовавших такой доступный вариант психоактивного воздействия на сознание, как сниффинг. Данная форма токсикомании является причиной развития депрессивного состояния или агрессии, постепенного поражения клеток головного мозга, в некоторых случаях остановки сердца. Таким образом, даже правовой запрет на продажу несовершеннолетним бытовых зажигалок способен сохранить чью-то жизнь, уберечь от неоправданного риска.

Опасность, подобную описанной выше, представляет и так называемое хромирование — вдыхание паров практически любых бытовых приборов и предметов, содержащих в своем составе токсичные пары. С этой целью может использоваться лак для ногтей, дезодорант или маркер. Указанные предметы несовершеннолетние могут свободно приобрести в магазине, а также найти дома. Следовательно, ограничительных мер в данном случае недостаточно. Часто необходима дополнительная информационно-просветительская работа в образовательных организациях.

В связи с этим должна быть поддержана инициатива, направленная на полный запрет оборота крайне опасных для здоровья человека электронных сигарет. В настоящее время рассматривается вопрос о передаче субъектам Российской Федерации полномочий на полный запрет реализации в регионе вейпов, жидкостей для них и иной никотинсодержащей продукции. Соответствующий законопроект предусматривает процедуру лицензирования торговли табачной и никотинсодержащей продукцией****.

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Законодательное Собрание Кировской области: официальный сайт. URL: <http://www.zsko.ru>

*** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2024 г. N 438-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

**** О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства» и статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»: проект федерального закона N 1024775-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

Кроме того, получают распространение предложения о расширении ограничительных мер в отношении лиц, допускающих продажу несовершеннолетним потенциально опасной и вредной продукции. Например, по мнению главы комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по охране здоровья С. Леонова, необходимо скорректировать правила продажи конфет с содержанием алкоголя*. Продажа конфет с начинкой, содержащей ликер или коньяк, несовершеннолетним стимулирует их интерес к алкогольной продукции в целом и не способствует формированию у них представления о здоровом образе жизни. Возможность беспрепятственного приобретения такой продукции постепенно может сформировать ошибочное представление об отсутствии противопоказаний для потребления алкоголя несовершеннолетними, а также вызывать у них положительные ассоциации именно с алкоголем, содержащимся в кондитерских изделиях. Кроме того, предлагается ограничить продажу несовершеннолетним чипсов, мороженого с алкоголем и иных продуктов.

Следует согласиться с тем, что административное принуждение понимается как вид принуждения, который урегулирован нормами административного права и заключается в оказании государственными и негосударственными субъектами на физических лиц и организации воздействия в профилактических целях или влекущего негативные последствия правоограничительного характера в связи с административным правонарушением [8, с. 50].

Таким образом, с учетом происходящих в стране и мире системных трансформаций, сопровождаемых активным развитием информационной среды и появлением новых технологий, требуется создать действенный механизм противодействия вовлечению несовершеннолетних в те или иные деструктивные процессы, попытаться сконструировать новые варианты защиты от возможного влияния на них через виртуальное пространство, оградить от потребления потенциально опасной и вредной продукции.

Исследователями справедливо подчеркивается, что эффективность государственного управления в период цифровой трансформации обуславливает необходимость адаптации органов государственной власти к новым цифровым реалиям и исполнения возложенных на них задач, ориентируясь на современные модели поведения в информационном пространстве [9, с. 39].

В литературе также отмечается, что эффективность реализации норм права, в том числе административного, в значительной мере зависит от действующего механизма их применения, регламентации порядка привлечения к такой ответственности [10, с. 62]. Другими словами, помимо формулирования материальных норм, необходимо своевременно продумывать процессуальные аспекты их реализации, тщательно анализировать юрисдикционные полномочия субъектов правоприменения, прорабатывать вопросы закрепления доказательственной базы по конкретным составам правонарушений, изучать иные важнейшие вопросы правоприменительной практики. Например, по мнению А.А. Ефимова, контрольная закупка как одно из наиболее эффективных средств выявления фактов продажи алкогольной продукции несовершеннолетним оказывается в определенной мере нелегитимной [11, с. 46].

Из вышеизложенного следует вывод о том, что многие инициативы могут стать бесполезными, поскольку механизм их практического применения не позволяет в полной мере обеспечить достижение цели прекратить вредное влияние на несовершеннолетних как в силу низкой степени правового воздействия, так и по причине наличия возможных «обходных путей».

Соглашаясь с тем, что основная форма реализации административно-правовой охраны — это административная ответственность [12, с. 139], следует проработать вопросы, связанные с правовыми санкциями, применительно и к другим потенциально опасным предметам, являющимся прямой угрозой для жизни и здоровья несовершеннолетних. В частности, значительный вред здоровью могут причинить различные пиротехнические изделия. Несмотря на то, что такая

* РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru>

продукция классифицируется по классам потенциальной опасности и соответствующему возрасту для ее приобретения, в КоАП РФ отдельной статьи, устанавливающей ответственность за продажу подобной продукции несовершеннолетним, не предусмотрено.

Кроме того, следует проанализировать необходимость увеличения возраста, с которого разрешено приобретение отдельных видов пиротехники, с 16 до 18 лет. Многие современные пиротехнические изделия представляют значительную угрозу вследствие своего сомнительного качества, их использование может привести к несчастному случаю, в том числе со смертельным исходом, или к крупному материальному ущербу.

В настоящее время на федеральном уровне уже скорректирована административная ответственность в сфере торговли устройствами для потребления никотинсодержащей продукции (ст. 14.53 КоАП РФ) и в части противодействия вовлечению несовершеннолетнего в процесс потребления данной продукции (ст. 6.23 КоАП РФ); ограничено свободное приобретение и иной оборот закиси азота (ст. 14.2 КоАП РФ), а также пропаганда использования (потребления) физическими лицами закиси азота (ст. 6.13.1 КоАП РФ), введены другие правовые запреты.

Вместе с тем представляется логичной проработка возможности установления в КоАП РФ административной ответственности, например, за допущение нахождения несовершеннолетних в игорных заведениях, как это закреплено в некоторых нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации (ст. 46.1 Закона Курской области от 4 января 2003 г. N 1-ЗКО «Об административных правонарушениях в Курской области»^{*}).

Не менее актуальным является усиление на федеральном уровне ответственности за приобретение гражданами по просьбе несовершеннолетних и передачу последним алкогольной продукции, в том числе слабоалкогольных напитков. В настоящее время виновные лица несут ответственность по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ

в виде административного штрафа в размере от 30 до 50 тысяч рублей, что не удерживает в ряде случаев продавцов подобной продукции от совершения аналогичных действий.

Более системного правового регулирования требуют и вопросы обеспечения безопасности несовершеннолетних, подвергающихся определенному воздействию в связи с навязыванием все новых опасных «челленджей» (имитации психического расстройства, культа худобы, подпиливания зубов и др.) через социальные сети. Онлайн-безопасность несовершеннолетних требует в большинстве случаев принятия оперативных мер, препятствующих дальнейшему распространению вредоносного контента в молодежной целевой аудитории.

Представляется возможным сконцентрировать внимание и соответствующие организационные усилия власти и общества на расширении механизма информирования несовершеннолетних о негативном влиянии подозрительного контента, содержащегося в киберпространстве, например путем включения подобных тем во внеучебные мероприятия и планы работы школьных психологов и иных специалистов. Кроме того, необходима разработка соответствующих памяток-рекомендаций для родителей с целью обращения внимания на возможные отклонения в поведении ребенка, в том числе возникающие вследствие его участия в сомнительных сообществах.

Для повышения эффективности мер административно-правовой ответственности за деструктивное воздействие на несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей следует взять за основу уже имеющийся инструментарий уголовного преследования лиц, предпринимающих попытки вовлечь несовершеннолетних в преступную деятельность (совершение диверсий, террористические акты, дропперство и пр.).

Целесообразным является включение в федеральное административно-деликтное законодательство специальной нормы, охватывающей разные варианты деструктивного воздействия на несовершеннолетних с помощью информационных ресурсов

^{*} Интернет-портал правовой информации Курской области. URL: <https://kurskpravo.ru>

и социальных сетей, связанного, в частности, с призывами к причинению вреда себе и окружающим, дестабилизирующему обстановку поведению или выполнению опасных трюков. Такой подход будет в полной мере соответствовать Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. N 358*, как в части снижения уровня детской смертности и детского травматизма, сохранения здоровья детей, так и при формировании безопасной информационно-среды для них.

Вышеизложенное позволяет сформулировать предложения, направленные на защиту жизни и здоровья несовершеннолетних от различного деструктивного воздействия:

1. Провести системный анализ норм действующего федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации в части корректировки административно-правовых санкций за совершение правонарушений, связанных с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних.

2. Принять за основу нормы соответствующих нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, закрепить в КоАП РФ специальные составы, ограничивающие возможность посещения несовершеннолетними игровых заведений.

3. Установить на законодательном уровне запрет продажи несовершеннолетним некоторых видов товаров, использование которых способно причинить материальный ущерб или вред их здоровью (пиротехнические изделия, бензин и дизельное топливо, детские питбайки и пр.).

4. Включить в КоАП РФ специальную норму, предусматривающую строгое наказание для лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправную деятельность и совершение опасных для их здоровья действий.

В заключение следует отметить, что не только цифровая гигиена в отношении тех или иных блогеров со стороны регуляторов платформ и самого государства, но и обоснованное введение адекватных административно-правовых санкций способны стать важнейшими средствами, с помощью которых возможно будет сократить количество трагических случаев среди несовершеннолетних и выстроить системную работу в данном направлении.

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Список источников

1. Баракина Е.Ю. Некоторые аспекты применения инновационных технологий в сфере оказания юридической помощи // Юрист. 2022. N 5. С. 34-39.
2. Зайцев И.А. Особенности квалификации административных правонарушений, несущих деструктивный характер, в условиях формирования информационного общества (на примере ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ и ст. 6.13.1 КоАП РФ) // Административное право и процесс. 2023. N 10. С. 28-30.
3. Паршенко В.Н. Запрещать или не запрещать: табак и права человека в XXI веке // Закон. 2024. N 12. С. 49-55.
4. Мусейбов А.Г., Борбат А.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: особенности правового регулирования и квалификации // Российский следователь. 2022. N 7. С. 56-60.
5. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Объект административной педологии // Административное право и процесс. 2020. N 11. С. 37-42.
6. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / Н.С. Волкова, А.А. Ефремов, С.М. Зырянов [и др.]; отв. ред. Л.К. Терещенко. Москва: Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.
7. Алихаджиева А.С. Некоторые проблемы реализации административной ответственности за нарушения водного законодательства в Российской Федерации и ее субъектах // Современное право. 2019. N 10. С. 44-51.
8. Соболева Ю.В. К вопросу о понятии административного принуждения в условиях реформы контроля и надзора // Административное право и процесс. 2020. N 11. С. 49-51.
9. Канунникова Н.Г. Государственное управление в условиях цифровизации: зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития // Административное право и процесс. 2023. N 6. С. 38-40.
10. Петрыкина Н.И., Адигамов А.И. К вопросу об эффективности применения мер административной ответственности за нарушения законодательства о выборах // Административное право и процесс. 2021. N 5. С. 60-66.

11. Ефимов А.А. К вопросу о противодействии розничной продаже алкогольной продукции несовершеннолетним лицам // Административное право и процесс. 2023. N 4. С. 45-48.
12. Емельянов А.С. Механизм административно-правового регулирования // Журнал российского права. 2024. N 8. С. 127-145.

References

1. Barakina E.Yu. Some aspects of the application of innovative technologies in the field of legal assistance. Lawyer, 2022, no. 5, pp. 34-39. (In Russ.).
2. Zaytsev I.A. Peculiarities of the qualification of administrative offenses of a destructive nature in the context of the formation of the information society (using Part 1.1 of Article 6.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Article 6.13.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation as an example). Administrative law and process, 2023, no. 10, pp. 28-30. (In Russ.).
3. Parshenko V.N. To prohibit or not to prohibit: tobacco and human rights in the 21st century. Law, 2024, no. 12, pp. 49-55. (In Russ.).
4. Museibov A.G., Borbat A.V. Involvement of a minor in anti-social acts: features of legal regulation and qualifications. Russian Investigator, 2022, no. 7, pp. 56-60. (In Russ.).
5. Deryuga A.N., Shaklein S.N. The Object of Administrative Penology. Administrative Law and Procedure, 2020, no. 11, pp. 37-42. (In Russ.).
6. Volkova N.S., Efremov A.A., Zyryanov S.M. [i dr.]. State, Society, and the Individual: Overcoming Challenges and Threats in the Information Sphere. Moscow, Infotropic Media Publ., 2024. 352 p. (In Russ.).
7. Alikhadzhieva A.S. Some Problems of Implementing Administrative Responsibility for Violations of Water Legislation in the Russian Federation and Its Subjects. Modern Law, 2019, no. 10, pp. 44-51. (In Russ.).
8. Soboleva Yu.V. On the concept of administrative coercion in the context of control and supervision reform. Administrative law and process, 2020, no. 11, pp. 49-51. (In Russ.).
9. Kanunnikova N.G. Public administration in the context of digitalization: foreign experience, problems and prospects for development. Administrative law and process, 2023, no. 6, pp. 38-40. (In Russ.).
10. Petrykina N.I., Adigamov A.I. On the issue of the effectiveness of administrative liability measures for violations of election legislation. Administrative law and process, 2021, no. 5, pp. 60-66. (In Russ.).
11. Efimov A.A. On the issue of countering the retail sale of alcoholic beverages to minors. Administrative law and process, 2023, no. 4, pp. 45-48. (In Russ.).
12. Emel'yanov A.S. Mechanism of administrative and legal regulation. Journal of Russian Law, 2024, no. 8, pp. 127-145. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

Проблемы достижения цели административного наказания за правонарушения в области дорожного движения

Сергей Николаевич Шаклеин,

Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Магаданской области, Магадан, Россия; Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, shaklein83@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемных вопросов дорожной деликтности, сохраняющих свою актуальность в связи с ежегодным увеличением количества регистрируемых административных правонарушений в области дорожного движения, подтверждающим недостаточность и неэффективность реализуемых в отношении административных делинквентов юрисдикционных мер, и прежде всего административного наказания. Обосновывается, что имеющиеся административно-наказательные средства малоэффективны, поскольку санкции, предусмотренные статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, не позволяют должностным лицам в полной мере применять индивидуальные, соразмерные и справедливые административные наказания, которые оказывали бы надлежащее воспитательное воздействие, удерживали от повторных нарушений правил дорожного движения и в целом способствовали повышению культуры участников дорожного движения. Автором выявлены наиболее существенные проблемы достижения цели административного наказания за правонарушения в области дорожного движения и обоснованы возможные меры повышения эффективности соответствующей правоустановительной и правореализационной практики.

Ключевые слова: административное наказание, цель административного наказания, безопасность дорожного движения, эффективность административного наказания, нарушение правил дорожного движения

Для цитирования: Шаклеин С.Н. Проблемы достижения цели административного наказания за правонарушения в области дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 34-40.

Problems of achieving the purpose of administrative punishment for road traffic offences

Sergey N. Shaklein,

Magadan Region Directorate of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Magadan, Russia; All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, shaklein83@mail.ru

Abstract. The article considers the problematic issues of the road traffic delinquency, remaining relevant due to the annual increase in the number of registered road traffic offenses, which confirms the insufficiency and ineffectiveness of jurisdictional measures, particularly administrative punishment, applied against the administrative delinquents. It is argued that existing administrative punitive measures are ineffective, since the sanctions under the articles of the Russian Code of Administrative Offences do not allow the officials to fully impose individual, proportional and fair administrative punishments able to assure an appropriate educational influence, to deter repeated traffic violations and generally contribute to improving the road users' culture. The most significant problems of achieving the purpose of administrative punishment for road traffic offences are identified. Some possible measures to improve the effectiveness of the relevant law-making and law enforcement practice are justified.

Keywords: administrative punishment, purpose of administrative punishment, road safety, effectiveness of administrative punishment, violation of traffic rules

For citation: Shaklein S.N. Problems of achieving the purpose of administrative punishment for road traffic offences // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 34-40.

Научная общественность на протяжении многих десятилетий исследует теоретические и прикладные аспекты применения административных наказаний. Им посвящены труды советских и современных ученых-административистов, в том числе Д.Н. Бахраха, И.И. Веремеенко, Л.В. Коваля, И.В. Максимова, Л.Л. Попова, О.С. Рогачевой, Б.В. Россинского, А.П. Шергина.

Изучением административных наказаний в области дорожного движения занимались А.И. Быков, В.В. Головкин, В.И. Майоров, И.В. Слышалов. В настоящее время вопрос о повышении эффективности применения административных наказаний остается актуальным в связи со значительным увеличением количества административных правонарушений и повышением показателя их повторности. Анализ данных ведомственной статистической отчетности за восьмилетний период показал, что с 2017 по 2024 год количество административных правонарушений, выявляемых на территории Российской Федерации сотрудниками органов внутренних дел, увеличилось на 215,5 % (со 121 516 013 до 261 835 731)*. Аналогичная негативная динамика выявлена применительно к административной деликтности в области дорожного движения — прирост за этот же период времени составил 228,9 % (со 111 443 741 до 255 123 051)**.

Следует обратить внимание на то, что в 2025 году произошло снижение уровня зарегистрированной административной деликтности — 238 860 232 правонарушения***, в том числе 232 170 718 — нарушения в области дорожного дви-

жения****. Данное обстоятельство объясняется двумя причинами: во-первых, изменением с 1 сентября 2024 г. порядка размещения стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации***** и, во-вторых, ужесточением в начале 2025 года административной ответственности*****.

Таким образом, подавляющее большинство выявляемых административных правонарушений совершается в области дорожного движения. Объяснение роста дорожной деликтности расширением практики использования технических средств автоматической фото- и видеофиксации и проведения производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения в упрощенном порядке не может служить надлежащей аргументацией. Указанная практика формируется на протяжении ряда лет, что должно было бы приучить водителей транспортных средств к соблюдению правил дорожного движения, но этого не произошло [1, с. 52].

Отдельного внимания заслуживает такое явление, как латентность административных правонарушений в области дорожного движения, на наличие которой косвенно указывает статистика административных правонарушений, выявляемых с использованием технических средств

**** Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2025 году: информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, М.М. Исаев [и др.]. Москва: НЦ БДД МВД России, 2026. С. 70.

***** См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О Государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 29 мая 2023 г. N 197-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

***** См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 26 дек. 2025 г. N 490-ФЗ // Там же.

* Главный информационно-аналитический центр МВД России. Доступ из Единой системы инф.-аналит. обеспечения деятельности МВД России.

** Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, М.М. Исаев [и др.]. Москва: НЦ БДД МВД России, 2025. С. 6.

*** Главный информационно-аналитический центр МВД России. Доступ из Единой системы инф.-аналит. обеспечения деятельности МВД России.

автоматической фото- и видеофиксации. Увеличение количества административных правонарушений, выявляемых техническими средствами автоматической фото- и видеофиксации, позволяет предположить, что латентные административные правонарушения в области дорожного движения также исчисляются миллионами.

Массовый характер административных правонарушений в области дорожного движения связан с проблемами правовой регламентации и реализации административных наказаний за их совершение, что не позволяет назвать правоохранительную практику успешной. При этом наиболее распространенным способом совершенствования этой части законодательства об административных правонарушениях является ужесточение наказаний за совершение административных правонарушений в области дорожного движения. Из результатов правоприменительной деятельности следует, что подобные решения малоэффективны, в лучшем случае они способствуют временному достижению цели административного наказания, после чего снова фиксируется рост административной деликтности.

Одно из законодательных решений по анализируемому вопросу было реализовано в Федеральном законе от 26 декабря 2024 г. N 490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». В связи с этим с 1 января 2025 г. произошло, во-первых, увеличение размеров административных штрафов за наиболее часто фиксируемые нарушения правил дорожного движения; во-вторых, изменение условий уплаты административных штрафов, срок так называемой льготной уплаты увеличился до 30 дней, а размер скидки сократился с 50 до 25 % от общей суммы административного штрафа. О результативности принятых мер судить преждевременно, однако целесообразно рассмотреть, в том числе с учетом обращения к трудам ученых-административистов, вопросы эффективности применения административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения.

В частности, В.И. Майоров, анализируя эффективность административного наказания в области обеспечения безопасно-

сти дорожного движения, пришел к выводу о том, что ужесточение административно-деликтных санкций не способствует в необходимом объеме решению проблемы, так как применительно к ряду постоянных нарушителей наказание не выполняет превентивной функции, и для повышения его эффективности следует использовать дифференцированный подход [2, с. 82].

А.П. Шергин, изучая систему административных наказаний, подчеркивает, что повышение размеров административных штрафов в надежде на улучшение состояния правопорядка основано на фетишизации роли наказаний [3, с. 272]. При этом возможности наказания правонарушителей оценены ученым как недостаточные, поскольку после их применения противоправная деятельность продолжается [4, с. 24].

Обоснованность приведенных выше выводов подтверждается результатами анализа санкций статей, содержащихся в главе 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), и закреплением в санкциях только одного вида административного наказания — лишения специального права (чч. 2.1, 4, 5 ст. 12.2, чч. 3-6 ст. 12.5, ч. 7 ст. 12.9, ч. 3 ст. 12.10, ч. 5 ст. 12.15, ч. 3.1 ст. 12.16 КоАП РФ). При этом следует отметить, что, согласно Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. N 841, нарушения, за совершение которых предусматривается административное наказание в виде лишения права управления транспортным средством, признаются грубыми*. Лишение специального права, являющееся как основным, так и дополнительным видом административного наказания, в отношении лиц, которым не предоставлено специальное право на управление транспортным средством, применяться не может.

Особенности привлечения к административной ответственности лиц, не обладающих специальным правом, в случаях,

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

когда административно-деликтная санкция упоминает только один вид административного наказания, отмечены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. N 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ»*. Если санкция не предусматривает иного вида наказания, кроме лишения специального права, то действия субъекта административного правонарушения, не имеющего права управления транспортным средством, квалифицируются по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за управление транспортом лицом, которому такое специальное право не предоставлено, кроме случаев учебной езды.

Практика назначения административного наказания разнообразна, при этом нередко случаи прекращения производства по делу об административном правонарушении на стадии подготовки к рассмотрению административного дела за отсутствием состава. Кроме того, по составам административных правонарушений, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, лицо, не имеющее права управления, может избежать не только административной, но и уголовной ответственности (ст. 264.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), что нарушает принципы неотвратимости наказания, справедливости и равенства перед законом.

Исследование вопросов установления и применения административно-деликтных санкций должно проводиться не только в правовой, но и в юридико-социальной, юридико-психологической и иных плоскостях. От установления вида административного наказания до его реализации субъектом правоприменения выступает конкретное лицо. Субъекту административно-юрисдикционной деятельности, наделенному полномочиями по назначению и исполнению административных наказаний, важно применять соразмерные и справедливые наказания, подбирая в каждом конкретном случае такой их вид, который окажет наибольшее воспитатель-

ное воздействие, направленное на сознание правонарушителя, с целью привития ему правомерного поведения, что в целом отразится на повышении превентивного эффекта от деятельности по применению административных наказаний.

Следует согласиться с тем, что целью наказания является предупреждение совершения новых деликтов как самим правонарушителем, так и другими лицами путем их воспитания, нравственно-психологического преобразования сознания правонарушителя [5, с. 174]. О.С. Рогачева в связи с этим предлагает разработать административно-правовые санкции таким образом, чтобы административному делинквенту стало невыгодно совершать административное правонарушение. Для этих целей необходимо иметь модель административно наказуемого поведения [6, с. 341-342].

Исходя из вышеизложенного, для эффективного «строительства» санкций статей и применения административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения необходимо знание не только юриспруденции, но и иных наук, включая социологию и психологию. По замечанию Ю.И. Попугаева, назрела необходимость существенной корректировки административно-деликтного законодательства с использованием новых, научно аргументированных подходов, основывающихся на важнейших принципах права, социальной обусловленности ответственности и ее соразмерности с нанесенным ущербом [7, с. 43].

Изучение проблем достижения цели административного наказания за правонарушения в области дорожного движения предполагает исследование не только соответствующей правоустановительной практики, но и результатов административно-юрисдикционной деятельности должностных лиц Государственной инспекции безопасности дорожного движения в части применения ими административных наказаний (должностным лицам органов внутренних дел (полиции) в области дорожного движения предоставлено исключительное право назначения только двух видов административных наказаний — предупреждения и административного штрафа, а также исполнения четырех

* Рос. газ. 2019. 3 июля.

видов административных наказаний — предупреждения, административного штрафа, лишения специального права, административного ареста).

Наиболее острые проблемы достижения цели административных наказаний за совершение правонарушений в области дорожного движения в рамках как правоустановительной, так и правореализационной практики связаны со следующим.

Во-первых, сохраняются недостатки в законодательной практике установления административных наказаний. Правоприменитель не всегда имеет возможность выбора административного наказания, в полной мере соответствующего цели его применения, содействующего достижению воспитательного эффекта, привитию стойкой привычки правомерного поведения и повышению культуры участников дорожного движения. Содержание санкции статьи должно включать такой перечень административных наказаний, который позволял бы правоприменителю назначить индивидуальное, соразмерное и справедливое наказание, служащее правильной мотивацией к будущему законопослушному и безопасному поведению в условиях дорожного движения.

Во-вторых, много времени требует процессуальная деятельность по привлечению к административной ответственности (со дня выявления административного правонарушения должностным лицом до дня назначения административного наказания судьей или иным уполномоченным субъектом), что негативно отражается на превентивной цели административного наказания. Несвоевременное применение за совершенное правонарушение административного наказания снижает восприятие его негативных последствий административным делинквентом и, соответственно, эффективность воспитательного воздействия административного наказания в целом. В этом отношении следует поддержать мнение о том, что именно быстрота реакции на правонарушение, применение мер воздействия к виновным в надлежащее время имеют большое воспитательное значение как для самих правонарушителей, так и для окружающих. Несвоевременное административное наказание за деяние, социальное значение ко-

торого за давностью сроков осознается не так отчетливо, менее эффективно [8, с. 38].

При этом оперативность применения административного наказания напрямую зависит от времени осуществления таких процессуальных действий (и вынесения соответствующих процессуальных решений), как подготовка и направление на рассмотрение административных материалов в суд либо в иной административно-юрисдикционный орган, возвращение административного материала на доработку с целью устранения недостатков, которые можно было бы устранить на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, направление принятого по делу об административном правонарушении решения в орган исполнения административного наказания.

Создание дополнительного промежуточного звена в процессуальной деятельности уполномоченных представителей административной юрисдикции, связанного с распространенным видом административных деликтов, формализует работу сотрудников Госавтоинспекции и приводит к росту издержек вследствие необходимости «пересылки» административных дел в суды [9, с. 132-133]. На основании вышеизложенного, а также анализа проблемных вопросов правоприменительной практики привлечения к административной ответственности за нарушения в области дорожного движения представляется целесообразным проработать вопрос о наделении должностных лиц органов внутренних дел полномочием по рассмотрению административных материалов данной категории дел. Реализация этого предложения позволит повысить оперативность рассмотрения административных материалов и эффективность исполнения административных наказаний, минимизировать возможность избежать административной ответственности в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности.

В-третьих, информацией об объективной обстановке на месте совершения административного правонарушения (об обстоятельствах правонарушения, о поведении правонарушителя и т.д.) владеет в первую очередь должностное лицо, обнаружив-

шее административное правонарушение. Данная информация обязательно должна учитываться при выборе и назначении индивидуального, соразмерного и справедливого административного наказания. При этом передать исчерпывающую «картину» правонарушения судье или иному субъекту административной юрисдикции, уполномоченному на рассмотрение дела об административном правонарушении по существу и принятию по нему решения, бывает затруднительно (например, это может касаться поведения лица, в связи с противоправными действиями которого ведется производство по делу об административном правонарушении, его отношения, так или иначе проявляемого к представителю органа государственной власти, последствиям совершенного правонарушения, осознания лицом происходящих событий).

В-четвертых, как уже было отмечено, рассмотрение дел об административных правонарушениях и назначение административных наказаний может осуществляться на протяжении длительного периода времени, что дает возможность административному делинквенту продолжать нарушение правил дорожного движения. Например, лицо может повторно совершить административное правонарушение, квалифицируемое по ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ (повторное управление транспортным средством лицом, лишенным права управления), в то время как за это правонарушение могла бы наступить уголовная ответственность, предусмотренная ст. 264.3 УК РФ (управление транспортным средством лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние на основании ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ), если бы административный материал в отношении данного лица был оперативно рассмотрен.

В-пятых, анализ ведомственных статистических данных свидетельствует о недостаточной эффективности исполнения административных наказаний. В частности, не в полном объеме обеспечивается взыскиваемость административных штрафов, не всегда происходит сдача водительских удостоверений, после вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания в виде лишения специального права может быть подано

заявление об утрате водительского удостоверения, не во всех случаях отбывается административное наказание в виде административного ареста. Очевидно, что если назначенное административное наказание не исполняется или исполняется в недостаточной степени, то возникает обратный социальный эффект: появляется чувство безнаказанности, вседозволенности, происходит подрыв авторитета правоохранительных органов, что усиливает риски и угрозы безопасности дорожного движения.

При этом исполнение административных наказаний обеспечено ст. 20.25 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за уклонение от исполнения отдельных видов административных наказаний, в том числе административного штрафа, административного ареста, обязательных работ, административного выдворения и административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований. В то же время за неисполнение административного наказания в виде лишения специального права административная ответственность не предусмотрена. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в ст. 20.25 КоАП РФ и признать административно наказуемым деянием уклонение лица от сдачи документов или подачи заявления об их утрате в течение трех рабочих дней со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания в виде лишения соответствующего специального права.

В целях исключения угроз и рисков безопасности дорожного движения, связанных с участием в дорожном движении лиц, лишенных специального права, необходимо постановления о лишении права управления транспортным средством направлять на исполнение не только в органы внутренних дел, но и в органы, осуществляющие региональный государственный надзор в области технического состояния самоходных машин и других видов техники (далее — орган Гостехнадзора), и наоборот, постановления о лишении права управления трактором, самоходной машиной или другими видами техники направлять на исполнение не только в органы Гостехнадзора, но и в органы внутренних дел, чтобы исключить из участия в дорожном движении

лиц, лишенных права управления транспортным средством, но имеющих право на управление трактором, самоходной машиной или другими видами техники.

В-шестых, область дорожного движения настолько разнообразная, что правовая оценка любых ситуаций, возникающих на автомобильных дорогах, требует наличия профильных, специфичных знаний, которыми могут обладать только должностные лица, непосредственно в течение длительного времени осуществляющие деятельность в данной области (для этого важно на постоянной основе повышать свой профессиональный уровень, проходить дополнительное обучение, курсы повышения квалификации).

Разрешение указанных выше проблем, в том числе с учетом сформулированных в настоящей статье предложений, будет способствовать реализации одного из основных направлений увеличения эффективности управления в области обеспечения безопасности дорожного движения, предусмотренных подп. 19 п. 90 Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, а именно — оптимизации ответственности за счет эффективной реализации принципа неотвратимости наказания и обеспечения соразмерности наказания угрозам, создаваемым нарушением, в целях достижения максимального профилактического эффекта.

Список источников

1. Шаклеин С.Н. Повышение эффективности административных наказаний как превенция правонарушений в области дорожного движения // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. N 1. С. 50-56.
2. Майоров В.И. Проблемы административной ответственности в сфере дорожного движения // Вестник Омской юридической академии. 2017. N 4. С. 81-84.
3. Шергин А.П. Совершенствование системы административных наказаний // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник ст. по материалам ежегодной всерос. науч.-практ. конф., 23 марта 2018 г. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2018. С. 267-277.
4. Шергин А.П. Дорожная деликтология // Безопасность дорожного движения. 2024. N 2. С. 23-26.
5. Головки В.В., Майоров В.И. Основы безопасности дорожного движения: учебное пособие. Москва: Эксмо, 2008. 176 с.
6. Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного законодательства: монография. Воронеж, 2011. 356 с.
7. Попугаев Ю.И. О современных проблемах института административного правонарушения и наказания и необходимости существенной корректировки административно-деликтного законодательства // Теория и практика административного права и процесса: материалы X Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора В.Д. Сорокина (Небугские чтения) (пос. Небуг Краснодарского края, 1-3 октября 2015 г.). Челябинск: Цицеро, 2016. С. 38-44.
8. Головки В.В., Бражников В.В. Исполнение административного наказания // Законность. 2008. N 2. С. 38-41.
9. Быков А.И. Проблемы применения органами внутренних дел административных наказаний в области безопасности дорожного движения: диссертация... канд. юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2010. 197 с.

References

1. Shaklein S.N. Improving the effectiveness of administrative penalties as prevention of traffic offenses. Law and Order: history, theory, practice, 2025, no. 1, pp. 50-56. (In Russ.).
2. Mayorov V.I. Problems of administrative responsibility in the field of traffic. Bulletin of the Omsk Law Academy, 2017, no. 4, pp. 81-84. (In Russ.).
3. Shergin A.P. Improving the system of administrative penalties. Current issues of administrative and administrative-procedural law. Saint Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. Pp. 267-277. (In Russ.).
4. Shergin A.P. Road delictology. Road safety, 2024, no. 2, pp. 23-26. (In Russ.).
5. Golovko V.V., Mayorov V.I. Fundamentals of road safety. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 176 p. (In Russ.).
6. Rogacheva O.S. Effectiveness of the norms of administrative and tort legislation. Voronezh, 2011. 356 p. (In Russ.).
7. Popugayev Yu.I. On the current problems of the institute of administrative offense and punishment and the need for significant adjustments to administrative and tort legislation. Theory and practice of administrative law and process. Chelyabinsk, Tsitsero Publ., 2016. Pp. 38-44. (In Russ.).
8. Golovko V.V., Brazhnikov V.V. Execution of administrative punishment. Legality, 2008, no. 2, pp. 38-41. (In Russ.).
9. Bykov A.I. Problems with the use of administrative penalties by internal affairs bodies in the field of road safety. Cand. Diss. Moscow, 2010. 197 p. (In Russ.).

Раздел 4. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Функции уголовного права: понятие и признаки

Дарья Юрьевна Акиева,

кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, aurier@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7681-3409>

Аннотация. Статья посвящена уточнению понятия и признаков функций уголовного права как базовой категории уголовно-правовой теории. Рассматриваются проблемы отсутствия нормативного определения и единства доктринальных подходов к трактовке функций уголовного права. На основе обобщения философских, общетеоретических и уголовно-правовых подходов выявляются главные направления интерпретации функций в юридической доктрине. Показана связь функций уголовного права с его сущностью и социальным назначением, а также их зависимость от уголовной политики государства. Обоснован динамичный, исторически обусловленный и системный характер функций, проявляющийся в их включенности в механизм уголовно-правового регулирования. Предложено авторское определение понятия функции уголовного права, отражающее ее сущностные, политико-правовые и системные признаки.

Ключевые слова: функция уголовного права, понятие функции, признак функции, сущность уголовного права, уголовная политика, уголовно-правовое регулирование, системный подход

Для цитирования: Акиева Д.Ю. Функции уголовного права: понятие и признаки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 41-49.

Functions of criminal law: concept and features

Dar'ya Yu. Akieva,

Candidate of Legal Sciences, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, aurier@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7681-3409>

Abstract. The article clarifies the concept and features of functions of criminal law as a fundamental category of the criminal law theory. The issues related to the lack of both a normative definition and the unity in doctrinal approaches to interpreting the functions of criminal law, are considered. Based on the generalization of philosophical, general theoretical and criminal law approaches, the main areas of interpreting these functions in legal doctrine are identified. The relationship between the functions of criminal law and its essence and social purpose, as well as their dependence on the state criminal policy is demonstrated. The dynamic, historically conditioned and systemic nature of these functions, manifested in their inclusion in the mechanism of criminal law regulation, is substantiated. The author's definition of the function of criminal law, reflecting its essential, political-legal and systemic features, is provided.

Keywords: function of criminal law, concept of function, function feature, essence of criminal law, criminal policy, criminal law regulation, systemic approach

For citation: Akieva D.Yu. Functions of criminal law: concept and features // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 41-49.

Введение

Одним из важнейших методологических условий научного исследования является формирование четкого и содержательно выверенного понятия, адекват-

но отражающего сущность изучаемого явления. Отсутствие такой категории затрудняет процесс познания, осложняет определение предмета исследования и препятствует формированию целостного

представления об объекте. Разработка понятий имеет принципиальное значение и для юридической науки, поскольку способ определения категории во многом обуславливает направление ее дальнейшего изучения, позволяет выделить существенные признаки явления и отграничить его от смежных понятий.

Правовые понятия выполняют роль ориентиров в процессе систематизации правовой действительности и обеспечивают возможность последовательного освоения правовой реальности. Методологическая ценность научной категории проявляется не сама по себе, а в ее включенности в систему взаимосвязанных понятий, посредством которой отражается определенный фрагмент объективной реальности.

При этом научные понятия не являются неизменными и окончательно сформированными. Они развиваются исторически, углубляются и уточняются по мере накопления научного знания и обобщения правоприменительной практики. Изменения социальной и правовой действительности вызывают необходимость постоянного обновления понятийного аппарата, что обеспечивает развитие теории и ее соответствие реальным общественным процессам. В этом контексте особую значимость приобретают анализ и уточнение базовых категорий отраслевых юридических наук, к числу которых относится и понятие «функция».

Основная часть

Как показывает анализ юридической доктрины, и в настоящее время в правовой науке отсутствует единое понимание функций права не только в общем теоретическом плане, но и на уровне отдельных отраслей, что обуславливает наличие разнообразных, а нередко и противоположных научных позиций.

Для уяснения содержания рассматриваемой категории представляется необходимым обращение к общенаучным основаниям ее понимания. В философском смысле функция трактуется как определенное соотношение между двумя или несколькими объектами, при котором изменение одного элемента влечет соответствующее изменение другого. В социологическом контексте функция определя-

ется как роль, выполняемая социальным институтом или процессом по отношению к потребностям общества или отдельных социальных групп, что наглядно проявляется, в частности, при анализе функций государства, семьи, искусства и иных институтов [1, с. 751]. В данном аспекте функция рассматривается как имманентное свойство любой системы, исследуемое с позиции системного подхода.

Вместе с тем проблематика правовых функций по-прежнему нуждается в углубленном методологическом осмыслении. Уже в ранних фундаментальных исследованиях указывается на отсутствие единства подходов к определению понятия «функция права», что сохраняет свою актуальность и в настоящее время [2, с. 7-8].

В учебных изданиях по общей теории государства и права функции права традиционно определяются как основные направления его воздействия на общественные отношения, обусловленные сущностью и социальным предназначением права на различных этапах исторического развития [3, с. 150]. Через функции раскрываются сущностные характеристики и социальная природа права, обеспечивается реализация его предназначения и решение задач, стоящих перед государством и правом.

Указанные общетеоретические положения получают дальнейшее развитие в уголовно-правовой доктрине. Проблематика функций уголовного права занимает в ней важное место, что обусловлено ее значением для понимания социальной роли и назначения данной отрасли. Анализ научных позиций свидетельствует о наличии различных, а порой и конкурирующих подходов к определению понятия функции уголовного права.

В рамках одного из подходов функции уголовного права связываются с категорией социальной роли. Например, А.И. Бойцов рассматривает функции уголовного права как роль, выполняемую им в качестве социального института в процессе удовлетворения общественных потребностей [4, с. 52-53]. Аналогичную позицию занимает М.И. Ковалев, определяющий функцию как роль, реализуемую самим правом, акцентируя внимание на его социальном предназначении [5, с. 23].

Иной ракурс предложен С.Ю. Бытко, который, опираясь на философское понимание функции, подчеркивает ее значение как роли подсистемы в структуре более сложного целого, а также разграничивает явные и латентные функции, что позволяет глубже раскрыть многоаспектность воздействия уголовного права [6, с. 39].

В рамках другого подхода функции уголовного права рассматриваются как направления его воздействия на общественные отношения и поведение субъектов. В частности, А.Н. Попов определяет их как объективно существующие направления уголовно-правового воздействия, выявляемые посредством теоретического анализа функционирования отрасли в условиях государственно организованного общества [7, с. 8]. Аналогичной позиции придерживается А.И. Коробеев, который связывает функции уголовного права с основными направлениями его воздействия на преступность, подчеркивая, что именно через функции наиболее ярко проявляется активная роль уголовного права и его социальное назначение [8, с. 4].

В научных исследованиях также уделяется внимание регулятивному и управленческому аспекту функций уголовного права. В.Д. Филимонов рассматривает функции права как социальную роль, реализуемую в процессе организации и упорядочения общественных отношений, определяемую направленностью и методом правового регулирования [9, с. 23]. Близкой по содержанию является позиция О.Н. Коваленко, акцентирующей внимание на том, что функция уголовного права выражает его сущность, место в системе государственного управления и основные направления воздействия норм уголовного права на общественные отношения [10, с. 14].

Более системное определение предлагает С.Ю. Тимохин, рассматривающий функции уголовного права как объективные, относительно устойчивые и специфические свойства отрасли, обусловленные ее предметом и методом и обеспечивающие реализацию задач уголовного права. Такой подход позволяет рассматривать функции не только как внешние проявления воздействия, но и как внутренне присущие отрасли характеристики [11, с. 7]. Социально-целевой аспект функций подчеркивается

и С.В. Анощенковой, определяющей их как социальное назначение уголовного права, в котором объективируется его сущность, заключающаяся в обеспечении правопорядка в интересах всех членов общества посредством регулирования уголовно-правовых отношений [12, с. 135].

Относительно обособленную позицию занимает А.Э. Жалинский, предлагающий рассматривать функции права в более широком политико-правовом контексте, связывая их с легитимацией и организацией властных отношений, управлением поведением и разрешением социальных конфликтов, что позволяет выйти за рамки узкоотраслевого понимания функций уголовного права [13, с. 180].

Таким образом, в уголовно-правовой науке отсутствует единый, общепризнанный подход к определению понятия функции уголовного права. В доктрине прослеживается множество направлений ее понимания: как социальной роли уголовного права, как направления его уголовно-правового воздействия, как регулятивного и управленческого механизма, а также как объективного свойства отрасли, обусловленного ее предметом и методом. При этом следует подчеркнуть, что приведенные примеры не исчерпывают всего многообразия доктринальных подходов к пониманию функций уголовного права.

Обобщая представленные позиции, необходимо отметить, что понятие «функция уголовного права» трактуется многогранно — от социально-философского понимания роли права в обществе до отраслевого раскрытия направлений воздействия уголовного законодательства на преступность. При этом большинство определений опирается на два базовых подхода, сложившихся в теории государства и права: рассмотрение функции как социальной роли и как направления воздействия на общественные отношения.

В отсутствие нормативного закрепления понятия функций уголовного права, а также единообразия доктринальных подходов к его толкованию особое значение приобретает формирование научно обоснованного определения данной правовой категории. При исследовании любого явления первоочередным становится вопрос об определении его сущности в целом, после

чего изучаются отдельные стороны и особенности его развития. Фундаментальный характер рассматриваемой проблематики подчеркивается и В.Д. Филимоновым, отмечая невозможность решения частных вопросов уголовно-правовой теории без формирования целостного представления о ее базовых началах [9, с. 11].

Соответственно, прежде чем рассматривать конкретные функции права, необходимо сформулировать общее определение понятия «функция права». Такое определение должно содержать ключевые и существенные характеристики при том, что оно не может в полной мере отразить все отдельные проявления функции. Как верно подчеркивает О.Н. Коваленко, определение функций уголовного права должно соответствовать общенаучному пониманию категории «функция», учитывать реальные условия общественной жизни, специфику действующего уголовного законодательства и находиться в логическом согласовании с иными базовыми категориями уголовного права, включая его предмет, метод и задачи [14, с. 105-106].

Таким образом, на основе анализа различных точек зрения на функцию как на одно из базовых понятий доктрины в целом и доктрины уголовного права в частности можно выделить ряд общих свойств, присущих понятию функции уголовного права.

Во-первых, как справедливо отмечается в юриспруденции, функции уголовного права отражают его сущность. В уголовно-правовой доктрине, опирающейся на общеправовые и общетеоретические подходы, сущность уголовного права раскрывается с учетом отраслевой специфики и через систему ее фундаментальных категорий, к числу которых многие исследователи относят категорию общественной опасности.

По мнению Д.В. Мирошниченко, сущность уголовного права следует искать не только в тексте уголовного закона, но и в его онтологическом основании, то есть в том, что делает уголовно-правовой запрет «реальным» и оправданным. В центре этой сущности находится категория общественной опасности: через нее уголовное право объясняет, почему опре-

деленное поведение должно быть признано преступным. При этом Д.В. Мирошниченко подчеркивает современный сдвиг: общественная опасность понимается скорее не как уже причиненный вред, а как угроза вреда, исходящая от поведения конкретного лица. В связи с этим уголовное право в его сущности — это не просто реакция на последствия, а механизм предупреждения общественно опасного поведения, опирающийся на оценку личности и ее поведения в связи с охраняемыми ценностями и действующей системой социальных ценностей [15, с. 96].

Анализируя социальную сущность уголовного права через призму уголовной политики, Д.Н. Фартуков исходит из того, что уголовное право является инструментом реализации социальной функции государства и должно соответствовать задачам защиты наиболее значимых общественных отношений. С точки зрения Д.Н. Фартукова, социальная сущность уголовного права выражается в его направленности на охрану общественных благ от наиболее опасных посягательств, степень которых определяется категорией общественной опасности преступления.

Уголовно-правовой запрет, как подчеркивает Д.Н. Фартуков, социально оправдан лишь в том случае, если он основан на принципе справедливости и отражает реальный уровень общественной опасности деяния, а также его социальные последствия. Несоответствие между общественной опасностью преступления и установленными санкциями свидетельствует о деформации социальной сущности уголовного права и снижении эффективности уголовной политики. Тем самым указанный автор рассматривает сущность уголовного права как производную от уголовной политики социального государства, ориентированной на справедливую криминализацию деяний, соразмерность наказания и защиту ключевых интересов личности, общества и государства [16, с. 36].

Рассматривая сущность уголовного права, В.В. Хилута подчеркивает ее ценностно обусловленный и социально-исторический характер. Соответственно, уголовное право представляет собой охранительную отрасль права, основанную на идеях вреда и безопасности и предназначенную для

защиты наиболее значимых социальных благ. Преступлением признается такое поведение, которое причиняет существенный вред общественным ценностям и вступает в конфликт с господствующими в обществе морально-нравственными установками.

Сущность уголовного права, как утверждает В.В. Хилjuta, выражается в формулировании социально оправданных запретов, посредством которых общество делегирует государству право на применение легитимного принуждения в целях обеспечения социальной стабильности и справедливости. При этом уголовно-правовой запрет сохраняет свою легитимность лишь постольку, поскольку он соответствует моральным ожиданиям общества и направлен на охрану базовых социальных ценностей [17, с. 35].

Обобщая представленные научные позиции, можно сделать вывод о том, что сущность уголовного права понимается как социально обусловленная и ценностно ориентированная система правовых запретов и мер государственного принуждения, направленная на охрану наиболее значимых общественных отношений от общественно опасных посягательств, реализуемая через функции права. В центре данной сущности находится категория общественной опасности, выступающая ключевым критерием криминализации деяний и соразмерного принуждения.

При этом уголовное право — это не только реакция на уже причиненный вред, но и механизм предупреждения угроз охраняемым социальным благам, основанный на оценке поведения личности в контексте общественных ценностей и задач уголовной политики. Его сущность выражается в установлении социально справедливых и легитимных запретов, соразмерных характеру и степени общественной опасности деяний и обеспечивающих баланс интересов личности, общества и государства.

В этом контексте сущность уголовного права проявляется не абстрактно, а через его практическое воздействие на общественные отношения, то есть через выполняемые им функции. Именно функции позволяют выявить, каким образом правовая воля общества и государства, воплощенная в уголовно-правовых нормах, реализует цели охраны социальных

благ, предупреждения общественно опасного поведения и поддержания баланса интересов личности, общества и государства. Следовательно, функция уголовного права может рассматриваться как внешнее проявление его сущности, выражающее основные направления воздействия уголовно-правовых норм на общественные отношения в соответствии с социальным назначением уголовного права. В связи с этим отражение сущности уголовного права следует признать одним из ключевых признаков понятия функции уголовного права, позволяющих отличить функции от иных характеристик и свойств данной отрасли права.

Во-вторых, функции уголовного права представляют собой исторически изменчивую категорию, отражающую не только его сущность, но и конкретный курс уголовной политики государства на определенном этапе общественного развития. Роль функций уголовного права в условиях постоянной динамики общественного развития не может оставаться неизменной. Именно в функциях находит выражение то, каким образом государство понимает задачи противодействия преступности и допустимые пределы уголовно-правового воздействия в соответствующий исторический период.

Интересной в этом контексте представляется точка зрения А.А. Кузнецова, который для иллюстрации динамического характера функций уголовного и уголовно-исполнительного права обращается к анализу эволюции категории уголовной ответственности, прошедшей длительный путь трансформации — от преимущественно устрашающего воздействия к функциям контроля и социального регулирования.

Как отмечает А.А. Кузнецов, по мере эволюции социальных процессов происходит перераспределение значимости функций уголовной ответственности, которое находит выражение в изменении их соотношения и способов реализации. Историческое развитие категории ответственности демонстрирует переход от преобладания устрашающих форм принуждения к моделям, ориентированным на контроль и социальную регуляцию, что отражает не простую смену идей, а глубокую трансформацию общественного сознания

и отношения к преступлению, личности преступника, государственному насилию и базовым ценностям, включая свободу воли и права человека.

По мнению А.А. Кузнецова, идеи ответственности носят производный характер и формируются под влиянием объективных социальных процессов, определяя не сами направления развития принудительного механизма, а систему средств его реализации. В связи с этим уголовная ответственность выступает основанием формирования судебно-уголовной политики и ее функций, задавая пределы и возможности их реализации [18, с. 268-269].

Во многом схожая позиция высказывается М.М. Бабаевым и Ю.Е. Пудовочкиным, которые подчеркивают, что наказание, а следовательно, и уголовная ответственность в целом представляют собой квинтэссенцию судебно-уголовной политики. Исследователи считают, что именно через институт наказания наиболее полно проявляются ее ключевые характеристики, поскольку в нем концентрируются сущностные основания уголовной политики, раскрывается ее нормативный и практический потенциал, а также выявляются присущие ей противоречия и проблемные аспекты [19, с. 118].

Таким образом, следует согласиться с А.А. Кузнецовым в том, что функции уголовного права целесообразно рассматривать в качестве важнейших ориентиров, отражающих государственную стратегию в сфере противодействия преступности. Их анализ позволяет судить не только о содержании и направленности уголовной политики, но и о характере отношения публичной власти к базовым социальным ценностям, а также о предпочтении той или иной модели общественного развития. В данном контексте функции уголовного права выступают формой выражения государственной воли, что дает основание рассматривать их не просто во взаимосвязи с уголовной политикой, а как ее внешнее и объективированное проявление.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что функции уголовного права носят динамичный, исторически обусловленный характер и находятся в тесной взаимосвязи с уголовной политикой государства. Они не являются раз и навсег-

да заданными направлениями правового воздействия, а изменяются в зависимости от трансформации общественных отношений, эволюции представлений о преступлении и наказании, а также переосмысления допустимых пределов уголовно-правового принуждения.

В этом смысле функции уголовного права отражают конкретный курс уголовной политики на определенном этапе общественного развития и выступают формой ее нормативного выражения. Через изменение содержания и соотношения функций уголовного права государство объективирует свое понимание задач противодействия преступности, приоритетов охраны социальных ценностей и моделей применения государственного принуждения. Соответственно, динамичность и обусловленность уголовной политикой следует рассматривать в качестве самостоятельного и существенного признака понятия функции уголовного права.

Наконец, в-третьих, само обращение к термину «функция» в научном анализе того или иного явления предполагает использование положений структурно-функционального подхода. В рамках данного подхода исследуемое явление рассматривается не изолированно и статично, а как динамически включенное в систему взаимосвязанных элементов, в составе которой оно выполняет определенную роль. Применение системного подхода к исследованию социальных объектов, к числу которых относятся общественные отношения и уголовное право, позволяет использовать основные закономерности теории систем, в том числе закономерности целостности (взаимодействия части и целого), иерархической упорядоченности, необходимого разнообразия, а также развития систем [20, с. 119]. В этом смысле функции уголовного права носят системный характер и выступают неотъемлемым элементом механизма уголовно-правового регулирования (воздействия).

Уголовно-правовое воздействие на общественные отношения осуществляется посредством реализации функций уголовного права. В юридической науке функция должна рассматриваться с позиций системного подхода как выражение роли права в целенаправленном воздействии

на социальные процессы. Таким образом, воздействие на общественные отношения составляет основное назначение функции права. При этом функция права обусловлена совокупностью уголовно-правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения и образующих соответствующую отрасль права. Соотношение отрасли права и ее функций характеризуется взаимной обусловленностью: изменение содержания отрасли неизбежно влечет трансформацию ее функций, что объясняется их непосредственной связью. Исходя из этого отрасль права и ее функции могут быть рассмотрены как элементы единой системы, обладающей признаками целостности и внутренней согласованности.

Как справедливо отмечают А.А. Долгополов, А.Н. Ильяшенко и А.В. Белоконов, особое значение категория «функция» приобретает в рамках системного подхода во взаимосвязи с понятием структуры. Структура системы объединяет ее элементы, каждый из которых выполняет определенную функцию, а их совокупность обеспечивает существование и устойчивость системы в целом. Общественные отношения и отрасль права в данном контексте выступают как две взаимодействующие системы, а реализация функций отрасли права обеспечивает их взаимосвязь и взаимное влияние. Следовательно, анализ процесса реализации функций уголовного права предполагает выявление их содержания с точки зрения взаимодействия указанных систем [20, с. 122].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что функции уголовного права по своей природе носят системный характер. Они формируются и реализуются не изолированно, а в рамках взаимодействия уголовного права как отрасли с системой общественных отношений, на которые на-

правлено уголовно-правовое воздействие. В этом качестве функция уголовного права выступает не только как направление правового воздействия, но и как элемент целостного механизма уголовно-правового регулирования, обеспечивающего согласованность и устойчивость функционирования правовой системы.

Следовательно, системный характер необходимо рассматривать в качестве одного из существенных признаков понятия функции уголовного права, выражающих ее обусловленность структурой отрасли уголовного права, взаимосвязь с иными элементами правовой системы и направленность на обеспечение взаимодействия уголовного права с системой общественных отношений.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет рассматривать функции уголовного права как категорию, в которой концентрированно проявляются его сущностные характеристики, историческая обусловленность и системная природа. Функции уголовного права отражают социально обусловленную правовую волю, реализуемую посредством уголовно-правового регулирования, а также динамику уголовной политики государства, определяющую пределы и способы уголовно-правового воздействия на общественные отношения.

Исходя из этого, под функциями уголовного права следует понимать исторически изменчивые, системно обусловленные основные направления воздействия уголовно-правовых норм на общественные отношения, в которых внешне проявляется сущность уголовного права и объективируется государственная воля, реализуемая в рамках уголовной политики на соответствующем этапе развития общества.

Список источников

1. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. Москва: Сов. энцикл., 1983. 840 с.
2. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Ленинград: Ленингр. ун-т, 1965. 188 с.
3. Вишневский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права: учебник / под ред. В.А. Кучинского. Минск, 2013. 479 с.
4. Бойцов А.И. Глава 1. Общая характеристика уголовного права // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. Санкт-Петербург: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 1061 [1] с.

5. Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1971. 146 с.
6. Бытко С.Ю. О явных и латентных функциях уголовного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. N 2. С. 39-43.
7. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие в таблицах / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко [и др.]; под ред. А.Н. Попова. Санкт-Петербург: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 76 с.
8. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2008. 1133 с.
9. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. 198 с.
10. Коваленко О.Н. Задачи и функциональные возможности уголовного права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 22 с.
11. Тимохин С.Ю. Функции, задачи и цели уголовного права: проблемы соотношения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 18 с.
12. Анощенкова С.В. К понятию функций уголовного права // Социально-политические науки. 2018. N 3. С. 131-136.
13. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. Москва: Проспект, 2009. 400 с.
14. Коваленко О.Н. Понятийный ряд категории «функции уголовного права» // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики: сборник материалов III Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 2 февраля, 14 февраля 2018 г. Новосибирск, 2018. С. 101-108.
15. Мирошниченко Д.В. Сущность уголовного права: онтологический аспект // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. N 4. С. 92-97.
16. Фартуков Д.Н. Социальная сущность уголовного права через призму уголовной политики // Научный портал МВД России. 2011. N 4. С. 33-37.
17. Хилjuta В.В. Пределы понимания сущности уголовного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. N 1. С. 31-36.
18. Кузнецов А.А. Проблемы определения функций ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Проблемы уголовной ответственности и наказания: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова, г. Рязань, 30 мая 2025 г. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2025. С. 265-269.
19. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебно-уголовная политика: монография Москва, Юрлитинформ, 2022. 471 с.
20. Долгополов А.А., Ильяшенко А.Н., Белоконов А.В. Об уголовно-правовых режимах реализации функций уголовного права // Философия права. 2024. N 4 (111). С. 117-124.

References

1. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1983. 840 p. (In Russ.).
2. Smirnov V.G. Functions of Soviet Criminal Law (Subject Matter, Objectives and Methods of Criminal-Law Regulation). Leningrad, Leningrad University, 1965. 188 p. (In Russ.).
3. Vishnevsky A.F. Gorbato N.A. Kuchinsky V.A. General Theory of State and Law. Minsk, 2013. 479 p. (In Russ.).
4. Boytsov A.I. Chapter 1. General Characteristics of Criminal Law. Criminal Law of Russia. General Part. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publishing House, 2006. 1061 [1] p. (In Russ.).
5. Kovalev M.I. Soviet Criminal Law. Issue 1: Introduction to Criminal Law. Sverdlovsk, Sverdlovsk Law Institute, 1971. 146 p. (In Russ.).
6. Bytko S.Yu. On Manifest and Latent Functions of Criminal Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, no. 2, pp. 39-43. (In Russ.).
7. Bezborodov D.A., Zarubin A.V., Kravchenko R.M. [i dr.]. Criminal Law. General Part. St. Petersburg, St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019. 76 p. (In Russ.).
8. Complete Course of Criminal Law. In 5 volumes. Vol. I. Crime and Punishment. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2008. 1133 p. (In Russ.).
9. Filimonov V.D. Protective Function of Criminal Law. St. Petersburg. Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 198 p. (In Russ.).
10. Kovalenko O.N. Tasks and Functional Capabilities of Criminal Law. Autoabstract Cand. Diss. Samara, 2012. 22 p. (In Russ.).
11. Timokhin S.Yu. Functions, Tasks and Goals of Criminal Law: Problems of Correlation. Autoabstract Cand. Diss. Vladivostok, 2002. 18 p. (In Russ.).

12. Anoshchenkova S.V. On the Concept of the Functions of Criminal Law. *Socio-Political Sciences*, 2018, no. 3, pp. 131-136. (In Russ.).
13. Zhalinsky A.E. *Criminal Law in Anticipation of Change: A Theoretical and Instrumental Analysis*. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p. (In Russ.).
14. Kovalenko O.N. Conceptual Framework of the Category "Functions of Criminal Law". *Socio-economic, humanitarian sciences and jurisprudence*. Novosibirsk, 2018. Pp. 101-108. (In Russ.).
15. Miroshnichenko D.V. The Essence of Criminal Law: The Ontological Aspect. *Scholarly Works of the Russian Academy of Advocacy and Notariat*, 2022, no. 4, pp. 92-97. (In Russ.).
16. Fartukov D.N. The Social Essence of Criminal Law Through the Prism of Criminal Policy. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 4, pp. 33-37. (In Russ.).
17. Khilyuta V.V. Limits of Understanding the Essence of Criminal Law. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1, pp. 31-36. (In Russ.).
18. Kuznetsov A.A. Problems of Defining the Functions of Liability in Criminal and Penal-Executive Law. *Problems of Criminal Liability and Punishment*. Ryazan, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. Pp. 265-269. (In Russ.).
19. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Judicial Criminal Policy*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 471 p. (In Russ.).
20. Dolgoplov A.A., Il'yashenko A.N., Belokon' A.V. On Criminal-Law Regimes for Implementing the Functions of Criminal Law. *Philosophy of Law*, 2024, no. 4, pp. 117-124. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

**Социальная обусловленность установления уголовной
ответственности за совершение деяний, предусмотренных
статьями 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации**

Сергей Дмитриевич Захарчук,

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, sergey-zahar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов социальной обусловленности установления уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а также за дискредитацию такого использования Вооруженных Сил Российской Федерации. Автором конкретизируется общественная опасность рассматриваемых деяний. Отмечается, что российская уголовная политика является неотъемлемым компонентом государственной политики, которая модернизируется под воздействием негативных последствий новых рисков и угроз национальной безопасности, а также традиционных криминальных вызовов. Актуализируется необходимость исследования в рамках уголовно-правовой науки вопроса о выделении такого объекта уголовно-правовой охраны, как обеспечение национальных интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: социальная обусловленность, общественная опасность, дискредитация, общественная безопасность, конституционный строй, уголовная ответственность

Для цитирования: Захарчук С.Д. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных статьями 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 50-57.

**Social conditioning of criminalizing the acts
specified in Articles 207.3 and 280.3
of the Criminal Code of the Russian Federation**

Sergey D. Zakharchuk,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, sergey-zahar@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of social conditioning of criminalizing the public dissemination of deliberately false information on the use of the Russian Armed Forces in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, to maintain international peace and security, and also discreditation of such use of the Russian Armed Forces. The author specifies the public danger of these acts. It is noted that the Russian criminal policy is an integral component of the state policy, which is being modernized under the influence of negative consequences of new risks and threats to national security and traditional criminal challenges. The article actualizes the need to research within the criminal law the issue of distinguishing such object of criminal law protection as ensuring the national interests of the Russian Federation.

Keywords: social conditioning, public danger, discrediting, public safety, constitutional order, criminal liability

For citation: Zakharchuk S.D. Social conditioning of criminalizing the acts specified in Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 50-57.

Введение

В связи с началом проведения в 2022 году специальной военной операции в российском обществе отдельными категориями лиц совершались публичные действия, направленные на формирование негативного общественного мнения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и государственных органов (далее – Вооруженные Силы РФ) в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Общественная опасность вышеназванных деяний выражается в том, что они не только создают негативное общественное мнение о выполнении задач и осуществлении полномочий Вооруженными Силами РФ за пределами территории Российской Федерации, но и, прежде всего, подрывают основы конституционного строя и безопасности государства и причиняют вред общественной безопасности в целом. Кроме того, формируется отрицательное отношение к военнослужащим Вооруженных Сил РФ, государственным служащим, выполняющим свой профессиональный долг по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, а также поддержанию международного мира и безопасности.

В связи с этим органами государственной власти было принято решение криминализировать данные общественно опасные деяния. В марте 2022 года Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен ст. 207.3, которая установила ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, а также ст. 280.3, предусматривающей ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности*.

Анализ положений нормативных правовых актов Российской Федерации,

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2022 г. N 32-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. N 10. Ст. 1389.

соответствующих материалов правоприменительной практики и научных позиций позволит определить сущность и содержание данных норм и по возможности разработать научно обоснованные предложения по их совершенствованию.

Основная часть

Одним из основополагающих принципов международного права, согласно Уставу ООН, является принцип уважения суверенитета. Однако в современном мире не все государства обладают суверенитетом, то есть уникальной, неосязаемой характеристикой, позволяющей независимо осуществлять как внешнюю, так и внутреннюю политику.

М.М. Долгиева и М.М. Долгиев отмечают, что «...приверженность принципам международного права, выражаемая в укреплении суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику и эффективно противостоять попыткам внешнего давления, нашла свое отражение в Конституции Российской Федерации, декларирующей незыблемость основ конституционного строя (ст. 16)» [1, с. 201].

Более того, как справедливо указывает С.Л. Нудель, «...развитие российского государства и общества на современном этапе происходит в условиях коренного изменения структуры мирового порядка, формирования новых архитектуры, правил и принципов мироустройства, которые сопряжены с попытками отдельных недружественных стран использовать существующие в Российской Федерации проблемы в целях разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества, стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере» [2, с. 6].

Представляется, что защита национальных интересов, обеспечение национальной безопасности является одной из основных задач органов государственной власти. Это следует и из содержания утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г.

N 400 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* (далее — Стратегия), согласно п. 1 которой «...последовательно проводимый Российской Федерацией курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала обеспечил укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления». В пункте 5 Стратегии закреплены основные понятия, раскрывающие содержание национальных интересов и суверенитета.

В соответствии с содержанием Стратегии обеспечение национальной безопасности осуществляется посредством обороны страны, государственной и общественной безопасности. Значимость данного документа сложно переоценить, так как в современный период нормы международного права фактически «не работают». События последних лет свидетельствуют о враждебных действиях Соединенных Штатов Америки (США) и их союзников по Организации Североатлантического договора (НАТО). В связи с этим Российская Федерация вынуждена защищать свой суверенитет, а также право на существование правовыми (в том числе уголовно-правовыми), военными и организационными средствами.

В литературе справедливо отмечается, что «...российская уголовная политика как неотъемлемый компонент государственной политики проходит этап вынужденной модернизации, характеризующийся поиском и внедрением эффективных форм нейтрализации и минимизации негативных последствий как вновь возникающих рисков и угроз национальной безопасности, так и традиционных криминальных вызовов. Основной формой такой модернизации является совершенствование правового регулирования механизмов реализации уголовной политики, поскольку она находит отражение в первую очередь в уголовном законе — основном “ин-

струменте” ее реализации, определяющем преступность, наказуемость и иные уголовно-правовые последствия общественно опасных деяний» [2, с. 7].

Меры, принимаемые органами государственной власти Российской Федерации в рамках охраны национальных интересов, общественной безопасности и конституционного строя посредством уголовного закона, свидетельствуют об особой значимости обозначенных ценностей.

После начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции появились крайне негативные высказывания и заявления ряда лиц против действий руководства страны и органов государственной власти. В связи с этим были конкретизированы национальные интересы, подлежащие охране. В целях повышения уровня правовой охраны общественной безопасности и конституционного строя были предприняты меры по формированию уголовно-правовых норм, направленных на охрану национальных интересов, общественной безопасности и конституционного строя. К таковым следует отнести и нормы, изложенные в ст.ст. 207.3 и 280.3 УК РФ.

Общественная опасность деяний, запрещенных указанными выше нормами, заключается в том, что публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, а также публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, формируют негативное общественное мнение не только в Российской Федерации, но и в международном пространстве, что ведет к формированию в обществе отрицательного отношения к Вооруженным Силам РФ и подрыву общественной и государственной безопасности, основ конституционного строя и ущемлению национальных интересов Российской Федерации в целом.

Введение рассматриваемых норм обосновывается и в научной литературе. Например, С.А. Пичугин отмечает, что проведение Вооруженными Силами РФ специальной военной операции «...привело к существенному изменению обстановки как в мире, так и в различных сферах российского общества. При развитых телекоммуникационных технологиях

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

современного информационного общества в условиях ведения информационной войны по различным каналам очень быстро распространяются... сообщения о военных действиях, причем информация может преподноситься по-разному с учетом политических взглядов и целей... источников, а при их сопоставлении быть противоречивой и даже противоположной. В ряде случаев может иметь место и не соответствующая действительности преднамеренная дезинформация, получившая в современном обществе название «фейк». По этим причинам распространение ложной информации требует от государства принятия соответствующих мер, в том числе и уголовно-правовых. Изменений потребовало и отечественное законодательство» [3, с. 55].

А.В. Бриллиантов акцентирует внимание на том, что «...заведомо ложная или, как теперь принято говорить, фейковая информация имеет перед собой цель исказить образ государства, его вооруженных сил, их целей и задач, средств и достижений, что в результате беспрепятственно позволяет создать в глазах и сознании людей образ врага, демонизировать страну и ее население» [4, с. 22]. Распространение указанной информации «недоброжелателями» имеет своей целью обоснование санкционной политики в отношении Российской Федерации, что в итоге должно привести к международной изоляции страны, истощению экономики, дестабилизации общества и, как следствие, к смене власти.

В свою очередь, А.Г. Кибальник указывает: «...введение в уголовный закон рассматриваемой статьи объясняется тем, что публичное распространение ложной информации (например, о проводимых военных операциях, боевых действиях, количестве боевых потерь) может привести к развитию неверных представлений среди населения о ходе специальной военной операции, “созданию пессимистического настроения в... обществе”» [5, с. 63].

Кроме того, дискредитация использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, подрывает авторитет органов государственной власти

Российской Федерации, прежде всего связанных с военным управлением.

Как представляется, оперативность внесения изменений в УК РФ (в части его дополнения ст.ст. 207.3 и 280.3 УК РФ) обусловлена необходимостью пресечения деятельности лиц по распространению в средствах массовой информации, а также в сети «Интернет» заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ и их дискредитации.

Анализ публикуемых в средствах массовой информации материалов позволил выявить мнения должностных лиц органов государственной власти, которые обосновывают введение рассматриваемых норм. В частности, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) В. Володин пояснил, что введение наказания за фейки – это «...жесткая, но необходимая мера для тех, кто совершает враждебные действия по отношению к своей стране, ее армии»*. По словам первого заместителя председателя комитета Государственной Думы по информационной политике С. Боярского, «...Вооруженные силы и практически все, что касается армии, – это засекреченная по объективным причинам сфера. Манипуляция общественным сознанием на информации, которая по своему определению имеет полузакрытый статус, несет прямую угрозу национальной безопасности России. Именно поэтому мы решили ввести специальную норму в уголовное законодательство»**. Глава комитета Государственной Думы по безопасности В. Пискарев заявил, что «...депутаты фиксируют много фейковых новостей о ходе специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР. При этом большинство из них генерируется на Украине, где существуют специальные центры, которые делают постановочные кадры, создают лже-новости. Их “творчество” подхватывает

* Вводится ответственность за распространение фейков о действиях ВС РФ // Государственная Дума: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru>

** Госдума рассмотрит введение ответственности за дискредитацию ВС РФ и фейки о них // ТАСС: официальный сайт. URL: <https://tass.ru>

ряд российских СМИ, а также пользователи в соцсетях. Такие факты должны быть предметом уголовного расследования, и лица, которые занимаются фальсификацией, должны быть наказаны самым жестким образом»*.

Как было отмечено выше, Федеральным законом от 4 марта 2022 г. N 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» УК РФ был дополнен ст.ст. 207.3 и 280.3. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» (2018 год) указано, что он направлен на защиту интересов и безопасности Российской Федерации, прав и свобод граждан Российской Федерации, прав и законных интересов российских юридических лиц и подготовлен в целях обеспечения реализации Федерального закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и (или) иных иностранных государств». При этом обосновывалось включение в УК РФ только ст. 284.2. Указанный проект федерального закона к началу его рассмотрения Государственной Думой во втором чтении, которое состоялось 4 марта 2022 г., дополнился ст.ст. 207.3 и 280.3. В результате законопроект был принят с новым наименованием — «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»**.

В заключениях, подготовленных профильными комитетами Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, отмечается следующее:

— федеральный закон направлен на усиление уголовно-правовых мер обеспечения безопасности государства;

— федеральным законом создается правовая основа для противодействия

не только дискредитирующим сведениям о мерах Российской Федерации по поддержанию международного мира и безопасности, но и деструктивному поведению отдельных лиц, призывающих к осуществлению иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации;

— федеральный закон направлен на предотвращение действий по дискредитации использования Вооруженных Сил РФ и недопущение распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ.

Оперативное принятие рассматриваемого проекта федерального закона было обусловлено потребностью в охране общественных отношений в сфере обеспечения общественной безопасности, а также основ конституционного строя. Более того, установление уголовной ответственности за соответствующие деяния необходимо для предупредительного воздействия на лиц, осуществляющих деятельность, направленную против интересов Российской Федерации и поддерживающих интересы иностранных государств. В литературе в связи с этим высказывается справедливая позиция о том, что нормы, включенные в УК РФ Федеральным законом от 4 марта 2022 г. N 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», составляют новый объект уголовно-правовой охраны — национальные интересы Российской Федерации [1, с. 202].

При этом нормативно определено, что национальные интересы Российской Федерации — это объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии (п. 5 Стратегии).

Т.Я. Хабриевой относительно понятия национальных интересов отмечается: «...для России, вступившей в XXI век в условиях международных и внутренних вызовов и даже угроз, такими законо-

* Госдума ввела уголовное наказание за фейки и дискредитацию Вооруженных Сил РФ // Рос. газ. 3 апр. 2022 г. URL: <https://rg.ru>

** Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

дательными приоритетами, в том числе в контексте уголовно-правового обеспечения национальной безопасности, становятся национальные интересы, понимаемые как жизненные интересы народа России, отражающие стремление граждан к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества и минимизации (ликвидации) этих угроз. Их нейтрализации должны служить правильно определенные приоритеты законодательства» [6, с. 19-20].

Следовательно, в понятие «национальные интересы» включается обеспечение охраны основных ценностей — личности, общества (в том числе общественной безопасности) и государства (основ конституционного строя). В связи с этим в целях повышения эффективности правовой охраны общественной безопасности и конституционного строя были скорректированы нормы, предусматривающие уголовную ответственность за деяния, сопряженные с публичным распространением ложной информации, призывами к деятельности, направленной на причинение вреда интересам государства. Федеральным законом от 25 марта 2022 г. N 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» внесены изменения в наименование статьи и диспозицию, изложенную в ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, а также в наименование и диспозиции, изложенные в ч. 1 и 2 ст. 280.3 УК РФ*, относительно определения государственных органов Российской Федерации как органов, на которые оказывается преступное воздействие.

Впоследствии работа по совершенствованию рассматриваемых норм продолжилась. В частности, Федеральным законом от 18 марта 2023 г. N 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», помимо наименований рассматриваемых статей, корректировке подверглись и санкции**. За совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 207.3 и ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, максимальный срок лишения свободы уве-

личился с трех до лет пяти, что повлекло изменение категории преступления (с преступления небольшой тяжести на преступление средней тяжести). В санкции нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, максимальный срок лишения свободы увеличился с пяти до семи лет, вследствие чего также произошло изменение категории преступления (с преступления средней тяжести на тяжкое преступление).

Последние изменения ст.ст. 207.3 и 280.3 УК РФ связаны с принятием Федерального закона от 25 декабря 2023 г. N 641-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»***. Изменениям подверглись как наименования статей, так и содержание диспозиций.

Обозначенные законодательные новеллы обусловлены расширением сферы применения данных статей путем дополнения их содержания новыми видами заведомо ложной информации, публичное распространение которой является дискредитацией и, соответственно, признается преступлением. Внесенные в УК РФ изменения имеют своей целью уголовно-правовую охрану деятельности различных государственных органов, организаций и лиц, осуществляющих защиту интересов Российской Федерации, ее граждан, а также поддержание международного мира и безопасности.

Представляется, что формирование рассматриваемых уголовно-правовых норм является новым направлением уголовной политики по охране национальных интересов Российской Федерации. В свою очередь, национальные интересы Российской Федерации включают в себя охрану интересов личности, общественной безопасности и основ конституционного строя. Оперативно принятые и в дальнейшем усовершенствованные нормы преследуют цель пресечения преступной деятельности в отношении национальных интересов Российской Федерации.

Более того, установление ответственности за действия, перечисленные в ст.ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, имеет выраженную социальную обусловленность. Это означает, что введение и применение уголовной ответственности напрямую

* См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Там же.

*** Там же.

связано с конкретными общественными потребностями, ценностями, а также вызовами, стоящими перед российским обществом и государством в текущий исторический период. Социальная обусловленность включения данных норм в УК РФ выражается в охране общественной безопасности и основ конституционного строя Российской Федерации, посредством которой будут обеспечены интересы общества и личности, в том числе в получении достоверной и объективной информации.

Ключевыми аспектами, относящимися к установлению уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ (ст. 207.3 УК РФ) и их дискредитацию (ст. 280 УК РФ), является обеспечение общественной безопасности и охрана основ конституционного строя. В частности, в условиях проведения специальной военной операции и высокой геополитической напряженности информация о действиях вооруженных сил стала ключевым элементом гибридной войны. Распространение ложных данных может подрывать боевой дух войск, вводить в заблуждение население, сеять панику, дискредитировать цели государства и наносить ущерб международному положению Российской Федерации. Более того, современное российское общество заинтересовано в стабильности и безопасности государства. Защита достоверной информации о Вооруженных Силах РФ законодательно закреплена как жизненно важный элемент обеспечения обороноспособности и национальной безопасности, что является фундаментальной потребностью социума и в итоге ведет к обеспечению национальных интересов.

Ложная информация, особенно о масштабных потерях, поражениях, военных преступлениях и т.д., способна спровоцировать панику, социальную напряженность, массовые беспорядки, недоверие к власти. Поддержание общественного спокойствия, предотвращение хаоса и социальной дестабилизации — базовая потребность любого общества. Законодательство отражает стремление защитить общество от деструктивного воздействия массовой дезинформации.

Вооруженные Силы РФ воспринимаются значительной частью общества как

гарант безопасности и суверенитета. Дискредитация Вооруженных Сил РФ подрывает доверие к государству, может деморализовать военнослужащих и их семьи, ослабить поддержку проводимой политики. Общество заинтересовано в поддержании доверия к институтам, обеспечивающим его защиту, а защита репутации армии рассматривается как защита символа государственности и патриотических чувств граждан.

На современном этапе в Российской Федерации распространение ложной информации рассматривается как инструмент, используемый враждебными внешними силами и их «агентами влияния» внутри страны для ослабления Российской Федерации. Восприятие информационного пространства как поля боя порождает социальный запрос на защиту от «враждебной пропаганды» и дезинформационных кампаний. Ответственность по ст.ст. 207.3 и 280.3 УК РФ становится инструментом такой защиты.

В кризисные периоды государство, как правило, стремится консолидировать общество вокруг общих целей и ценностей, контролируя нарратив. Значительная часть общества поддерживает идею единства и «патриотической мобилизации», видя в достоверной (с точки зрения государства) информации о Вооруженных Силах РФ основу для такого единства. Действующая редакция УК РФ отражает данную тенденцию.

Вывод

Социальная обусловленность ответственности за распространение ложной информации о Вооруженных Силах РФ заключается в реакции государства на существующие угрозы национальной безопасности, общественному порядку, основам конституционного строя и моральному духу в период вооруженного конфликта и информационного противоборства. Она отражает доминирующую в государственной политике и поддерживаемую частью общества позицию о необходимости жесткого контроля над информацией, касающейся армии, как вопроса стратегической важности. Однако данная обусловленность конкурирует с другими социальными ценностями — свободой слова, правом на информацию и критику власти, что порождает острую общественную дис-

куссию и критику правоприменительной практики.

В заключение следует отметить, что осуществляемая посредством правовых норм охрана общественной безопасности, основ конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств относится к задачам УК РФ (ст. 2). В современных условиях, учитывая

значительное внешнеполитическое давление на российское государство, в рамках уголовно-правовой науки целесообразно рассмотреть вопрос о выделении такого объекта уголовно-правовой охраны, как обеспечение национальных интересов Российской Федерации. В юридической литературе уже высказывались мнения по данному вопросу [1, с. 205].

Список источников

1. Долгиева М.М., Долгиев М.М. Развитие современного института уголовной ответственности за посягательства на национальные интересы Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. N 2. С. 201-205.
2. Нудель С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. N 1. С. 5-22.
3. Пичугин С.А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ: вопросы регламентации и правоприменения // Legal Bulletin. 2023. N 3. С. 53-63.
4. Бриллиантов А.В. Ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. N 1. С. 21-28.
5. Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую норму УК // Уголовный процесс. 2022. N 5. С. 62-69.
6. Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. N 12. С. 19-29.

References

1. Dolgieva M.M., Dolgiev M.M. Development of the modern institution of criminal liability for encroachments on the national interests of the Russian Federation. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, no. 2, pp. 201-205. (In Russ.).
2. Nudel' S.L. Modernization of criminal policy: problems of legal regulation. Journal of Russian Law, 2023, no. 1, pp. 5-22. (In Russ.).
3. Pichugin S.A. Criminal liability for the act provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: issues of regulation and law enforcement. Legal Bulletin, 2023, no. 3, pp. 53-63. (In Russ.).
4. Brilliantov A.V. Liability for disseminating knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation. Russian Justice, 2023, no. 1. pp. 21-28. (In Russ.).
5. Kibal'nik A.G. Criminal Liability for Disseminating Fake News about the Use of the Russian Armed Forces. How to Apply the New Provision of the Criminal Code. Criminal Procedure, 2022, no. 5, pp. 62-69. (In Russ.).
6. Khabrieva T.Ya. National Interests and Legislative Priorities of Russia. Journal of Russian Law, 2005, no. 12, pp. 19-29. (In Russ.).

Раздел 5. Криминологическая наука

Научная специальность: 5.1.4

Предупреждение преступности в сфере предоставления жилых помещений детям-сиротам: анализ принимаемых законодательных мер

Артем Александрович Россоха,

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, rossokha.a@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу законодательства, регламентирующего предоставление жилых помещений детям-сиротам, в целях определения степени использования в законотворческом процессе информации о состоянии преступности в данной сфере. На основе выявленных автором закономерностей развития исследуемых правовых норм с точки зрения предупреждения преступлений предложена периодизация изменяющегося федерального законодательства о предоставлении жилья детям-сиротам. Сделан вывод о том, что, с одной стороны, несовершенство закона создает условия для преступных посягательств, с другой стороны, при разработке законопроектов имеет место недостаточный учет уголовно-правовой статистики и аналитических сведений о состоянии противодействия преступности, который приводит к негативным последствиям.

Ключевые слова: дети-сироты, предоставление жилых помещений, криминологическая обусловленность закона, предупреждение преступности, защита имущественных прав детей-сирот

Для цитирования: Россоха А.А. Предупреждение преступности в сфере предоставления жилых помещений детям-сиротам: анализ принимаемых законодательных мер // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 58-69.

Crime prevention in provision of housing for orphan children: analysis of the adopted legislative measures

Artem A. Rossokha,

Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Altai Krai; Altai State University, Barnaul, Russia, rossokha.a@bk.ru

Abstract. The article analyzes the legislation regulating the provision of housing for orphan children in order to measure the use of information on criminality in this area in the legislative process. Based on the author's identified regularities in developing the studied legal norms in terms of crime prevention, the periodization of changing federal legislation on the provision of housing for orphan children is provided. It is concluded that on the one hand the imperfection of the law creates conditions for criminal encroachments, on the other hand the insufficient consideration of the criminal and legal statistics and analytical information about the state of crime prevention when drafting legislation leads to negative consequences.

Keywords: orphan children, provision of housing, criminological conditionality of the law, crime prevention, protection of the property rights of orphan children

For citation: Rossokha A.A. Crime prevention in provision of housing for orphan children: analysis of the adopted legislative measures // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 58-69.

Введение

Сложный характер развития причинно-следственных связей требует разностороннего комплексного подхода

к организации работы по предупреждению преступности, включающего в себя постоянное совершенствование всех сторон социальной жизни общества, а также

нейтрализацию причин и условий преступности в сфере социальной жизни, экономики, управления и правового регулирования [1, с. 253].

Одним из условий, создающих благоприятную почву для развития преступности, является несовершенство закона. При этом речь может идти не только об уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, но и о любой иной отрасли права, нормы которой содержат пробелы, недоработаны и не учитывают возможность наступления криминальных последствий [2, с. 3].

Совершенствование законодательства Российской Федерации в области защиты имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе их своевременного обеспечения благоустроенными жилыми помещениями, в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2012 г. N 761, названо в числе приоритетных направлений деятельности органов государственной власти*.

В 2024 году расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее — дети-сироты), составили 62,9 млрд рублей. Из федерального бюджета на эти цели выделено еще 10,5 млрд рублей. При этом по состоянию на 1 января 2025 г. общая численность детей-сирот, не реализовавших свое право на предоставление жилья, — 182,5 тыс. человек**.

Значительные суммы выделяемых денежных средств в сочетании с незащищенностью, юридической неграмотностью сирот, отсутствием у них социальных связей, которые позволили бы им отстаивать свои права,

безусловно, привлекают лиц, совершающих преступления. Надлежащее содержание отраслевого законодательства — одно из важных условий противодействия преступности в этой сфере, изучение же истории его развития именно в уголовно-правовом аспекте, являющееся целью настоящей статьи, позволяет выявить имеющиеся закономерности и проанализировать достаточность принимаемых законодательных мер.

Основная часть

В настоящее время предоставление жилых помещений нуждающимся детям-сиротам по достижении ими совершеннолетия является мерой их социальной поддержки и адаптации к взрослой жизни, однако так было далеко не всегда.

Помощь сиротам в российском государстве имеет многовековую историю — первый упоминающийся в летописях случай опеки над ребенком относится к 879 году [3, с. 156]. В дореволюционный период государством, церковью и благотворителями принимались определенные меры к обустройству судеб сирот после достижения ими совершеннолетия. К таким мерам относится обучение науке, промыслу или ремеслу, введение юридической обязанности опекуна возвращать опекаемому унаследованное имущество, в том числе недвижимое, зачисление отдельной категории мальчиков-сирот по достижении 17-летнего возраста в разряд казенных крестьян и выдача им участка земли для обработки и необходимого инвентаря [4, с. 160, 161, 163]. Не были исключены и злоупотребления в этой сфере. Например, в 1899 году крестьянка Новгородской губернии Ефимова самовольно продала принадлежавшую опекаемым ею детям избу с надворными постройками. В связи с этим попечители подали в волостной суд прошение о взыскании с Ефимовой проданного имущества или вырученных от продажи имущества денег [4, с. 246].

Вместе с тем ни дореволюционное, ни довоенное советское законодательство не предусматривало возможность безвозмездного предоставления нуждающимся сиротам после достижения ими совершеннолетия жилых помещений.

В советский период порядок, при котором сироты по достижении определенного возраста получали места в обще-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 23. Ст. 2994.

** Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2024 год // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru>

житиях при учебных заведениях, промышленных предприятиях или же становились на льготных условиях в очередь для получения жилья, стал складываться только после Великой Отечественной войны [5, с. 7]. Этим пользовались жители крупных городов, которые оформляли опеку на детей родственников, проживавших в других населенных пунктах, и регистрировали их по месту своего жительства, что давало возможность опекуну посредством льготной очереди быстрее улучшить свои жилищные условия. После оформления всех документов ребенка возвращали родителям [6, с. 31].

Сложившаяся практика предоставления жилья была закреплена в Жилищном кодексе РСФСР 1983 года, в соответствии с которым полагалось внеочередное предоставление сиротам помещений в домах государственного или общественного жилищного фонда по договору найма, если им не могла быть возвращена ранее занимаемая жилая площадь. Важность этой меры социальной поддержки детей-сирот была отмечена и в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1987 г. N 872 «О мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»*.

Жилые помещения, предоставленные в пользование в таком порядке, с принятием Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. N 1541-I «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»** стали приобретаться сиротами в собственность, что сделало возможным совершение преступлений в отношении этого имущества, в том числе его хищение путем обмана, высказывания угроз и применения насилия.

Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее также — Федеральный закон «О дополнительных гарантиях») закрепили обязанность органов исполнитель-

ной власти по месту жительства обеспечить не имеющих закрепленного жилого помещения детей-сирот жилой площадью не ниже установленных социальных норм***.

Существенным недостатком стало отсутствие в законе детальной регламентации порядка обеспечения детей-сирот жильем. Вследствие этого в различных регионах жилые помещения предоставлялись и по договору социального найма, и по договору безвозмездного пользования, а также оформлялось право собственности на жилье либо на его приобретение предоставлялась субсидия****. Например, на территории г. Москвы с 1999 года жилые помещения предоставлялись детям-сиротам по договору безвозмездного пользования*****.

Появление в распоряжении социально неадаптированных детей-сирот жилых помещений на правах собственности, жилых помещений по договору социального найма, которые могли быть приватизированы, либо крупной субсидии не могло не привлекать внимание так называемых черных риелторов.

В 2005 году был введен в действие Жилищный кодекс Российской Федерации, ст. 57 которого предусмотрено предоставление детям-сиротам жилых помещений во внеоче-

*** О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 21 дек. 1996 г. N 159-ФЗ: ред. от 15 дек. 2025 г. // Рос. газ. 1996. 27 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru>

**** Заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей по проекту федерального закона N 589209-5 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

***** Положение о порядке учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений в г. Москве: утв. постановлением Московской городской Думы от 7 окт. 1998 г. N 86. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

* Собр. постановлений Правительства СССР. 1987. N 42. Ст. 137.

** Ведомости народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. N 28. Ст. 959.

редном порядке по договорам социального найма, что по-прежнему позволяло приватизировать данное жилье сразу после его получения и подвергало новых собственников риску стать жертвами преступлений.

Например, приговором Орджоникидзевского районного суда г. Перми два лица признаны виновными в совершении мошенничества в отношении 33 детей-сирот с целью завладения полученными от государства квартирами и денежными средствами. Действия фигурантов квалифицированы по ст.ст. 158, 159, 179 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)*.

Приговором Самарского областного суда осуждены участники организованной преступной группы, которые выбирали в качестве объектов преступного посягательства жилье, находившееся во владении и пользовании детей-сирот. В целях завладения приобретенной на социальную выплату недвижимостью ими было совершено убийство бывшей воспитанницы детского дома. Кроме того, установлена виновность участников организованной преступной группы в гибели еще одного сироты, ранее получившего квартиру. Действия фигурантов квалифицированы по пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 4 ст. 159, п. «а» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 163 УК РФ**.

Только в 2011 году Правительством Российской Федерации был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект об установлении нового способа обеспечения детей-сирот жилыми помещениями для того, чтобы «...предотвратить незаконные сделки, а также иные мошеннические действия, влекущие утрату права детей-сирот на жилые помещения»***.

* В Перми осуждены мошенники, отнимавшие квартиры у сирот // Рос. газ. 2013. 1 июля.

** Приговор от 28 июля 2022 г. по делу N 2-11/2022 (2-26/2021) // Самарский областной суд: официальный сайт. URL: <https://oblsud--sam.sudrf.ru>

*** Проект федерального закона N 589209-5 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (далее — Законопроект N 589209-5).

Следует отметить, что иного обоснования, содержащего, например, данные уголовно-правовой статистики, в пояснительной записке к законопроекту не приведено.

Законопроектом N 589209-5 было предусмотрено создание нового вида специализированного жилищного фонда — для обеспечения жильем детей-сирот. Помещения, входящие в данный жилищный фонд, предлагалось предоставлять по договору найма, срок действия которого должен составлять 5 лет, что не позволяло приватизировать недвижимость до истечения этого времени, так как специализированные жилые помещения не подлежат отчуждению. Кроме того, предусматривалась возможность однократного продления срока действия договора еще на 5 лет в случае необходимости оказания детям-сиротам содействия в преодолении трудной жизненной ситуации.

Разработчики Законопроекта N 589209-5 ссылались, в частности, на положительный опыт г. Москвы, где с 1999 года жилье детям-сиротам предоставлялось по срочному договору без возможности его обменять либо после приватизации продать, что позволяло «...охранять ребят от жилищных мошенников»****.

Предложенные изменения в Жилищный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О дополнительных гарантиях» были приняты***** и на протяжении практически десяти лет федеральным законодательством предусматривалась только одна форма обеспечения жильем детей-сирот — предоставление специализированного жилого помещения по срочному договору найма.

Аналогичные изменения были внесены и в законодательство субъектов Российской Федерации, при этом цель их внесения обозначалась предельно четко. Например, согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 1 июля 2013 г. N 410 новые

**** Долгожданный закон. Наши дети получают европейские права // Коммерсантъ. 2012. 17 февр. URL: <https://www.kommersant.ru>

***** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 29 февр. 2012 г. N 15-ФЗ // Рос. газ. 2012. 2 марта.

нормы позволят «...оградить детей-сирот от действий "квартирных мошенников"»*.

Таким образом, был законодательно введен своеобразный 5-летний «период охлаждения» с возможностью его продления на тот же срок, который позволял детям-сиротам успеть социально адаптироваться после предоставления жилья, чтобы не стать жертвой преступления.

Следует отметить, что Конституционным Судом Российской Федерации при рассмотрении жалобы на неконституционность запрета заключения договора социального найма сразу после предоставления жилья для последующей приватизации, указано, что эта норма направлена на защиту прав и интересов детей-сирот**.

Достоверно оценить эффективность новых норм и их влияние на уровень соответствующей преступности со ссылкой на статистические данные, к сожалению, не представляется возможным, однако А.Н. Розуваном и Е.Н. Редикульцевой непосредственно после принятия Федерального закона от 29 февраля 2012 г. N 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» справедливо отмечено, что ранее существовало достаточно много способов, которые позволяли завладеть квартирами, новые же нормы

обеспечивали их сохранность и нивелировали мошеннические намерения лиц, совершавших обманом путем сделки по приватизации и последующему отчуждению жилья. В качестве дополнительной меры по противодействию преступлениям в этой сфере предлагалось предусмотреть возможность неоднократного продления срока действия договора найма для детей-сирот, которые продолжают находиться в трудной жизненной ситуации [7, с. 90].

Реализация данного предложения произошла в 2018 году***. Законопроект о возможности неоднократного продления срока действия договора найма специализированного жилого помещения был подготовлен Правительством Российской Федерации. Необходимость внесения изменений аргументирована разработчиками данного законопроекта тем, что некоторые категории лиц из числа детей-сирот могут быть неспособны адаптироваться к социальной среде на протяжении долгих лет и «...нередко фиксируются случаи преступных посягательств на имущество таких граждан». В связи с этим было предложено при наличии фактических данных, свидетельствующих о необходимости сохранения контроля над лицами указанной категории в целях обеспечения их имущественных интересов, предоставить возможность органам опеки и попечительства принимать решение о необходимости заключения договора найма специализированного жилого помещения по истечении первого 5-летнего срока неоднократно****.

* О докладе Алтайского краевого Законодательного Собрания «О состоянии законодательства Алтайского края в 2012 году и перспективах его совершенствования» и рекомендациях депутатских слушаний на тему «Законодательство Алтайского края: состояние, мониторинг и перспективы совершенствования»: постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 1 июля 2013 г. N 410. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лобанова Алексея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2017 г. N 2988-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.ksrf.ru>

*** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 29 июля 2018 г. N 267-ФЗ // Рос. газ. 2018. 1 авг.

**** Пояснительная записка к проекту федерального закона N 352096-7 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

Следует отметить, что определение критериев, в соответствии с которыми устанавливаются необходимость сохранения контроля над детьми-сиротами и наличие оснований для неоднократного продления действия договора найма специализированного жилого помещения, согласно п. 6 ст. 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях» является полномочием субъекта Российской Федерации.

Минобрнауки России предложено отнести в модельном постановлении Правительства субъекта Российской Федерации к таким обстоятельствам отсутствие постоянного заработка, наличие отрицательной социальной среды, совершение правонарушений и антиобщественных действий, длительную болезнь, инвалидность, препятствующие добросовестному исполнению обязанностей нанимателя*.

Субъекты Российской Федерации модифицируют предложенные им условия. Например, в Республике Башкортостан из числа таких обстоятельств исключены наличие отрицательной среды и совершение правонарушений. В то же время к основаниям для неоднократного продления действия договора найма специализированного жилого помещения отнесено отсутствие детей-сирот в жилом помещении в связи с их нахождением в медицинской организации или местах лишения свободы**. В Республике Татарстан перечень обстоятельств существенно дополнен и предусматривает наличие непогашенных задолженностей, судебных решений о лишении родительских прав, отсутствие постоянной регистрации, проживание посторонних лиц в предоставленном жилом помещении, на-

личие жалоб на антиобщественный характер действий детей-сирот***.

Следует отметить, что в 2019 году группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации предпринята попытка внести в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях» изменения противоположного характера и дать возможность органам власти не только продлевать, но и сокращать установленный пятилетний срок действия договора специализированного найма****. Согласно пояснительной записке к Законопроекту N 810360-7 «...законодатель пытался предотвратить незаконные сделки, мошеннические действия, влекущие утрату права детей-сирот на жилые помещения, но это утверждение справедливо только для тех случаев, когда дети-сироты фактически получают жилые помещения сразу по достижении ими возраста 18 лет, тогда как примеры из субъектов Российской Федерации показывают, что это граждане в основном в возрасте старше 30 лет» в связи с длительным ожиданием предоставления квартиры. По мнению разработчиков законопроекта, «...указанным лицам не требуется дополнительное государственное сопровождение в течение срока действия договора найма специализированного жилого помещения ввиду их полной адаптации к постинтернатным условиям проживания»*****.

При этом предлагалось сокращать установленный пятилетний срок действия

* О направлении рекомендаций: письмо Минобрнауки России от 8 окт. 2012 г. N ИР-864/07 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

** Пункт 4 Порядка выявления обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания содействия детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в преодолении трудной жизненной ситуации, утвержденного Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 27 сент. 2013 г. N 438. (См.: Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <http://npa.bashkortostan.ru>).

*** Пункт 1.2 Порядка выявления обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания содействия в преодолении трудной жизненной ситуации лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, утвержденного Постановлением Кабинета министров Республики Татарстан от 30 апр. 2019 г. N 371. (См.: Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. URL: <http://pravo.tatarstan.ru>).

**** Проект федерального закона N 810360-7 «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей"» // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (далее также – Законопроект N 810360-7).

***** Там же.

договора найма, если имела место совокупность определенных условий: 1) наличие у заявителя ребенка; 2) достижение нанимателем возраста 23 лет; 3) наличие у него постоянного источника дохода; 4) отсутствие задолженности по налогам и сборам и другим платежам; 5) отсутствие сведений о нахождении заявителя на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере; 6) отсутствие судимости.

Счетная палата Российской Федерации в заключении на Законопроект N 810360-7 указала, что возможность сокращения срока действия договора найма «...влечет риски увеличения количества злоупотреблений», совершенствование правового регулирования в этой сфере должно осуществляться «...комплексно, необходима разработка мер, которые позволят решить весь спектр существующих в этой области проблем»*. В свою очередь, Правительство Российской Федерации в отзыве на законопроект сообщило о том, что «...предлагаемые законопроектом обстоятельства, позволяющие сократить срок договора, не гарантируют исключения случаев незаконных сделок, а также иных мошеннических действий, влекущих утрату права лиц из числа детей-сирот на жилые помещения», в связи с чем законопроект не был поддержан**. По итогам рассмотрения Законопроект N 810360-7 был отклонен.

Таким образом, в период с 2012 по 2020 год сложилась тенденция к усилению законодательных мер по противодействию

преступным посягательствам на предоставленное детям-сиротам недвижимое имущество. Введены дополнительные сдерживающие механизмы — жилье предоставляется только по договору специализированного найма, установлен срок, в течение которого невозможно приобрести данное жилье в собственность, и предусмотрены основания для его неоднократного продления.

К сожалению, принятые меры не исключили возможность злоупотреблений на стадии приобретения жилых помещений в собственность субъектов Российской Федерации перед их включением в специализированный жилой фонд. Например, в Алтайском крае члены организованной преступной группы, включавшей должностное лицо краевой администрации, приобретали по завышенным ценам квартиры для их последующего предоставления детям-сиротам. На протяжении 3 лет виновными таким образом было реализовано 75 квартир, общая сумма похищенных денежных средств, то есть разница между рыночной стоимостью квартир и стоимостью квартир по государственному контракту, составила более 16 млн рублей. Действия должностного лица и его соучастников квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ***.

Следует отметить, что потерпевшими по данному уголовному делу признаны не дети-сироты, в пользование которых квартиры еще не поступили, а государство, уплатившее завышенную цену за приобретение жилья. Такое смещение акцентов лицами, совершающими преступления в данной сфере, может послужить основанием для дополнительного изучения вопроса криминологической обоснованности норм Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в этой части.

Начиная с 2020 года вектор совершенствования законодательства о предоставлении жилья детям-сиротам сменился на противоположный — аккуратное, последовательное введение норм, позволяющих

* Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона N 810360-7 «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона “О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”» // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

** Официальный отзыв на проект федерального закона N 810360-7 «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона “О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”», внесенный депутатами Государственной Думы С.М. Мироновым, Г.П. Хованской, О.Н. Епифановой и другими: письмо Правительства Российской Федерации от 6 февр. 2020 г. N 917п-П8 // Там же.

*** Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 19 апр. 2019 г. по делу N 1-1/2019 // Архив Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю.

при наличии определенных условий смягчить ранее установленные запреты. Например, в 2023 году Правительство Российской Федерации разрабатывает проект федерального закона, который также предусматривает возможность сокращения срока действия договора найма с 5 до 3 лет при наличии совокупности ряда условий, пять из которых соответствуют приведенным выше условиям, содержащимся в отклоненном Законопроекте N 810360-7, одно (наличие у заявителя ребенка) исключено и два (надлежащее исполнение обязанностей нанимателя и отсутствие трудной жизненной ситуации) добавлены*.

Сведения о том, какая именно из этих корректировок проекта федерального закона изменила мнение субъекта законодательной инициативы о необходимости такой нормы, в пояснительной записке к Законопроекту N 261079-8 отсутствуют. В ней лишь указано, что соблюдение предлагаемых условий будет способствовать «...исключению случаев незаконных сделок, а также иных мошеннических действий, влекущих утрату права детей-сирот на жилые помещения». Очевидно, что дополнительным «страхующим» условием должно выступить отсутствие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания заявителю содействия в преодолении трудной жизненной ситуации, дающее возможность в каждом конкретном случае учесть дополнительные, не регламентированные законом риски совершения преступлений в отношении предоставленного жилья.

Предложенные изменения внесены в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях»**. Следует отметить, что

* О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: законопроект N 261079-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (далее — Законопроект N 261079-8).

** О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: федеральный закон от 4 авг. 2023 г. N 461-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru>

на работоспособность и необходимость такой нормы указывает ее активное применение — возможностью сокращения срока действия договора найма специализированного жилого помещения в 2024 году воспользовались 1,4 тыс. человек в 74 субъектах Российской Федерации***.

Разработчиками еще одного проекта федерального закона в качестве дополнительного механизма обеспечения безопасности сделок с жильем детей-сирот предложено их обязательное нотариальное удостоверение. В пояснительной записке к данному законопроекту указано: «...мошенники подделывают подпись законного владельца квартиры либо под воздействием угроз, алкоголя или наркотиков заставляют собственника подписать договор купли-продажи», а также приводится пример уголовного дела в отношении группы лиц, которые собирали информацию о сиротах, имевших право на получение жилищных сертификатов, а затем заставляли отказаться от приобретенного жилья****. Законопроект получил отрицательное заключение Правительства Российской Федерации в связи с существенным увеличением временных затрат и финансовой нагрузки на физических лиц — участников сделок с недвижимостью***** и был в итоге отклонен.

Самым значимым изменением порядка обеспечения жилищных прав детей-сирот стало возвращение к возможности получения выплаты на приобре-

*** См.: Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2024 год.

**** Пояснительная записка к проекту федерального закона N 193850-7 «О внесении изменения в статью 8.1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

***** Официальный отзыв на проект федерального закона N 193850-7 «О внесении изменения в статью 8.1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенный членом Совета Федерации А.В. Беляковым: письмо Правительства Российской Федерации // Там же.

тение жилья*. При этом риски совершения преступлений, безусловно, повышаются, так как жилье приобретает сразу в собственность и получатель имеет возможность распорядиться им, в том числе под влиянием преступников.

Вместе с тем существовавший порядок предоставления жилья — исключительно по договору найма специализированного жилого помещения — порождал определенные организационные сложности, связанные с «...отсутствием в большинстве субъектов Российской Федерации специализированного жилищного фонда, скудностью рынка жилья»**. Вследствие этого даже при выделении необходимых бюджетных средств приобрести отвечающие определенным требованиям квартиры и жилые дома по нормативно установленным расценкам, не соответствующим рыночным, было сложно. Объем освоения средств федеральной субсидии в 2019 году составил 94,3 %, в 2020 году — 83,9 %, в 2021 году — 97 %***, что потребовало поиска новых форм реализации права детей-сирот на жилье.

Как и в случае с введением в 2012 году нормы об установлении срока, в течение которого жилье было невозможно приватизировать, представители федеральной законодательной власти ориентировались на опыт субъектов Российской Федерации.

Например, еще в 2021 году в Закон Алтайского края от 31 декабря 2004 г. N 72-ЗС «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Алтайском крае» внесены изменения, предусматривающие возможность однократного получения нуждающимися

детьми-сиротами удостоверенной сертификатом выплаты за счет средств краевого бюджета на приобретение жилого помещения в собственность. Данным законом установлены обязательные требования, предъявляемые к получателю такой выплаты, в том числе достижение возраста 23 лет и удовлетворительная адаптация к самостоятельной жизни****. Указанный механизм применялся по выбору сироты наряду с предусмотренным Федеральным законом «О дополнительных гарантиях» предоставлением жилья по договору найма специализированного жилого помещения.

Возникшая правовая коллизия — применение в субъектах Российской Федерации не предусмотренного федеральным законодательством способа обеспечения жильем детей-сирот — нашла оценку в судебной практике. В частности, Железнодорожным районным судом г. Барнаула Алтайского края указано, что предоставление сертификата не предусмотрено Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» в качестве формы обеспечения детей-сирот жилыми помещениями и, более того, противоречит его преамбуле, согласно которой «...дополнительные гарантии по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, устанавливаются государством и не могут быть изменены». Судом также отмечено, что получение сертификата подразумевает приобретение жилья в собственность, что не соответствует требованиям данного федерального закона*****.

* О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: федер. закон от 4 авг. 2023 г. N 461-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru>

** Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2021 год // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru>

*** Там же.

**** О внесении изменения в статью 4 Закона Алтайского края «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Алтайском крае»: закон Алтайского края от 9 марта 2021 г. N 22-ЗС // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru>

***** Определение Железнодорожного суда г. Барнаула Алтайского края от 27 июля 2021 г. по делу N 2/3975 (13-1490/2021) // Архив Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю.

Несмотря на это, на момент обращения в 2023 году к данному вопросу Правительства Российской Федерации подобный дополнительный механизм обеспечения права на жилье и решения проблемы задолженности перед детьми-сиротами применялся в 52 субъектах Российской Федерации*.

Внесенными в 2023 году в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях» поправками наряду с предоставлением жилья по договору специализированного найма введена такая форма обеспечения детей-сирот жильем, как выплата (сертификат) на приобретение жилого помещения в собственность либо на полное погашение имеющегося ипотечного кредита**.

Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона целью внесения изменений являлось снижение числа необеспеченных жильем детей-сирот путем расширения форм его предоставления, а также возможность улучшения жилищных условий с использованием ипотечного кредита. Кроме того, утверждалось, что «...реализация предлагаемых изменений позволит сократить расходы на содержание жилых помещений специализированного жилищного фонда», которые оплачиваются за счет бюджета. В связи с растущими рисками совершения преступлений в отношении выделенных денежных средств и приобретенных на них жилых помещений разработчики законопроекта отмечали, что, во-первых, право на получение выплаты получают только социально адаптированные лица, соответствующие установленным законом критериям, и во-вторых, в целях защиты от мошеннических действий направление средств будет осуществляться органами исполнительной власти субъектов Российской Федера-

* Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2022 год // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru>

** См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: федер. закон от 4 авг. 2023 г. N 461-ФЗ.

ции непосредственно на счета продавцов квартир либо кредитных организаций***.

Перечисленные в Федеральном законе от 4 августа 2023 г. N 461-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”» критерии, свидетельствующие о социальной адаптации получателя выплаты, идентичны вышеописанным обстоятельствам, учитываемым при рассмотрении возможности сокращения срока действия договора найма специализированного жилого помещения с 5 до 3 лет. Именно они должны свидетельствовать о достаточной социальной адаптации получающих выплату детей-сирот, способности противодействовать совершаемым в отношении их преступлениям.

Вместе с тем после введения в действие этих изменений стало возможным совершение преступлений, связанных с незаконным использованием сертификатов. В частности, в Красноярском крае в 2023 году сирота получила право на выплату для приобретения жилья в сумме 2,8 млн рублей, с использованием которой ею была приобретена квартира стоимостью 2,5 млн рублей, а подлежащая возвращению в бюджет разница между выделенной суммой и фактической стоимостью жилья (300 тыс. рублей) похищена. С этой целью обвиняемая внесла ложные сведения в договор купли-продажи недвижимости, завысив стоимость квартиры до суммы, указанной в сертификате, и представила его в уполномоченный орган. Действия виновной квалифицированы по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ****.

*** Пояснительная записка к проекту федерального закона N 261079-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей” // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

**** В Красноярском крае следователи Канского ОВД завершили расследование уголовного дела о махинациях с жилищным сертификатом // ГУ МВД России по Красноярскому краю: официальный сайт. URL: <https://24.mvd.pf>

Таким образом, исследование истории законодательной регламентации предоставления жилых помещений детям-сиротам в части, касающейся мер по предупреждению преступности в этой сфере, позволяет выделить следующие периоды развития соответствующего федерального законодательства:

1) 1991-2012 годы — период отсутствия специальных законодательных мер по недопущению преступлений в отношении предоставленной детям-сиротам недвижимости и социальных выплат;

2) 2012-2023 годы — период максимального усложнения процесса приобретения жилья детьми-сиротами в собственность в целях недопущения его последующего противоправного отчуждения;

3) с 2023 года по настоящее время — период реализации комплексного, «гибридного» подхода, позволяющего дифференцированно подходить к вопросу предоставления жилья с учетом характеристики личности конкретного сироты. Социально адаптированным, то есть трудоустроенным, несудимым, не состоящим на учете у психиатра и нарколога и т.д. гражданам предоставляется выплата для самостоятельного поиска и приобретения квартиры в собственность. Гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, квартира предоставляется по договору специализированного найма с возможностью ее приватизации только через 5-10-15 лет.

Приведенные примеры следственно-судебной практики свидетельствуют, что преступные посягательства совершались во все указанные периоды. При этом не исключены ситуации, когда внесенные в закон изменения служили (служат) условием для совершения таких преступлений.

Особенностью процесса совершенствования исследуемого законодательства является то, что разработчики законопроектов для обоснования необходимости внесения соответствующих изменений в закон используют только общие формулировки («нередко фиксируются случаи преступных посягательств», «влечет риски увеличения количества злоупотреблений» и т.д.). Данные уголовно-правовой статистики, анализ состояния этого вида преступности, способов совершения преступлений в анализируемой сфере

не приводятся. При внесении последующих изменений, в том числе повышающих потенциальные риски совершения преступлений, эффективность работы действующих норм не описывается. Более того, при использовании на федеральном уровне опыта правового регулирования субъектов Российской Федерации изменение криминальной обстановки на местах после введения этих норм для оценки их эффективности также не исследуется.

Отсутствие достоверных данных о состоянии преступности по данному направлению и анализа эффективности противодействия ей с помощью норм отраслевого законодательства может быть обусловлено также выявленной в ряде случаев непоследовательностью, заключающейся в том, что законопроекты, содержащие одни и те же нормы, сначала отклоняются, а затем принимаются. Можно предположить взаимосвязь этой непоследовательности с изменением социальной ситуации, которое не находит отражения в документах, сопровождающих законотворческий процесс.

Заключение

Завершая характеристику мер по предупреждению преступности в сфере предоставления жилых помещений детям-сиротам путем внесения изменений в отраслевое законодательство, необходимо отметить следующее:

1) сложившаяся в настоящее время система обеспечения детей-сирот жилыми помещениями возникла в результате неоднократных попыток на законодательном уровне найти баланс между оперативным предоставлением детям-сиротам квартир без дополнительных расходов, с одной стороны, и обеспечением безопасности этого жилья и выделенных на его приобретение бюджетных средств от преступных посягательств, с другой стороны;

2) изучение истории законодательной регламентации исследуемого вопроса позволило выделить периоды развития законодательства о предоставлении жилья детям-сиротам;

3) при внесении изменений в исследованные нормы закона не используются данные уголовно-правовой статистики, результаты анализа состояния этого вида преступности, что нередко влечет непосле-

довательность правового регулирования, а в случае введения возможности получения выплаты для приобретения жилья стало необходимым условием для совершения нового вида преступлений;

4) вопрос об эффективности и достаточности принимаемых на законодательном уровне мер по недопущению

совершения преступлений, связанных с предоставлением детям-сиротам жилья, с учетом выявленных проблем требует дополнительного исследования, в том числе в целях возможного внесения криминологически обоснованных предложений об изменении действующего законодательства.

Список источников

1. Криминология: учебник / отв. ред. И.М. Мацкевич. Москва: Проспект, 2023. 512 с.
2. Пинчук Л.В. Криминологическая экспертиза законопроектов: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 23 с.
3. Нагорнова А.Ю., Вагина Е.Е. Призрение и социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России с древнейших времен до второй половины XX века // История и современность. 2016. N 1. С. 154-170.
4. Баранова О.Г., Баранов Д.А., Коновалов А.В. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Из материалов «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 7. Ч. 4. Санкт-Петербург: Деловая полиграфия, 2004. 512 с.
5. Бердникова А.А., Николаев А.А. Правовое регулирование жилищных прав детей-сирот в Российской Федерации (историко-правовой анализ) // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. N 4. С. 6-12.
6. Тяпкина Т.Ю. Сиротство в СССР: причины и общее состояние проблемы // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2015. N 4. С. 29-32.
7. Розуван А.Н., Редикульцева Е.Н. Правовое регулирование обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: актуальные проблемы и возможные пути их решения // Вестник Вятского государственного университета. 2013. N 1. С. 88-93.

References

1. Criminology. Moscow, Prospect Publ., 2023. 512 p. (In Russ.).
2. Pinchuk L.V. Criminological examination of draft laws. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2011. 23 p. (In Russ.).
3. Nagornova A.Yu., Vagina E.E. The care and social protection of orphaned children and children left without parental care in Russia from ancient times to the second half of the 20th century. History and modernity, 2016, no. 1, pp. 154-170. (In Russ.).
4. Baranova O.G., Baranov D.A., Konovalov A.V. Russian Peasants. Life. Everyday Life. Manners. From the Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev. Vol. 7. Part 4. St. Petersburg, Delovaya poligrafiya Publ., 2004. 512 p. (In Russ.).
5. Berdnikova A.A., Nikolaev A.A. Legal Regulation of Housing Rights of Orphaned Children in the Russian Federation (Historical and Legal Analysis). Legal Regulation of Economic Activity, 2023, no. 4, pp. 6-12. (In Russ.).
6. Tyapkina T.Yu. Orphanhood in the USSR: Causes and General State of the Problem. Eurasian Union of Scientists (ESU), 2015, no. 4, pp. 29-32. (In Russ.).
7. Rozuvan A.N., Redikul'tseva E.N. Legal Regulation of Housing Rights for Orphaned Children and Children Left Without Parental Care: Current Issues and Possible Solutions. Bulletin of Vyatka State University, 2013, no. 1, pp. 88-93. (In Russ.).

Раздел 6. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 5.1.4

Проблемы применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве

Ильдар Рустамович Бегишев,

доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань, Россия, begishev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

Андрей Владимирович Майоров,

доктор юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, ab_majorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка комплексного исследования ключевых проблем, возникающих в ходе применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. В частности, анализируются вопросы правовой регламентации электронного документооборота, допустимости и достоверности электронных доказательств, использования технологий искусственного интеллекта при расследовании и рассмотрении уголовных дел, обеспечения кибербезопасности и защиты персональных данных участников процесса, а также проблема «цифрового неравенства», препятствующая реализации принципа равенства сторон. Рассматривается опыт внедрения электронного уголовного дела в некоторых зарубежных странах, выявляются его достоинства и недостатки применительно к российским реалиям. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам соотношения технологической эффективности с базовыми гарантиями прав личности в уголовном процессе. На основании проведенного анализа авторы приходят к выводу о том, что цифровая трансформация уголовного судопроизводства должна осуществляться поэтапно, с опорой на надлежащую нормативную правовую базу, при безусловном соблюдении конституционных прав и законных интересов всех участников уголовно-процессуальных отношений. Формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: цифровые технологии, уголовное судопроизводство, электронное уголовное дело, электронные доказательства, искусственный интеллект, электронный документооборот, цифровизация правосудия, кибербезопасность, уголовно-процессуальное право, права личности

Для цитирования: Бегишев И.Р., Майоров А.В. Проблемы применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 70-77.

Problems of using digital technologies in criminal proceedings

Ildar R. Begishev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia, begishev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

Andrey V. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, ab_majorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

Abstract. The article attempts to comprehensively study the key issues encountered in the application of digital technologies in criminal proceedings in the Russian Federation. Such issues as the legal regulation of electronic document management, the admissibility and reliability of electronic evidence, the use of artificial intelligence technologies in the investigation and consideration of criminal cases, ensuring cybersecurity and protection of the personal data of participants in criminal proceedings, as well as the problem of «digital inequality,» hindering the implementation of the principle of equality of parties, are analyzed. The experience of implementing the electronic criminal cases in some foreign countries is considered, its advantages and disadvantages with respect to the Russian realities are identified. Particular attention is paid to the debatable issues of the correlation of technological efficiency and basic guarantees of individual rights in criminal proceedings. It is concluded that the digital transformation of criminal proceedings should be implemented in stages with reliance on the appropriate statutory legal basis, with unconditional respect for the constitutional rights and legitimate interests of all the participants of criminal procedure relations. Some proposals to improve the current legislation in this area are formulated.

Keywords: digital technologies, criminal proceedings, electronic criminal case, electronic evidence, artificial intelligence, electronic document management, digitalization of justice, cybersecurity, criminal procedure law, individual rights

For citation: Begishev I.R., Mayorov A.V. Problems of using digital technologies in criminal proceedings // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 70-77.

Введение

Современное государство неотделимо от цифровой инфраструктуры: цифровые технологии проникли в экономику, публичное управление, здравоохранение и образование, последовательно трансформируя традиционные модели социального взаимодействия. Уголовное судопроизводство как одна из наиболее значимых сфер государственной деятельности также подвержена этим преобразованиям. Цифровизация уголовно-процессуальной деятельности выступает объективной тенденцией современного правового развития, игнорировать ее влияние на права и законные интересы граждан представляется не только нецелесообразным, но и научно несостоятельным.

Вместе с тем было бы ошибочным рассматривать применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве исключительно сквозь призму очевидных преимуществ, таких как ускорение процессуальных сроков, оптимизация документооборота, повышение прозрачности судебной системы. Не менее значимы риски, сопряженные с внедрением цифровых инструментов: угрозы кибербезопасности, нарушение адвокатской тайны, проблемы допустимости электронных доказательств, опасность алгоритмических ошибок при принятии процессуально значимых решений. Все это свидетельствует о том, что

процесс цифровой трансформации уголовного судопроизводства требует системного, критически осмысленного и научно обоснованного подхода.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и анализе ключевых проблем применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, а также в выработке предложений по их преодолению с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Основная часть

Дискуссионные аспекты цифровизации уголовного процесса: позиции в науке

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных проблем, необходимо обратиться к общим теоретическим позициям, сложившимся в современной уголовно-процессуальной науке относительно перспектив и пределов цифровизации. Следует отметить, что в научном сообществе нет консенсуса по данному вопросу, а имеющиеся точки зрения образуют широкий спектр – от сдержанного скептицизма до умеренного оптимизма.

В частности, Л.В. Головкин задается принципиальным вопросом о том, «...является ли цифровизация лишь инструментом локальной оптимизации уже существующих уголовно-процессуальных форм, или же речь идет о подлинной глобальной революции, способной изменить саму природу уголовного процесса» [1, с. 17].

Позиция ученого во многом остается охранительной: он полагает, что влияние современных достижений научно-технического прогресса на уголовно-процессуальную деятельность нередко преувеличивается, а увлеченность технологиями не должна подменять содержательного правового анализа. В свою очередь, А.В. Победин предостерегает от «раскручивания маховика цифровизации» уголовного процесса без должного теоретического осмысления его последствий для фундаментальных процессуальных гарантий [2, с. 127].

Принципиально иную позицию занимают ученые, убежденные в неизбежности и благотворности цифровой трансформации уголовного судопроизводства. Например, по мнению С.В. Зуева, «...в обозримой перспективе произойдет естественный переход к информационно-технологическому уголовному процессу, что потребует создания специализированной электронной платформы для обеспечения взаимодействия между участниками судопроизводства» [3, с. 104]. Е.Ю. Миронова, исследуя российский и зарубежный опыт достижения назначения уголовного судопроизводства в условиях цифровизации, констатирует, что «...диапазон влияния цифровых технологий простирается от исключительно позитивного до крайне негативного, заключающая в себе риски, угрожающие защите прав личности» [4, с. 759].

Таким образом, научная полемика по вопросу о характере и пределах цифровизации уголовного судопроизводства далека от завершения, что само по себе свидетельствует о многоплановости и остроте рассматриваемой проблематики.

Проблемы правовой регламентации электронного документооборота

Одним из центральных направлений цифровой трансформации уголовного судопроизводства является внедрение электронного документооборота. Действующая редакция ст. 474.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) закрепляет перечень документов, допускаемых к подаче органам предварительного расследования в электронной форме: ходатайства, заявления (за исключением заявлений о преступлении), жалобы, представления, требования, копии отдельных процессуальных доку-

ментов, повестки и уведомления. Вместе с тем данный перечень весьма ограничен и отнюдь не охватывает полного массива материалов уголовного дела, не решая тем самым вопрос о комплексном электронном взаимодействии участников судопроизводства.

Необходимо подчеркнуть, что внедрение в уголовный процесс электронных систем документооборота влечет за собой целый ряд как преимуществ, так и потенциальных угроз. В числе очевидных достоинств — повышение прозрачности процессуальных действий, поскольку любая подача документа фиксируется в системе с указанием времени, автора, адресата и статуса рассмотрения, что формирует защищенный цифровой след и снижает коррупционные риски [5, с. 87-90]. Немаловажно также, что электронный формат существенно сокращает временные потери, повышает общую оперативность работы органов следствия, прокуратуры и суда, что напрямую коррелирует с реализацией принципа разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ.

Между тем нельзя не обратить внимания на обратную сторону данных преимуществ. Во-первых, это риски информационной безопасности: любая электронная система уязвима к взлому, вирусным атакам, утечке персональных данных, подделке цифровых подписей — угрозам особой серьезности в уголовном процессе, в котором подлинность документов и тайна следствия приобретают критическое значение. Во-вторых, чрезвычайно острой остается проблема «цифрового неравенства»: не все участники уголовного процесса обладают равным доступом к информационно-коммуникационным технологиям, а в регионах с недостаточно развитой инфраструктурой использование сложных электронных систем может существенно затруднить реализацию права на защиту [6, с. 38]. В-третьих, тотальная фиксация коммуникаций между адвокатом и его подзащитным способна поставить под угрозу адвокатскую тайну, что недопустимо с точки зрения как нравственных начал уголовного процесса, так и конституционных гарантий права на юридическую помощь.

Следует особо подчеркнуть, что в настоящее время в Российской Федерации

отсутствует нормативно установленный порядок внедрения новых и использования существующих информационных технологий в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности в его системном, а не фрагментарном понимании. Этот пробел является одним из ключевых препятствий на пути к полноценной цифровой трансформации уголовного судопроизводства.

Электронные доказательства: проблемы допустимости и достоверности

Не менее значимым направлением является исследование вопросов, связанных с электронными доказательствами в уголовном процессе. В доктрине уголовно-процессуального права до сих пор отсутствует единое понимание термина «электронное доказательство», не установлен надлежащим образом порядок его собирания, проверки и оценки, а также критерии допустимости. Это обстоятельство порождает значительную правовую неопределенность как в теории, так и на практике.

С.В. Зуев и Н.А. Моругина, разрабатывая теоретическую модель электронного уголовного дела, предложили понимать под электронным доказательством любую полученную в установленном законом порядке информацию, зафиксированную и представленную в электронно-цифровой форме, пригодную для передачи по информационно-коммуникационным сетям и имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по ст. 73 УПК РФ [7, с. 87]. Данная дефиниция представляется концептуально обоснованной, однако ее законодательное закрепление по-прежнему остается делом будущего.

Помимо терминологической неопределенности, на практике возникают серьезные затруднения с установлением достоверности электронных доказательств. Цифровые данные принципиально отличаются от традиционных вещественных доказательств своей легковоспроизводимостью, изменяемостью и способностью к бесследному уничтожению. Ненадлежащее изъятие, хранение или передача цифровых материалов может привести к признанию их недопустимыми. В связи с этим принципиально важной является разработка четких процессуальных регламентов

обращения с электронными доказательствами, а также формирование специализированной судебно-экспертной базы для их исследования.

Существенную проблему представляет и вопрос о так называемых больших данных в уголовном процессе. Применение аналитических систем для обработки массивов данных может существенно повысить эффективность расследования, однако при этом возникает реальный риск вторжения в частную жизнь граждан, которые не являются участниками уголовного судопроизводства, что прямо противоречит конституционным гарантиям неприкосновенности частной жизни [4, с. 754-757].

Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: возможности и ограничения

Применение в уголовном процессе технологий искусственного интеллекта представляет собой одно из наиболее дискуссионных направлений современной уголовно-процессуальной науки. Сторонники внедрения искусственного интеллекта указывают на его очевидные функциональные преимущества: возможность автоматизированного анализа больших объемов информации, составления фотороботов подозреваемых, планирования расследования, прогнозирования рецидива, выявления скрытых корреляций в доказательственной базе.

Вместе с тем использование алгоритмических систем в уголовном процессе сопряжено с целым рядом принципиальных ограничений [8, с. 483-484]. Прежде всего необходимо обратить внимание на проблему «черного ящика»: алгоритмы глубокого обучения нередко непрозрачны даже для их создателей, что исключает возможность надлежащей проверки логики принятых решений, а следовательно, ставит под сомнение их процессуальную состоятельность. Использование технологий искусственного интеллекта при получении доказательств должно отвечать требованиям открытости, проверяемости, объективности и обеспеченности соответствующим механизмом ответственности; лишь в этом случае доказательства, при получении которых применялся искусственный интеллект, будут обладать признаком допустимости [9, с. 208-210].

Принципиальным является также вопрос о допустимости систем искусственного интеллекта в качестве инструмента принятия итоговых процессуальных решений. Бесспорно то, что судья должен оставаться независимым в принятии окончательного решения по уголовному делу, несмотря на рекомендации алгоритмической системы. Технологии искусственного интеллекта могут и должны использоваться исключительно в качестве вспомогательного инструмента — электронного ассистента — при анализе доказательств и формировании правовых позиций, но не в качестве субъекта, принимающего юридически значимые решения, затрагивающие судьбу человека.

Немаловажно отметить, что исследование, проведенное В.С. Латыповым и П.В. Фадеевым, показало: 95 % опрошенных сотрудников органов предварительного расследования поддерживают использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве, при этом 50,2 % из них считают возможным применение технологий искусственного интеллекта, в частности, для планирования расследования и выдвижения следственных версий (31,7 %), анализа больших объемов информации (29,3 %), составления фотороботов (24,4 %) [5, с. 86]. Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о высоком уровне профессиональной готовности практиков к внедрению цифровых инструментов, что, однако, не снимает вопроса о необходимости надлежащего правового обеспечения этого процесса.

Концепция электронного уголовного дела: проблемы реализации

Одним из центральных объектов научной дискуссии в сфере цифровизации уголовного судопроизводства выступает концепция электронного уголовного дела. В российской науке уголовного процесса эта концепция активно разрабатывается в последние годы: предлагаются различные теоретические модели, анализируется зарубежный опыт, вырабатываются предложения по законодательному оформлению.

Обращение к опыту зарубежных государств показывает, что электронное уголовное дело как самостоятельный институт уже получило практическое воплощение

в ряде стран. В Республике Казахстан в 2021 году модуль «Электронное уголовное дело» был дополнен сервисом «Е-помощь», позволяющим назначить адвоката подозреваемому «в один клик». В Азербайджанской Республике функционирует информационная система «Электронное правосудие», обеспечивающая участникам уголовного процесса удаленный доступ к материалам дела и возможность подачи жалоб в электронном формате [7, с. 89]. США располагают системой открытого электронного доступа к судебным материалам — PACER, тогда как в судопроизводстве активно применяется видеофиксация следственных действий посредством носимых камер [10, с. 86].

Применительно к российским реалиям необходимо констатировать, что действующая правовая база явно недостаточна для полноценного внедрения электронного уголовного дела. Государственная автоматизированная система «Правосудие» (ГАС «Правосудие») и ИСОД МВД России функционируют разрозненно и не способны решать комплексные задачи всего уголовного судопроизводства в цифровой среде. Отсутствует единая цифровая платформа, интегрирующая информационные ресурсы следственных органов, прокуратуры, суда и иных участников процесса.

В связи с этим С.В. Зуев и Н.А. Моргуина совершенно обоснованно указывают, что «...переход к электронной форме производства по уголовным делам на территории России следует осуществлять поэтапно, путем постепенного внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ. Такая работа должна носить системный характер» [7, с. 89]. Данная позиция представляется наиболее взвешенной и заслуживающей поддержки.

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации

Неотъемлемым условием правомерности цифровой трансформации уголовного судопроизводства является обеспечение прав и законных интересов всех его участников. Именно в этом аспекте цифровизация демонстрирует наиболее острые противоречия. С одной стороны, электронные форматы взаимодействия повышают прозрачность и доступность

правосудия. С другой стороны, они порождают новые уязвимости и угрозы, требующие неотложного правового реагирования.

Особого внимания заслуживает проблема обеспечения принципа состязательности в условиях цифровизации. В теоретической модели электронного уголовного дела необходимо закрепить, что стороны обвинения и защиты равны перед судом, в том числе в части собирания и представления электронных доказательств: суд должен обеспечить равный доступ сторон к цифровым ресурсам доказательственной базы. В отсутствие таких гарантий цифровизация может превратиться в фактор, усугубляющий процессуальное неравенство сторон, располагающих разными технологическими возможностями.

Принципиальным является вопрос о гарантиях соблюдения тайны следствия в цифровой среде. Применение облачных технологий, баз данных и внешних информационных систем создает риски несанкционированного доступа к материалам уголовного дела, что может нанести непоправимый ущерб как интересам расследования, так и правам участников процесса. О.В. Химичева и П.О. Панфилов справедливо указывают, что «...в условиях цифровизации первоочередной задачей выступает не создание технологически насыщенного уголовного судопроизводства нового типа, а сохранение устойчивого правового порядка общественных отношений и конституционных гарантий прав граждан» [11, с. 160].

Наряду с этим существенным источником правовых рисков является проблема цифровой грамотности участников уголовного процесса. Возложение на стороны обязанности использовать сложные электронные платформы без соответствующей подготовки и инфраструктурного обеспечения способно привести к нарушению права на защиту, невозможности использовать весь доступный процессуальный инструментарий. Это обстоятельство требует разработки специальных образовательных программ для участников уголовного судопроизводства и создания системы технической поддержки пользователей цифровой платформы.

Пути преодоления проблем и перспективы развития

На основании проведенного анализа, а также с учетом мнений и позиций ведущих специалистов по вопросам применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве (Л.В. Головкин [1], А.В. Победкин [2], С.В. Зуев [3; 7], В.С. Латыпов [5], П.С. Пастухов [10], О.В. Химичева [11] и др.) представляется возможным сформулировать следующие предложения по преодолению выявленных проблем и созданию правовых условий для эффективной и социально ответственной цифровизации уголовного судопроизводства.

Во-первых, необходимо разработать и принять комплексную законодательную базу, регулирующую применение цифровых технологий в уголовном процессе. В частности, УПК РФ следует дополнить отдельной главой, посвященной электронному уголовному делу, в которой были бы закреплены понятия «электронное уголовное дело», «электронные доказательства», «электронный документооборот»; принципы цифрового судопроизводства; гарантии прав участников процесса в цифровой среде.

Во-вторых, принципиально важным является поэтапный характер перехода к цифровому уголовному судопроизводству. Форсированное и непоследовательное внедрение электронных форматов чревато дестабилизацией сложившейся правоприменительной практики и нарушением прав граждан. Переход должен предваряться пилотными проектами в отдельных субъектах Российской Федерации с последующим масштабированием апробированных решений.

В-третьих, требуется создание единой защищенной цифровой платформы уголовного судопроизводства, интегрирующей информационные ресурсы всех ведомств, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности, с надежной системой кибербезопасности, разграничением прав доступа и механизмами резервного копирования данных.

В-четвертых, необходимо нормативно закрепить четкие критерии допустимости и достоверности электронных доказательств, регламенты их изъятия, хранения, передачи и экспертного исследования, а также порядок применения технологий

искусственного интеллекта при получении и оценке доказательств с обязательным сохранением за судьей права на самостоятельное итоговое решение.

Заключение

Таким образом, проблематика применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве характеризуется многоуровневостью и остротой, определяя ее высокую актуальность для науки и правоприменительной практики. Цифровая трансформация уголовного процесса несет в себе значительный позитивный потенциал: повышение эффективности и прозрачности правосудия, оптимизацию процессуальных сроков, расширение доступа граждан к судебной защите. Вместе с тем реализация этого потенциала обусловлена решением целого ряда сложных

задач — правовых, технических, организационных и этических.

Принципиально важно, чтобы цифровизация уголовного судопроизводства не превращалась в самоцель. Любые технологические инновации оправданны лишь постольку, поскольку они служат назначению уголовного судопроизводства в том смысле, который вложен в него ст. 6 УПК РФ: защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Именно эта гуманистическая цель должна оставаться неизменным ориентиром в процессе цифровой трансформации отечественного уголовного правосудия.

Список источников

1. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. N 1. С. 15-25.
2. Победкин А. В. Цифровизация уголовного судопроизводства – не основание смешения его с иными видами деятельности // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «64-е ежегодные криминалистические чтения» (Москва, 26 мая 2023 г.): в 2 ч. Ч. 2. Москва: Академия управления МВД России, 2023. С. 124-129.
3. Зуев С.В. Информационные технологии и принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. N 4. С. 98-105.
4. Миронова Е.Ю. Достижение назначения уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества: анализ российского и зарубежного опыта // Всероссийский криминологический журнал. 2022. T. 16. N 6. С. 754-767.
5. Латыпов В.С., Фадеев П.В. Проблемы внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. N 3. С. 84-90.
6. Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В. Информационные технологии: неизбежный путь дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. N 3. С. 37-40.
7. Зуев С.В., Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. T. 15. N 3. С. 83-94.
8. Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. T. 1. N 2. С. 481-497.
9. Степаненко Д.А., Бахтеев Д.В., Евстратова Ю.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. T. 14. N 2. С. 206-214.
10. Пастухов П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. N 4. С. 81-87.
11. Химичева О.В., Панфилов П.О. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. N 1. С. 158-164.

References

1. Golovko L.V. Digitalization in Criminal Procedure: Local Optimization or Global Revolution? Bulletin of Economic Security, 2019, no. 1, pp. 15-25. (In Russ.).
2. Pobedkin A.V. Digitalization of criminal proceedings is not a reason to mix it with other types of activities. State scientific and technical policy in the field of forensic support for law enforcement activities. In 2 parts. Part 2. Moscow, 2023. Pp. 124-129. (In Russ.).
3. Zuev S.V. Information Technologies and the Principle of Procedural Economy in Criminal Proceedings. Law and Order: History, Theory, Practice, 2021, no. 4, pp. 98-105. (In Russ.).

4. Mironova E.Yu. Achieving the Purpose of Criminal Proceedings in the Context of Digitalization of Society: Analysis of Russian and Foreign Experience. All-Russian Criminological Journal, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 754-767. (In Russ.).
5. Latypov V.S., Fadeev P.V. Problems of Implementing Information Technologies in Criminal Proceedings in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, no. 3, pp. 84-90. (In Russ.).
6. Endol'ceva A.V., Endol'ceva Yu.V. Information Technologies: The Inevitable Path of Further Development of Criminal Procedure. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 3, pp. 37-40. (In Russ.).
7. Zuev S.V., Morugina N.A. Electronic Criminal Case: Theoretical Model. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 83-94. (In Russ.).
8. Spiridonov M.S. Artificial Intelligence Technologies in Criminal Procedure Evidence. Journal of Digital Technologies and Law, 2023, vol. 1, no. 2, pp. 481-497. (In Russ.).
9. Stepanenko D.A., Bakhteyev D.V., Evstratova Yu.A. Use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement. All-Russian Criminological Journal, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 206-214. (In Russ.).
10. Pastukhov P.S. Electronic document management in criminal proceedings in the USA. Law and Order: History, Theory, Practice, 2018, no. 4, pp. 81-87. (In Russ.).
11. Khimicheva O.V., Panfilov P.O. Changes in the criminal procedural form in the context of digitalization: new risks and opportunities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, no. 1, pp. 158-164. (In Russ.).

Вклад авторов:

Бегишев И.Р. — разработка теоретических предпосылок и основных направлений исследования, а также структуры и методологии исследования; обобщение результатов исследования; формулирование выводов по результатам исследования;

Майоров А.В. — анализ юридической литературы, посвященной проблемам применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве; сбор и изучение материалов для проведения исследования; обозначение проблемы проведения исследования; обобщение результатов исследования; формулирование выводов по результатам исследования.

Contribution of the authors:

Begishev I.R. — developing the theoretical assumptions and main directions of the research, as well as its structure and methodology; generalizing the research results; drawing the conclusions on the research findings;

Mayorov A.V. — analyzing the legal literature devoted to the problems of using digital technologies in criminal proceedings; collecting and studying the materials; identifying the research problem; generalizing the research results; drawing the conclusions on the research findings.

Раздел 7. Совершенствование правоохранительной практики

Научная специальность: 5.1.2

Совершенствование административной деятельности полиции в условиях современных угроз

Виктор Васильевич Денисенко,

доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия, profdenisenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4704-0774>

Аннотация. В статье анализируется трансформация административной деятельности органов внутренних дел в контексте качественных изменений характера современных угроз общественной и государственной безопасности. Автор выделяет семь ключевых вызовов: цифровая преступность и киберпреступность, информационно-психологические угрозы, терроризм и экстремизм в цифровой среде, транснациональная организованная преступность, экономические и коррупционные риски в условиях санкционного давления, социально-экономическая напряженность, угрозы в миграционной сфере. Обосновывается необходимость перехода от реактивной к проактивной модели административного управления, а также выделяются иные стратегические направления развития административной деятельности полиции. Подчеркивается, что эффективность исследуемого вида деятельности полиции в XXI веке зависит не от объема применяемых принудительных мер, а от способности предвидеть, адаптироваться и служить обществу на основе права, технологий и доверия.

Ключевые слова: административная деятельность полиции, кибербезопасность, проактивное управление, цифровизация, межведомственное взаимодействие, доверие граждан, правовое государство

Для цитирования: Денисенко В.В. Совершенствование административной деятельности полиции в условиях современных угроз // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 78-84.

Improvement of the police administrative activities in the context of modern threats

Viktor V. Denisenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, profdenisenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4704-0774>

Abstract. The article analyzes the transformation of the administrative activities of the internal affairs bodies in the context of qualitative changes in the nature of modern threats to both public and state security. Seven key challenges, such as: digital crime and cybercrime, information and psychological threats, terrorism and extremism in the digital environment, transnational organized crime, economic and corruption risks in the conditions of sanctions pressure, socio-economic tension, migration threats, are identified. The need to shift from reactive to proactive administrative management model is justified. Some strategic directions of improving the police administrative activities are distinguished. It is emphasized that the effectiveness of the police administrative activities in the 21st century depends not on the volume of applicable coercive measures, but on the ability to anticipate, adapt and serve the society based on law, technologies and confidence.

Keywords: police administrative activities, modern threats, cybersecurity, proactive management, digitalization, interdepartmental interaction, public confidence, constitutional state

For citation: Denisenko V.V. Improvement of the police administrative activities in the context of modern threats // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 78-84.

Введение

Современная административная деятельность полиции переживает этап глубокой трансформации, обусловленной качественными изменениями в характере угроз общественной и государственной безопасности. Если ранее основное внимание правоохранительных органов было сосредоточено на борьбе с традиционными формами преступности — кражами, хулиганством, бытовым насилием, то в настоящее время перед системой МВД России возникают гибридные, транснациональные, цифровые и социально-политические вызовы, эффективный ответ на которые невозможен в рамках классических административных моделей.

Под административной деятельностью полиции в данном контексте понимается совокупность управленческих, организационных и правоприменительных функций, направленных на обеспечение законности, поддержание общественного порядка и реализацию государственной политики в сфере безопасности. Ее эффективность напрямую определяет способность правоохранительной системы адекватно и своевременно реагировать на вызовы современности. В этих условиях возникает необходимость не просто модернизации отдельных процедур, а стратегического переосмысления самой парадигмы административного управления в органах внутренних дел.

Основная часть

Современные угрозы в их многообразии и совокупности выступают как «драйвер» трансформации административной деятельности органов внутренних дел. Актуальную повестку административной деятельности полиции формирует ряд угроз, требующих новых подходов к управлению и правоприменению.

Во-первых, цифровая преступность и киберпреступность приобретают системный характер. Как отмечает Д.В. Веденин, «...в 2020 году в Российской Федерации наблюдался взрывной рост количества выявляемых киберпреступлений — на 73,4 % (510 396 преступлений)», обусловленный начавшейся в мире пандемией COVID-19. Стабилизация в последующие годы показала, что принимаемые меры были малоэффективны, поскольку уже в 2023 году снова произошло зна-

чительное увеличение количества таких преступлений [1, с. 140-141]. Кибермошенничество, фишинг, атаки на критическую информационную инфраструктуру [2, с. 619], использование криптовалют для отмывания денег, применение дипфейк-технологий для дезинформации и вымогательства создают новые вызовы для правоохранительных органов. Административная деятельность должна включать не только механизмы оперативного реагирования на цифровые инциденты, но и инструменты правового регулирования цифрового пространства, а также устойчивые каналы взаимодействия с IT-компаниями и провайдерами. Усиление роли МВД России видится также в его наделении юрисдикционными полномочиями в части ограничения доступа к информационным ресурсам [3, с. 52].

Во-вторых, информационно-психологические угрозы и гибридные формы дестабилизации подрывают общественное доверие и способность к рациональному восприятию действительности. Манипулирование информацией в целях достижения превосходства над противником приобретает широкие масштабы. Как справедливо отмечает Д.Ф. Алиев, это требует от государств увеличения затрат на создание мощного информационно-пропагандистского аппарата, что, в свою очередь, негативно влияет и на качество жизни граждан [4, с. 16]. Распространение дезинформации, манипуляция общественным мнением, координация массовых акций через мессенджеры и социальные сети, использование ботов (компьютерных программ, имитирующих действия человека) и интернет-троллинга (преднамеренного размещения в сети «Интернет» грубых или провокационных сообщений) требуют от полиции перехода от пассивного мониторинга к активному административному противодействию в рамках закона, но с использованием аналитики (систематизации данных, разработки прогнозов), сотрудничества с регуляторами (например, Роскомнадзором) и с участниками цифровых платформ. Контрпропаганда — это один из инструментов борьбы за информационное превосходство [5, с. 220].

В-третьих, терроризм и экстремизм в цифровой среде приобретают децентрализованный и анонимный характер. Цифрови-

зация терроризма и экстремизма привела, с одной стороны, к «омолаживанию» преступности в рассматриваемой сфере, а с другой — к появлению новых форм такой деятельности [6, с. 259]. Подобный терроризм отличается высокой степенью интеграции в повседневные цифровые практики, что затрудняет идентификацию субъектов противоправной деятельности. Радикализация молодежи через онлайн-сообщества, вербовка «одиночек», распространение пропаганды самопожертвования требуют внедрения профилактических административных механизмов: ранней диагностики рисков, психодиагностической работы с уязвимыми группами, межведомственной координации с образовательными организациями и социальными службами.

В-четвертых, транснациональная организованная преступность все чаще использует цифровые технологии и глобальные логистические сети. На долю таких преступлений, как отмечают криминологи, приходится более 87 % уголовно наказуемых деяний [7, с. 2; 8, с. 85]. К индикаторам данного вида преступности относят: усиление диверсификации криминальной активности, расширение сфер деятельности, в которые она проникает, «интернационализацию», выражающуюся в привлечении к осуществлению преступной деятельности представителей разных стран, повышение криминального профессионализма и интеллектуального уровня участников сообществ [8, с. 84]. Трафик наркотиков, оружия, людей, контрабанда, нелегальная миграция — все это требует, чтобы административная деятельность полиции была интегрирована в международные и межрегиональные системы обмена данными (например, через Интерпол, соответствующие органы ЕАЭС, СНГ), а также включала аналитические подразделения, способные отслеживать трансграничные криминальные связи.

В-пятых, экономические и коррупционные угрозы в условиях санкционного давления приобретают новые формы: уклонение от санкционного контроля, создание «серых» импортозамещающих схем, коррупция в сфере госзакупок и лицензирования. Исследователи отмечают, что основной угрозой экономической безопасности Российской Федерации в условиях санкций выступает технологи-

ческое отставание, и прежде всего в области искусственного интеллекта и систем кибербезопасности [9, с. 92]. Это требует усиления административного надзора, внедрения цифрового аудита, автоматизации процедур выдачи разрешений и повышения прозрачности административных решений.

В-шестых, социально-экономическая напряженность, рост социального неравенства, инфляция, мобилизационные процессы порождают риски спонтанных и организованных массовых беспорядков. Я.М. Ишмухаметов и Д.Р. Янмурзин делят такие риски на три группы: 1) имеющиеся в регионе или в целом в стране социальные, экономические и национальные проблемы, которые не разрешаются длительное время; 2) обострение межнациональных и межрелигиозных отношений, порождающих конфликты с применением насилия; 3) дестабилизирующая деятельность сепаратистских, националистических и коррумпированных элементов [10, с. 304]. Для эффективного противодействия возникновению массовых беспорядков административная деятельность должна включать систему раннего предупреждения, основанную на анализе социально-экономических индикаторов, обращений граждан, активности в соцсетях и данных, имеющихся у участковых уполномоченных полиции.

В-седьмых, угрозы в сфере миграционной безопасности, такие как нелегальная миграция, фиктивная регистрация, эксплуатация мигрантов, требуют совершенствования административных процедур: автоматизированного учета, биометрической идентификации, интеграции с консульскими базами данных иностранных государств, а также повышения квалификации сотрудников миграционной службы. Озабоченность исследователей вызывает связь преступности и незаконной миграции, выступающей доходным криминальным бизнесом, последствиями которого являются: активное формирование этнических анклавов и, как следствие, рост недовольства в обществе, новые виды коррупции в органах государственной власти, благодаря которым преступники избегают юридической ответственности, увеличение количества участвующих в организованной трансграничной преступности, специализирующейся на совершении таких

опасных преступлений, как незаконный оборот наркотических средств, оружия и терроризм [11, с. 74]. Проводимая в Российской Федерации комплексная модернизация миграционного законодательства направлена на совершенствование механизма обеспечения безопасности и правопорядка в миграционной сфере. Одна из предлагаемых эффективных мер по контролю за нахождением иностранных граждан на территории Российской Федерации — это введение института специального административного надзора в отношении иностранных граждан, нарушивших требования иммиграционных правил Российской Федерации, при объективном отсутствии возможности выдворить данных лиц из страны [12, с. 65-66, 79].

Стратегические направления совершенствования административной деятельности органов внутренних дел только тогда достигнут положительного и желаемого результата, когда они будут адекватны реальным угрозам.

В ответ на существующие угрозы и вызовы административная деятельность полиции должна развиваться по пяти ключевым направлениям.

Первое направление – цифровизация и интеллектуализация управленческих процессов. Цифровизация административной деятельности — это не просто перевод процессов в электронную форму, а фундаментальная трансформация самой логики управления. Современные технологии позволяют перейти от реактивного реагирования к прогнозированию и предупреждению угроз на основе анализа больших данных. Например, системы искусственного интеллекта могут выявлять аномалии в поведении (резкий рост количества обращений в определенном районе, необычная активность на закрытых онлайн-площадках, подозрительные финансовые транзакции) и генерировать оперативные инсайты для руководства. Важнейшим элементом является единая цифровая платформа МВД России, объединяющая данные, которые поступают от патрульных служб, участковых уполномоченных полиции, подразделений по вопросам миграции, следственных отделов и аналитических центров. Такая интеграция устраняет «информационные острова», снижает ду-

блирование усилий и повышает координацию. Например, данные о фиктивной регистрации иностранного гражданина, поступившие в подразделение по вопросам миграции, могут автоматически передаваться участковому уполномоченному полиции и в аналитическую группу по борьбе с теневой экономикой.

Особое значение приобретают «умные» сервисы взаимодействия с гражданами. Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), мобильные приложения, чат-боты и онлайн-статусы обращений не только удобны в использовании, они формируют культуру правового диалога, снижая напряженность при взаимодействии государства и гражданина. Более того, цифровизация позволяет внедрить обратную связь в реальном времени: гражданин может оценить качество взаимодействия, что создает механизм общественного контроля и мотивации для сотрудников.

Однако цифровизация требует строгих гарантий защиты персональных данных и конфиденциальности. Это закреплено в ст.ст. 23-24 Конституции Российской Федерации и Федеральном законе от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных»*. Без этических и правовых рамок технологии могут превратиться в инструмент тотального контроля, подрывающий доверие к власти. В связи с этим параллельно с внедрением систем искусственного интеллекта необходимо развивать институт цифровой этики в правоохранительных органах.

Второе направление – повышение квалификации сотрудников полиции в области автоматизации административных процессов. Современная административная деятельность полиции все меньше напоминает традиционную «бумажную» работу и все больше приближается к управленческой и аналитической профессии. Сотрудник полиции, осуществляющий администрирование баз данных в МВД России, должен знать не только нормы КоАП РФ, но и основы кибербезопасности, анализа больших данных, цифровой криминалистики, экономики теневого сектора, психологии радикализации и управления проектами.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3451.

Это требует кардинального обновления системы профессионального образования. Образовательным организациям системы МВД России необходимо переходить от узкопрофильной подготовки к модульным, междисциплинарным программам, включающим курсы по разделу информатики, в рамках которого изучаются проблемы анализа, обработки и представления данных в цифровой форме, по цифровой этике, стратегическому планированию, кризисной коммуникации. Важно внедрять кейс-методы, симуляции кибератак, анализ реальных криминальных сетей, навыки OSINT (сбора и анализа информации из публичных источников).

При этом не менее важна система непрерывного профессионального развития. Сотрудники полиции должны регулярно проходить повышение квалификации, в том числе с участием экспертов из IT-сектора, финансовой аналитики, социологии. Например, специалисты, работающие с молодежью, должны понимать логику функционирования ТикТока, телеграм-каналов, мемов — не для запрета, а для профилактики радикализации.

Кроме того, необходимо развивать лидерские и коммуникативные компетенции. Сотрудник полиции, осуществляющий администрирование баз данных, — это не только исполнитель приказов, но и фасилитатор командной работы, медиатор в конфликтах, оратор. Такой подход соответствует современной парадигме эмоционального и этического лидерства, признанной в мировой управленческой науке.

Третье направление — развитие межведомственного и международного взаимодействия. Современные угрозы не знают ведомственных и государственных границ. Например, киберпреступник, серверы, которые он использует для противоправной деятельности, и пострадавший от совершенного им преступления, могут находиться в трех разных странах. Иностранец, незаконно находящийся в стране пребывания, может быть завербован террористами в сети «Интернет», проехать через транзитные страны, а затем использовать фиктивную регистрацию для участия в преступной схеме. В таких условиях изоляция правоохранительных структур недопустима.

На внутригосударственном уровне необходимо создавать единые оперативно-аналитические центры, объединяющие МВД России, ФСБ России, Росфинмониторинг, Роспотребнадзор, Минцифры, Роскомнадзор и органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Такие центры должны работать по принципу одного окна, когда поступившая информация становится доступной всем заинтересованным структурам. Например, МВД России и ФНС России в случае выявления Росфинмониторингом данных о подозрительной финансовой активности должны автоматически инициировать проверку таких данных.

На международном уровне требуется углубление интеграции в глобальные системы безопасности, включающее не только обмен данными через Интерпол и Европол, но и совместные операции, единые стандарты идентификации, взаимное признание цифровых доказательств. Особенно важно сотрудничество в рамках ЕАЭС, СНГ и БРИКС, где растет объем трансграничной преступности.

Однако эффективное взаимодействие невозможно без унификации форматов данных, гармонизации законодательства и доверия между структурами. В связи с этим наряду с технической интеграцией необходимо развивать межведомственные команды, совместные учения, обмен кадрами и корпоративную культуру сотрудничества, а не конкуренции.

Четвертое направление — переход к проактивной модели административного управления. Традиционная модель административной деятельности полиции основана на реакции на уже произошедшее правонарушение: составление протокола, доставление, наказание. В условиях, когда угрозы возникают в виртуальной среде, быстро развиваются и имеют цепную реакцию, данная модель является устаревшей.

Проактивная модель предполагает предупреждение угроз до их реализации. Для этого необходимо следующее:

- системный мониторинг рисков (социально-экономических, информационных, миграционных);

- раннее выявление уязвимостей (например, школ с высоким уровнем агрессии учеников, районов с ростом без-

работицы, онлайн-сообществ с признаками радикализации);

— превентивное вмешательство (профилактические беседы, социальные программы, блокировка деструктивного контента).

Ключевым инструментом проактивности становится аналитика на основе больших данных и искусственного интеллекта. Например, анализ обращений на портале «Наш город», данных Росстата, активности в соцсетях и вызовов скорой помощи позволяет выявить социальную напряженность задолго до возникновения массовых беспорядков. Участковый уполномоченный полиции, владеющий такой информацией, может провести профилактическую работу с лидерами общественного мнения, организовать встречу с местной администрацией, привлечь к решению проблем социальные службы.

Важно подчеркнуть, что проактивность не означает профилактического наказания. Речь идет о создании условий, в которых деструктивное поведение становится менее вероятным. Это соответствует гуманистической парадигме права и принципу соразмерности.

Пятое направление – укрепление доверия граждан как основы легитимности. Эффективность любой административной системы – от сбора налогов до борьбы с терроризмом – напрямую зависит от уровня доверия граждан. Без доверия нет кооперации, без кооперации – нет информации, без информации – нет безопасности. В условиях цифровой эпохи, когда каждый гражданин – источник данных и наблюдатель, доверие становится стратегическим ресурсом.

Доверие формируется через прозрачность, предсказуемость и уважение прав. Это означает следующее:

— четкое разъяснение оснований любых вмешательств (проверка документов, задержание, досмотр);

— соблюдение процедур, закрепленных в КоАП РФ и Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*;

— оперативное реагирование на обращения;

— осуществление публичной отчетности о результатах работы.

Особую роль играет коммуникация. Полиция должна говорить с обществом на понятном языке, используя соцсети, подкасты, открытые уроки, дни открытых дверей. Важно не только наказывать нарушителей, но и рассказывать о позитивных кейсах: спасенных людях, предотвращенных преступлениях, помощи пожилым.

Кроме того, необходимо развивать институты общественного контроля: общественные наблюдательные комиссии, советы при территориальных органах МВД России, омбудсмены. Эти структуры должны восприниматься не как угроза, а как партнеры по повышению качества управления.

Также важно отметить, что доверие требует справедливости. Двойные стандарты, коррупция, безнаказанность – главные враги легитимности. В связи с этим административная деятельность должна быть не только эффективной, но и безупречно честной.

Выделенные направления развития административной деятельности полиции не существуют изолированно, они взаимосвязаны и взаимоусиливают друг друга. Цифровизация без квалифицированных кадров бессмысленна. Проактивность без доверия вызывает подозрение. Межведомственное взаимодействие без единых стандартов неэффективно. Только системный, синергетический подход позволит построить административную модель полиции, соответствующую вызовам XXI века.

Заключение

Совершенствование административной деятельности полиции – это не просто техническая задача оптимизации процессов, а стратегическая необходимость, обусловленная эволюцией угроз и ожиданиями общества. В условиях гибридных, цифровых и транснациональных вызовов полиция больше не может быть только институтом принуждения. Она должна стать интеллектуальным, адаптивным и гражданноориентированным органом публичной власти, способным предвидеть риски, координировать усилия различных структур и обеспечивать безопасность на основе права, технологий и доверия.

Будущее правоохранительной системы за проактивной, профилактической

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

и этичной административной моделью, в которой эффективность измеряется не количеством составленных протоколов, а уровнем безопасности, доверия и качества жизни граждан. Реализация этой мо-

дели требует системного подхода, объединяющего правовые, технологические, кадровые и управленческие аспекты, и активного участия как научного, так и практического сообщества МВД России.

Список источников

1. Веденин Д.В. О современном состоянии киберпреступности в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. N 2. С. 140-145.
2. Швыряев П.С. Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. N 4. С. 616-629.
3. Бебеза В.В. Организация деятельности органов внутренних дел в условиях появления новых вызовов кибербезопасности России // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. N 2. С. 48-57.
4. Алиев Д.Ф. Гибридная война в контексте информационного противостояния // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. N 4. С. 8-20.
5. Уртаева Э.Б. Инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противостояния // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. N 1. С. 217-223.
6. Кучинаев Р.Р. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. N 4. С. 258-262.
7. Сентюренко О.В. Цифровая среда: тренды и риски развития // Научно-техническая информация. 2015. N 2. С. 1-7.
8. Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность в цифровой сфере // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. N 3. С. 84-88.
9. Казаринова Е.Б. К вопросу об угрозах экономической безопасности России в условиях санкционного давления и внешних ограничений // Экономика и управление инновациями. 2023. N 4. С. 86-93.
10. Ишмухаметов Я.М., Янмурзин Д.Р. Условия развития массовых беспорядков // Право и государство: теория и практика. 2023. N 5. С. 304-305.
11. Катаева О.В. Современные вызовы миграционной безопасности государства // Общество и право. 2024. N 2. С. 72-75.
12. Иванова С.И., Сумачев А.В., Шадрина Л.В. Механизм обеспечения безопасности и правопорядка в миграционной сфере: сравнительно-правовой анализ: монография. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2023. 140 с.

References

1. Vedenin D.V. On the Current State of Cybercrime in the Russian Federation. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, no. 2, pp. 140-145. (In Russ.).
2. Shvyryaev P.S. The Problem of Cybercrime in Russia: Current Status and Solution Prospects. Standard of Living of the Population of Russian Regions, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 616-629. (In Russ.).
3. Begeza V.V. Organization of the Activities of Internal Affairs Bodies in the Context of New Challenges to Russia's Cybersecurity. NB: Administrative Law and Administration Practice, 2023, no. 2, pp. 48-57. (In Russ.).
4. Aliev D.F. Hybrid Warfare in the Context of Information Confrontation. Science. Culture. Society, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 8-20. (In Russ.).
5. Urtaeva E.B. Counter-Propaganda Tools in the Context of Hybrid Foreign Policy Confrontation. State and Municipal Administration. Scientific Notes, 2024, no. 1, pp. 217-223. (In Russ.).
6. Kuchinaev R.R. Current Trends in Digital Extremism and Terrorism. Gaps in Russian Legislation, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 258-262. (In Russ.).
7. Sentyurenko O.V. Digital Environment: Development Trends and Risks. Scientific and Technical Information, 2015, no. 2, pp. 1-7. (In Russ.).
8. Voronin Yu.A. Transnational Organized Crime in the Digital Sphere. Law and Order: History, Theory, Practice, 2021, no. 3, pp. 84-88. (In Russ.).
9. Kazarinova E.B. On the Issue of Threats to Russia's Economic Security in the Context of Sanctions Pressure and External Restrictions. Economy and Innovation Management, 2023, no. 4, pp. 86-93. (In Russ.).
10. Ishmukhametov Ya.M., Yanmurzin D.R. Conditions for the Development of Mass Riots. Law and State: Theory and Practice, 2023, no. 5, pp. 304-305. (In Russ.).
11. Kataeva O.V. Modern Challenges to the State's Migration Security. Society and Law, 2024, no. 2, pp. 72-75. (In Russ.).
12. Ivanova S.I., Sumachev A.V., Shadrina L.V. Mechanism for Ensuring Security and Law and Order in the Sphere of Migration: A Comparative Legal Analysis. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2023. 140 p. (In Russ.).

Раздел 8. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.4

Эволюция научной систематики криминалистики в условиях цифровой трансформации

Анна Михайловна Чихрадзе,

кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, anna.chikhradze@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0763-2228>

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции научной систематики криминалистики в условиях цифровой трансформации общества и внедрения информационных технологий в следственную деятельность. Рассматриваются проблемы фрагментарного осмысления цифровых изменений в криминалистической доктрине, а также недостаточной теоретической проработанности их влияния на структуру криминалистического знания. В качестве методологической основы исследования используется циклическая парадигма развития науки, согласно которой криминалистика проходит последовательные этапы кризиса, анализа и синтеза. Установлено, что цифровая трансформация представляет собой закономерный этап эволюции криминалистики, сопровождающийся изменением ее понятийного аппарата, методологии и структуры деятельности. Сделан вывод о том, что интеграция цифровых технологий и искусственного интеллекта не разрушает методологическое ядро криминалистики, а обеспечивает ее обновление, методологическое единство и практическую эффективность в современных условиях.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая систематика, цифровая трансформация, искусственный интеллект

Для цитирования: Чихрадзе А.М. Эволюция научной систематики криминалистики в условиях цифровой трансформации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 85-94.

Evolution of the scientific systematics of forensic science in the context of digital transformation

Anna M. Chikhradze,

Candidate of Legal Sciences, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, anna.chikhradze@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0763-2228>

Abstract. This article analyzes the evolution of the scientific systematics of forensic science in the context of both digital transformation of the society and the implementation of information technologies in the investigative activities. The issues of fragmentary understanding of digital changes in the forensic doctrine, as well as the insufficient theoretical elaboration of their impact on the structure of forensic knowledge are considered. The cyclical paradigm of science development, according to which forensic science goes through the successive stages of crisis, analysis and synthesis, is used as the methodological basis of the study. It is established that digital transformation represents a natural stage of the forensic science evolution, which is accompanied by changes in its conceptual apparatus, methodology and structure of activities. It is concluded that the integration of digital technologies and artificial intelligence does not destroy the methodological core of forensic science, but ensures its renewal, methodological unity and practical effectiveness in modern conditions.

Keywords: forensic science, forensic systematics, digital transformation, artificial intelligence

For citation: Chikhradze A.M. Evolution of the scientific systematics of forensic science in the context of digital transformation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 85-94.

Введение

Криминалистика как юридическая наука прошла сложный путь становления и развития, который сопровождался периодами кризиса, сменявшегося научным синтезом и обновлением своих теоретических основ. Еще основоположник криминалистики Г. Гросс рассматривал ее как цельную систему знаний и указывал на необходимость особого типа мыслительной деятельности следователя. С самого начала становления криминалистики формировалась и ее систематика — комплекс взаимосвязанных положений, классификаций методов и средств расследования, объединенных общей целью борьбы с преступностью [1, с. 20-32]. Однако эта система не оставалась неизменной: со временем усложнение объектов и методов расследования обусловило возникновение правоприменительных проблем, научных дискуссий и кризисов, требующих обновления теории.

В настоящее время все большее распространение получает понимание того, что криминалистика переживает очередной период концептуальных трансформаций. Ряд ученых отмечают признаки кризисных явлений, которые определяются как расхождение между накопленным массивом криминалистических знаний и реальными потребностями практики. В то же время высказывается мнение о том, что данные трудности, наоборот, свидетельствуют о новом этапе развития, который призван объединить традиционные начала и положения криминалистики с последними достижениями иных отраслей научного знания [2, с. 253; 3, с. 47].

Несмотря на активизацию научных исследований, посвященных цифровизации криминалистики, в современной доктрине преобладает фрагментарный подход к осмыслению происходящих изменений. Большинство работ сосредоточено либо на анализе отдельных цифровых технологий (искусственного интеллекта,

блокчейна*, OSINT-инструментов**, либо на разработке частных методик расследования конкретных категорий преступлений. При этом вопросы эволюции криминалистической систематики как целостной научной конструкции в условиях цифровой трансформации остаются недостаточно концептуализированными. В научных публикациях, как правило, не прослеживается связь между цифровыми вызовами и закономерностями развития криминалистики как науки, что затрудняет формирование единого методологического подхода и порождает дискуссии о границах предмета криминалистики.

В настоящей работе цифровая трансформация понимается как устойчивое и кумулятивное изменение среды расследования, обусловленное появлением новых цифровых объектов и источников данных, а также внедрением алгоритмических способов их поиска и анализа. В результате традиционные криминалистические категории и связи внутри систематики требуют уточнения применительно к цифровой среде при сохранении предметного ядра криминалистики. Таким образом, данная статья нацелена на переосмысление понятия криминалистической систематики в условиях цифровой трансформации.

Основная часть

Развитие научного познания никогда не происходит по прямой восходящей линии. Напротив, как отмечает Т. Кун, наука претерпевает смену парадигм через кризисы и революционные скачки [4, с. 169]. Применительно к криминалистике эта об-

* Блокчейн — это распределенный реестр данных, представляющий собой последовательность взаимосвязанных блоков, содержащих сведения о совершенных транзакциях.

** OSINT-инструменты (Open Source Intelligence) — это совокупность методов и программных средств, предназначенных для сбора, обработки и анализа информации, получаемых из открытых источников с целью выявления криминалистически значимых сведений и формирования аналитических выводов.

щая закономерность проявляется особенно наглядно, поскольку в данной науке, представляющей собой синтез достижений различных областей научного знания, каждый новый виток ее развития расширял ее предмет и требовал переосмысления ее системы. Систематика криминалистики, являющаяся разделом общей теории криминалистики и отражающая структуру научных знаний, их классификацию и взаимосвязи, также не статична: по мере эволюции предмета криминалистики она пересматривается. Перед учеными-криминалистами периодически возникала необходимость структурной перестройки знаний, поскольку устоявшаяся системная картина уже не соответствовала новым объективным реалиям.

В развитии науки криминалистики условно можно выделить несколько этапов, каждый из которых завершался совершенствованием систематики науки:

1. Этап формирования — зарождение криминалистики как самостоятельной области научного знания (конец XIX — начало XX века). Данный этап ознаменовался тем, что разрозненные приемы расследования были объединены в единую систему научных рекомендаций. Например, Г. Гросс в своем руководстве (1893 год) впервые представил совокупность средств расследования как «систему криминалистики», обозначив тем самым целостность науки. Кризис данного этапа нашел свое отражение в некой ограниченности первоначальных методов расследования на фоне усложняющейся преступности. Синтезом, который позволил преодолеть указанный кризис, является активное заимствование научных достижений естественных наук и расширение криминалистического познания вследствие формирования блока криминалистической техники (судебная фотография, дактилоскопия, судебная медицина и др.).

2. Этап институционализации (середина XX века). Послевоенный период, особенно 1960-70-е годы, ознаменовался становлением криминалистики как академической дисциплины, развитием ее общей теории. В СССР в указанный период труды Р.С. Белкина, А.Н. Колесниченко, Н.П. Яблокова и других ученых заложили прочный методологический фундамент

общей теории криминалистики. Возникла трехзвенная система криминалистики: криминалистическая техника, тактика и методика расследования. Однако к концу советского периода проявился кризис системности: накопление частных методик расследования поставило вопрос об их единой теоретической основе. Ответом стал синтез — разработка интегративных понятий, которые связали воедино разрозненные методики («криминалистическая характеристика преступлений», «механизм преступления» и др.). Также следует отметить, что именно в этот период были уточнены объект и предмет науки криминалистики, и это укрепило ее методологическое единство.

3. Этап «информационного вызова» (конец XX — начало XXI века). Глобальные изменения в экономике, политике и социуме, стремительное развитие цифровых технологий начиная с 1990-х годов обусловили зарождение нового кризиса в криминалистике. Систематически возникающие новые объекты исследований (компьютерные данные, электронные следы, интернет-коммуникации и др.) не находили однозначного отражения в традиционной системе криминалистических знаний. В этот период усиливается дискуссия о границах криминалистики как науки. Одни исследователи обосновывают необходимость расширения предмета криминалистики, включая в него новые направления и объекты, другие, напротив, указывают на опасность чрезмерной фрагментации науки и утраты ее методологического ядра [5, с. 22; 6, с. 130; 7, с. 76]. Уже к началу 2010-х годов стало очевидно, что криминалистика переходит на новый этап своей эволюции, неразрывно связанный с информатизацией общества и цифровизацией преступной деятельности.

На данном этапе кризисные явления обнаруживаются прежде всего в расхождении между традиционными криминалистическими рекомендациями и практическими потребностями расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. Практика демонстрирует, что классические алгоритмы расследования далеко не всегда позволяют эффективно работать с цифровыми следами, распределенными информационными системами

и виртуальными объектами, что усиливает потребность в их теоретическом осмыслении и систематизации. Этот переходный период наблюдается в настоящее время. Ключевую роль в нем играет информация, а традиционные методы расследования нуждаются в трансформации и усилении технологиями анализа данных.

Важно подчеркнуть, что все эти системные изменения носят синергетический характер. В моменты кризиса криминалистика заимствует знания из смежных отраслей и синтезирует их со своими методами, достигая уровня новой научной целостности. Таким образом, каждый этап поднимает ее методологию на более высокий уровень, сохраняя при этом взаимосвязь с предыдущим уровнем, реализуя своеобразную диалектическую динамику движения по спирали «кризис – анализ – синтез» [8, с. 275].

С этой точки зрения цифровая трансформация криминалистики представляет собой не случайный и изолированный процесс, а закономерный этап ее научной эволюции, требующий адекватного отражения в систематике науки. Отсутствие такого отражения приводит к фрагментарности научных исследований и затрудняет формирование единого теоретического основания для деятельности правоохранительных органов.

В настоящее время криминалистика находится на пороге нового синтеза, связанного с внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта [9, с. 25]. Рост использования подобного рода цифровых технологий, объемов данных и коммуникаций существенно изменил условия совершения целого ряда общественно опасных деяний, а также особенности их раскрытия и расследования. Признаки кризиса данного этапа выражаются в том, что традиционные криминалистические методы и приемы расследования не в полной мере обеспечивают задачи расследования преступной деятельности, реализуемой в цифровой среде, включая преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, применение криптографических средств защиты информации, анонимных сегментов сети «Интернет», а также технологий блокчейна и криптовалют.

Кроме того, возникли не известные ранее объекты исследования – цифровые следы, механизм выявления, фиксации, изъятия и исследования которых существенно отличается от работы с привычными материальными следами. Ученые обоснованно выделяют цифровые следы в отдельную разновидность следственной информации и указывают на ряд присущих им специфических признаков и особенностей работы с ними [10, с. 118-119]. Таким образом, предметная область криминалистики расширилась, и это требует трансформации устоявшейся систематики.

В научной литературе высказываются предложения о формировании самостоятельных направлений, таких как компьютерная или цифровая криминалистика [11, с. 588], цифровая габитоскопия. Другие исследователи, напротив, указывают на необходимость сохранения целостности науки при одновременном обновлении ее предмета и методов.

Практика расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, подтверждает обоснованность второго подхода. Цифровая трансформация не ведет к «распаду» криминалистики на автономные блоки, а, напротив, усиливает потребность в системном осмыслении новых объектов и процессов в рамках единой криминалистической науки. Особенно наглядно это проявляется при расследовании преступлений, связанных с незаконным майнингом криптовалют. Данная категория дел демонстрирует, что цифровые объекты (вычислительное оборудование, программное обеспечение, криптокошельки) неразрывно связаны с материальной и энергетической инфраструктурой и требуют комплексного криминалистического анализа.

Майнинговая ферма как объект криминалистического исследования сочетает в себе признаки традиционного места происшествия и высокотехнологичного цифрового комплекса. Ее функционирование сопровождается образованием следов различной природы: материальных (самовольные врезки в электросети, изменения схем электроснабжения, вмешательство в приборы учета), цифровых (логи работы

оборудования*, настройки пулов**, адреса криптокошельков***) и энергоинформационных (повышенное энергопотребление, тепловыделение, акустический шум) [12, с. 16].

В связи с этим в практике расследования незаконного майнинга устойчиво формируется необходимость привлечения специалистов энергетического профиля – инженеров электросетевых организаций, представителей энергосбытовых компаний, специалистов по интеллектуальным системам учета электроэнергии. Их участие позволяет выявить и зафиксировать несанкционированные подключения, определить способы «обхода» приборов учета, установить фактический режим энергопотребления и длительность функционирования майнингового оборудования для последующего определения причиненного государству материального ущерба. Привлечение энергетиков в подобных ситуациях выходит за рамки эпизодического использования специальных знаний. Фактически речь идет о формировании устойчивого элемента криминалистического взаимодействия, который должен быть отражен в систематике науки наряду с традиционными формами участия специалистов. Энергетики участвуют не только в осмотре места происшествия, но и в реконструкции механизма престу-

пления, определении причинно-следственной связи между работой оборудования и нанесенным ущербом, а также в подготовке исходных данных для последующих экспертных исследований****.

Таким образом, практика расследования незаконного майнинга демонстрирует, что цифровая трансформация затрагивает не отдельные методики, а саму структуру криминалистической деятельности. Расширяется круг сведущих лиц, изменяется содержание криминалистического взаимодействия, формируются новые устойчивые связи между криминалистикой и техническими науками, что требует соответствующего отражения в научной систематике.

Следовательно, происходящие цифровые трансформации повлияли на перераспределение акцентов внутри криминалистической системы. Структурные изменения касаются не только появления новых объектов исследования, но и трансформаций в общей теории криминалистики. Она пополняется понятиями из области информационных технологий. Например, вводится в научный оборот и приобретает криминалистический смысл ряд терминов («криминалистическая безопасность информации», «интеллектуальные поисковые системы», «криптовалютная экосистема», «блокчейн» и др). Происходит расширение понятийного аппарата науки, не всегда сопровождающееся унификацией терминологии, что осложняет эффективность расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют и других виртуальных активов [13, с. 17].

При этом сохраняются базовые системообразующие категории – метод криминалистики, идентификация, диагностика, слеδοобразование и др. Однако они осмысливаются заново, применительно

* Логи работы оборудования – это автоматически формируемые программно-аппаратными средствами записи, фиксирующие параметры функционирования устройств, которые могут использоваться для реконструкции условий и особенностей эксплуатации технического комплекса.

** Настройки пулов – это совокупность параметров программного обеспечения майнингового оборудования, определяющих порядок его подключения и взаимодействия с майнинговым пулом, включая адрес сервера, идентификатор пользователя (воркер), используемый протокол и иные технические параметры распределения вычислительных задач и вознаграждений.

*** Адреса криптокошельков – это уникальные алфавитно-цифровые идентификаторы в блокчейн-сети, предназначенные для получения, хранения, передачи цифровых активов и позволяющие идентифицировать направления движения криптовалюты без раскрытия личности владельца.

**** Роль использования такого рода специальных знаний в расследовании являлась предметом дискуссии ученых и практиков в рамках круглого стола (см.: Особенности расследования преступлений, совершенных в сфере производства, передачи и сбыта электроэнергии – майнинга цифровой валюты: программа межведомственного научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 2-3 октября 2025 г. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2025. 16 с.).

к цифровой среде: термин «след» в настоящее время подразумевает не только отображение в объективной действительности, но и запись в лог-файле*, а содержание понятия «орудие совершения преступления» включает и вредоносные программы, под способом сокрытия подразумевается также шифрование. Таким образом, как верно отмечает Т.В. Волчецкая, «...в рамках криминалистической методологии можно решать задачи осмысления, описания и ввода в научный оборот новых понятий, криминалистических категорий, связанных с использованием цифровых технологий» [14, с. 149].

Отдельно следует отметить роль искусственного интеллекта в перестройке научной систематики, поскольку он выступает не только новым объектом исследования, но и инструментом познания внутри самой отрасли. В настоящее время происходит зарождение криминалистических экспертных систем, которые способны обрабатывать большие массивы данных, выделяя необходимые следствию закономерности. Например, алгоритмы машинного обучения успешно применяются для распознавания образов (идентификации лиц по видеозаписям), интеллектуального поиска по базам данных, а также иным системам (программно-аналитический комплекс «Прозрачный блокчейн»**).

Однако практика показывает, что внедрение искусственного интеллекта не подменяет криминалистическое мышление следователя, а трансформирует его. Алгоритмы способны выявлять связи и паттерны, но их криминалистическая интерпретация, оценка доказательственного значения и включение в систему доказы-

вания остаются результатом профессионального суждения человека. Это обстоятельство подчеркивает необходимость осмысления искусственного интеллекта не как автономного элемента, а в качестве структурного компонента современной криминалистической деятельности.

Цифровая революция изменила не только объект криминалистического познания, но и способ осуществления познавательной деятельности следователя. Меняется сама ее логика — то, что Н.П. Яблоковым названо криминалистическим мышлением. Если ранее приоритетными были интуитивно-логические методы, то в настоящее время они подлежат трансформации с учетом аналитики больших объемов данных и новых алгоритмов. Это требует развития новых компетенций — умения взаимодействовать с технологическими средствами, критически осмысливать выводы, генерируемые искусственным интеллектом. По справедливому замечанию Н.П. Яблокова, профессионализм следователя определяется не только владением тактическими приемами, но и особым стилем мышления, включающим использование средств логики и психологии [15, с. 156]. В современных условиях к указанным средствам добавляются компьютерные алгоритмы и аналитические системы, формируя таким образом синтез человеческого и машинного интеллекта в расследовании преступлений.

Примером подобного синтеза является работа аналитиков Росфинмониторинга в рамках программно-аналитического комплекса «Прозрачный блокчейн». В частности, программа, отслеживая транзакции в блокчейне в рамках проверки сообщения о преступлении либо расследования преступления, автоматически выявляет цепочки переводов, устанавливает взаимосвязь адреса с конкретной биржей, криптовалютным миксером***,

* Лог-файл — это электронный файл, автоматически формируемый программным обеспечением или операционной системой, содержащий хронологически упорядоченные записи о событиях, действиях пользователя, работе программ и технических сбоях, который может использоваться для установления последовательности и характера функционирования цифровых устройств.

** Программа для ЭВМ «Прозрачный блокчейн. Государственный модуль» // Росфинмониторинг: официальный сайт. URL: <https://www.fedsfm.ru>

*** Криптовалютный миксер — это программный сервис или совокупность алгоритмов, предназначенных для затруднения отслеживания происхождения и дальнейшего движения цифровых активов путем их объединения, многократного перераспределения и последующего вывода на иные адреса блокчейн-сети.

даркнет-площадками*. В свою очередь, аналитик, получив визуализацию транзакций, осуществляет интерпретацию данных, устанавливает логические и криминалистически значимые связи между субъектами. Такой симбиоз цифрового инструментария и профессионального суждения позволяет не только ускорить анализ большого массива данных, но и повысить его доказательственную значимость. Соответственно, методологически это выражается в появлении таких подходов, как криминалистический анализ данных и прогнозистическая криминалистика.

Криминалистическая тактика также видоизменяется. Появляются новые тактические приемы, связанные с цифровой средой. Например, тактика «внедрения» в цифровое сообщество при расследовании киберпреступлений, тактика сбора доказательств из облачных хранилищ данных, тактика использования OSINT (открытых данных из сети «Интернет»), CRIMINT (сбор и последующий анализ идентификаторов преступной деятельности в киберпространстве из различных источников, который позволяет распознать противоправность деяний на ранних этапах и оперативно реагировать на киберпреступления и киберугрозы) и др. Указанные приемы требуют разработки методических рекомендаций по их использованию, учитывающих как правовые, так и криминалистические аспекты.

Одним из наиболее важных методологических принципов становится системность применения технологий искусственного интеллекта. Разрозненные эксперименты по внедрению искусственного интеллекта не способны повысить эффективность следственной деятельности, если они не вписываются в общую систему расследования и не согласованы с криминалистической методологией. Это обусловлено тем, что положительный эффект внедрения цифровых технологий не обеспечивается лишь теоретическими дискуссиями — требуются масштабные и значимые прикладные исследования, их внедрение [16, с. 103]. Иными словами,

необходима система — единая стратегия, аккумулирующая научные разработки, механизмы их проверки и практического применения. Например, еще в 2016 году высказывалось мнение о целесообразности создания единого криминалистического центра, который централизованно координировал бы научные исследования и внедрение рекомендаций [2, с. 257]. В современных условиях данная идея приобретает иное содержание: подобный центр мог бы осуществлять аккумуляцию технологий искусственного интеллекта, пригодных к использованию в криминалистических целях, проводить их экспертизу, вырабатывать единые стандарты использования. Тем самым обеспечивался бы синтез научного и практического начала, поскольку современные тенденции цифровизации требуют освоения новых методов, инструментов и технологий для эффективного расследования преступлений, в том числе совершаемых с использованием цифровых технологий [17, с. 72].

Указанный новый цикл эволюции криминалистики существенно расширяет ее инструментарий и сферу влияния. В цифровую эпоху она становится наукой о распознавании, анализе и использовании информации о преступлениях в широком смысле. Данный цикл характеризуется киберфизической интеграцией: наряду с реальными и привычными криминалистическими объектами (место происшествия, вещественное доказательство) анализируется их цифровой двойник. В результате у следователя возникает необходимость опираться не только на традиционное криминалистическое мышление, но и на алгоритмические модели анализа данных, тогда как именно криминалистическая наука призвана обеспечить методологическое единство такого подхода.

Важным направлением адаптации криминалистики к условиям цифровой трансформации является также изменение научно-образовательного процесса и форм профессиональной подготовки кадров. Современная криминалистика объективно нуждается в образовательных инструментах, позволяющих моделировать цифровую среду расследования и формировать у обучающихся навыки работы с профессиональными информационными систе-

* Даркнет-площадки — это сетевые интернет-ресурсы, функционирующие в анонимных сегментах сети «Интернет».

мами, используемыми в деятельности правоохранительных органов.

В связи с этим в ряде образовательных организаций системы МВД России применяются специализированные программные эмуляторы ведомственных информационных сервисов, в том числе эмуляторы сервисов Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России), воспроизводящие функциональную логику профессиональных информационных систем в учебных целях. Использование подобных эмуляторов обеспечивает практико-ориентированное обучение, позволяя отрабатывать алгоритмы поиска, анализа и интерпретации информации в условиях, приближенных к реальной служебной деятельности, и тем самым формировать профессиональные компетенции, востребованные в цифровой среде расследования. Как показывают научные исследования в области профессиональных информационных систем, включение таких средств в образовательный процесс способствует преодолению разрыва между теоретической подготовкой и практикой, обеспечивая преемственность научных разработок, учебного процесса и деятельности правоохранительных органов [18, с. 330-331].

Заключение

Таким образом, история криминалистики убедительно свидетельствует о том, что ее развитие носит циклический характер, то есть наука последовательно проходит этапы кризиса, анализа и синтеза. На ключевых этапах становления криминалистики имело место несоответствие устоявшихся теоретических конструкций новым социальным и технологическим реалиям. Ответом на данные вызовы стала трансформация научной систематики, расширяющая и уточняющая предмет, методы и понятийный аппарат науки.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровая трансформация криминалистики не является внешним по отношению к науке фактором, а представляет собой закономерный этап ее эволюции, требующий адекватного отражения в системе криминалистического знания. Последовательная смена парадигм — формирование системы знаний в начале XX века, институционализация и информа-

ционный этап, современный цифровой виток — подтверждает устойчивость модели «кризис — анализ — синтез» как механизма научного развития.

Установлено, что современный цифровой цикл характеризуется не только появлением новых объектов исследования (цифровые следы, виртуальные активы, алгоритмические системы), но и изменением структуры криминалистической деятельности в целом. Практика расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, демонстрирует расширение круга привлекаемых специалистов, усложнение форм криминалистического взаимодействия и необходимость междисциплинарного синтеза, что требует отражения на уровне научной систематики, а не только частных методик.

Показано, что искусственный интеллект и цифровые технологии не подменяют криминалистическое мышление следователя, а трансформируют его, создавая новые формы аналитической деятельности и усиливая значение профессионального суждения. Это обстоятельство подтверждает сохранение методологического ядра криминалистики при одновременном расширении ее инструментального и понятийного потенциала.

Обосновано, что успешная цифровая перестройка криминалистики возможна лишь при условии системного подхода, включающего интеграцию научных разработок, практики расследования и профессиональной подготовки кадров. В связи с этим особое значение приобретает внедрение в образовательный процесс информационных технологий и специализированных цифровых инструментов.

Концепция циклической систематики позволила выявить закономерность: развитие криминалистики через кризисы ведет не к фрагментации науки, а к ее укрупнению и обогащению. Криминалистика вступает в новую фазу, в которой ее система знаний становится более комплексной, методы — технологически насыщенными, а связь с практикой — более тесной и устойчивой. Тем самым обеспечивается непрерывность научной эволюции криминалистики через диалектическое единство традиций и инноваций.

Список источников

1. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: [монография]. Москва: ЛексЭст, 2002. 305 с.
2. Шутемова Т.В. Криминалистика: кризис и (или) переход к новому этапу? // Библиотека криминалиста. 2016. N 3. С. 253-259.
3. Абаканова В.А. Современное развитие криминалистики: цифровое измерение // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2025. N 3. С. 40-51.
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. Москва: АСТ; Астрель, 2003. 310 с.
5. Ищенко Е.П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. N 3. С. 15-28.
6. Климова Я.А. Цифровая криминалистика: перспективы развития // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. N 3. С. 128-132.
7. Тишутина И.В. Актуальные направления развития криминалистики в свете научных идей Р.С. Белкина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. N 2. С. 73-80.
8. Смушкин А.Б. Цифровая трансформация криминалистики. Часть 2 (цифровая трансформация организации расследования преступлений, криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. N 2. С. 272-278.
9. Головин А.Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. N 2. С. 25-33.
10. Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: диссертация... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 532 с.
11. Нагоев А.М., Бирюлина Е.В. Цифровизация в криминалистике // Молодой ученый. 2022. N 21. С. 587-589.
12. Чихрадзе А.М. Методологические аспекты осмотра майнинговой фермы в качестве объекта криминалистического интереса // Российский следователь. 2025. N 10. С. 14-18.
13. Чихрадзе А.М. Семантика криптовалютной экосистемы: вызовы для криминалистической терминологии // Российский следователь. 2025. N 6. С. 14-18.
14. Волчецкая Т.С. Влияние цифровых технологий на современное развитие криминалистической науки // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: сборник материалов междунар. науч.-практ. форума, г. Калининград, 27-31 авг. 2020 г. Калининград, 2021. С. 148-155.
15. Яблоков Н.П. К вопросу о криминалистическом мышлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С.А. Елисеева, Л.М. Прокументова, В.А. Уткина [и др.]. Ч. 54. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. 156-159.
16. Головин А.Ю. Криминалистическое мышление и цифровое будущее // Криминалистика наука без границ: традиции и новации: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 30 ноября – 1 декабря 2023 г. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2024. С. 100-108.
17. Воронков Д.В. О соотношении традиционной криминалистики и цифровой криминалистики // Baikal Research Journal. 2025. T. 16. N 1. С. 70-75.
18. Дивольд В.Е., Гайдамакин А.А., Батюшкин М.В. Профессиональные информационные системы: проблемы и опыт практико-ориентированного обучения // Вестник экономической безопасности. 2020. N 1. С. 329-332.

References

1. Golovin A.Yu. Forensic Taxonomy. Moscow, LexEst Publ., 2002. 305 p. (In Russ.).
2. Shutemova T.V. Forensic science: crisis and (or) transition to a new stage? Library of the forensic scientist, 2016, no. 3, pp. 253-259. (In Russ.).
3. Abakanova V.A. Modern development of forensic science: digital measurement. Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences, 2025, no. 3, pp. 40-51. (In Russ.).
4. Kun T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow, AST; Astrel Publ., 2003. 310 p. (In Russ.).
5. Ishchenko E.P. At the origins of digital forensics. Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2019, no. 3, pp. 15-28. (In Russ.).
6. Klimova Ya.A. Digital forensics: development prospects. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 3, pp. 128-132. (In Russ.).
7. Tishutina I.V. Current Directions in the Development of Forensic Science in Light of the Scientific Ideas of R.S. Belkin. Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences, 2022, no. 2, pp. 73-80. (In Russ.).
8. Smushkin A.B. Digital Transformation of Forensic Science. Part 2 (Digital Transformation of the Organization of Crime Investigation, Forensic Tactics, and Methods of Investigating Certain Types of Crimes). Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2023, no. 2, pp. 272-278. (In Russ.).

9. Golovin A.Yu. Artificial Intelligence Technologies in Forensic Science: Problems to Be Solved. *Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings*, 2024, no. 2, pp. 25-33. (In Russ.).
10. Bakhteyev D.V. Conceptual Foundations of the Theory of Forensic Thinking and the Use of Artificial Intelligence Systems in Crime Investigation. *Doct. Diss. Ekaterinburg*, 2022. 532 p. (In Russ.).
11. Nagoev A.M., Biryulina E.V. Digitalization in Forensic Science. *Young Scientist*, 2022, no. 21, pp. 587-589. (In Russ.).
12. Chikhradze A.M. Methodological Aspects of Inspection of a Mining Farm as an Object of Forensic Interest. *Russian Investigator*, 2025, no. 10, pp. 14-18. (In Russ.).
13. Chikhradze A.M. Semantics of the Cryptocurrency Ecosystem: Challenges for Forensic Terminology. *Russian Investigator*, 2025, no. 6, pp. 14-18. (In Russ.).
14. Volchetskaya T.S. The Impact of Digital Technologies on the Modern Development of Forensic Science. *Modern Technologies and Approaches in Legal Science and Education*. Kaliningrad, 2021. Pp. 148-155. (In Russ.).
15. Yablokov N.P. On the Issue of Forensic Thinking. *Legal Problems of Strengthening Russian Statehood*. Part 54. Tomsk, Tomsk University Publishing House, 2012. Pp. 156-159. (In Russ.).
16. Golovin A.Yu. Forensic thinking and the digital future. *Forensic science without borders: traditions and innovations*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 100-108. (In Russ.).
17. Voronkov D.V. On the Relationship Between Traditional Forensic Science and Digital Forensic Science. *Baikal Research Journal*, 2025, vol. 16, no. 1, pp. 70-75. (In Russ.).
18. Divol'd V.E., Gajdamakin A.A., Batyushkin M.V. Professional information systems: problems and experience of practice-oriented training. *Bulletin of economic security*, 2020, no. 1, pp. 329-332. (In Russ.).

Раздел 9. Компаративистика и зарубежный опыт

Научная специальность: 5.1.4

Концептуальные основы построения системы обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании преступлений в сфере сексуальной эксплуатации

Максим Павлович Шруб,

кандидат юридических наук, доцент, Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь; Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, m.shrub@sledcom.by, <https://orcid.org/0000-0002-4614-2210>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теоретико-прикладных положений, касающихся разработки системы обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании преступлений в сфере сексуальной эксплуатации, как элемента структуры частной криминалистической методики. При помощи статистических данных автором аргументируется актуальность исследуемой проблемы как в глобальном масштабе, так и применительно к Республике Беларусь. Исходя из определения понятия сексуальной эксплуатации, анализируются монографические работы белорусских и российских ученых-криминалистов, посвященные расследованию преступлений, связанных с проституцией и порнографией. Критически оцениваются используемые исследователями подходы к определению обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о сексуальной эксплуатации. Формулируется и обосновывается авторская позиция.

Ключевые слова: криминалистическая методика, предмет доказывания, сексуальная эксплуатация, эксплуатация проституции, изготовление порнографических материалов, оборот порнографических материалов

Для цитирования: Шруб М.П. Концептуальные основы построения системы обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании преступлений в сфере сексуальной эксплуатации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 95-103.

Conceptual foundations of constructing a system of circumstances to be proved in the investigation of sexual exploitation crimes

Maxim P. Shrub,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus; Belarusian State University, Minsk, Belarus, shrub_max@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-4614-2210>

Abstract. The article considers the theoretical and applied principles related to developing the system of circumstances to be proved in the investigation of sexual exploitation crimes, as an element of the structure of specific forensic methods. Using statistical data, the relevance of the problem under study both on a global scale and in the Republic of Belarus is argued. Based on the definition of sexual exploitation, some monographic studies of the Belarusian and Russian forensic scientists devoted to investigating the prostitution-related and pornography-related crimes are analyzed. The approaches used by the researchers to determine the circumstances to be proved in sexual exploitation cases are critically estimated. The author's position is formulated and substantiated.

Keywords: forensic methods, subject of proof, sexual exploitation, exploitation of prostitution, production of pornographic materials, distribution of pornographic materials

For citation: Shrub M.P. Conceptual foundations of constructing a system of circumstances to be proved in the investigation of sexual exploitation crimes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 95-103.

Введение

Сексуальная эксплуатация, будучи глобальным транснациональным социальным явлением, связана с высокой степенью доходности секс-индустрии как криминального бизнес-сектора. Например, к 2024 году в мире незаконная прибыль от использования принудительного труда возросла по сравнению с 2014 годом на 37 % и достигла 236 млрд долларов в год, из которых более двух третей (73 %) всей незаконной прибыли приносит принудительная сексуальная эксплуатация в коммерческих целях, несмотря на то, что на нее приходится лишь 27 % от общего числа жертв принудительного труда*.

Анализ данных правоприменительной практики в Республике Беларусь показывает, что в 2023 году в стране был идентифицирован 381 пострадавший от сексуальной эксплуатации (+81,4 %, в 2022 году — 210), в том числе 269 несовершеннолетних, то есть 70,6 %. По оценкам МВД Республики Беларусь, существенный рост приведенных показателей обусловлен установлением значительного количества детей, использовавшихся для изготовления порнографических материалов или предметов порнографического характера. Например, в 2023 году выявлено 260 таких детей, по сравнению с 2022 годом (117 детей) их количество увеличилось в 2,2 раза**.

В 2024 году общее количество лиц, подвергшихся сексуальной эксплуатации, сократилось по сравнению с 2023 годом на 40,9 %. Динамика в целом положительная, однако при этом общее количество несовершеннолетних, пострадавших от сексуальной эксплуатации, составило 72 %, а общее число выявленных случаев оборота порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних воз-

росло на 7,4 %***. 31,1 % пострадавших подвергались эксплуатации в проституции, а 68,9 % — в порнографии (при этом все они — несовершеннолетние, которые использовались для изготовления порнографических материалов или предметов порнографического содержания с их изображением)****.

Исходя из имеющихся официальных данных, в первом полугодии 2025 года имело место продолжение указанной тенденции. Согласно сведениям МВД Республики Беларусь относительно аналогичного периода прошлого года произошел незначительный рост числа выявленных фактов, среди которых преобладает оборот детской порнографии*****. За 6 месяцев 2025 года количество идентифицированных в Республике Беларусь пострадавших, относящихся к указанной категории, возросло относительно аналогичного периода прошлого года на 10,4 %. Удельный вес несовершеннолетних жертв составил 53 %*****.

Проблемы расследования преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией, рассматривали в своих трудах такие российские ученые, как С.Р. Абрамова, А.А. Бессонов, Н.В. Головкин, М.А. Полякова, Г.К. Смирнов (расследование торговли людьми), С.А. Цыркун, Е.В. Шибанова (расследование преступлений, связанных с проституцией), О.Ю. Антонов, С.М. Бадоян, Н.Н. Ильин (расследование оборота порнографии). В юридической науке Республики Беларусь на монографическом уровне с позиции криминалистики исследовались два направления противодействия сексуальной эксплуатации. Работы

*** Общая ситуация в сфере противодействия торговле людьми в Республике Беларусь // Там же.

**** Сведения о жертвах торговли людьми и гражданах, которые могли пострадать от торговли людьми или связанных с ней преступлений // Там же.

***** Принимаемые меры и складывающаяся ситуация в сфере противодействия торговле людьми в Республике Беларусь // Там же.

***** Сведения о жертвах торговли людьми и гражданах, которые могли пострадать от торговли людьми или связанных с ней преступлений.

* МОТ: прибыль от использования принудительного труда достигает 236 млрд долларов в год // Новости ООН: официальный сайт. URL: <https://news.un.org>

** Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию торговле людьми. Статистика в сфере идентификации жертв торговли людьми // Главное управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Республики Беларусь: официальный сайт. URL: <https://mvd.gov.by>

автора настоящей статьи посвящены проблемам расследования транснациональной сексуальной эксплуатации [см., например: 1], а в трудах П.Л. Боровика раскрыты особенности возбуждения уголовных дел о детской порнографии [см., например: 2].

Руководствуясь комплексным подходом к изучению проблемы расследования преступлений в сфере сексуальной эксплуатации, необходимо уделить внимание такому важному элементу криминалистической методики, как обстоятельства, подлежащие доказыванию, поскольку именно их система по делам о преступлениях определенного вида или группы обуславливает общую цель и направление расследования. В этом смысле значимость предмета доказывания для решения задач методико-криминалистического обеспечения следственной деятельности сложно переоценить.

Основная часть

Как было определено ранее, с позиции криминалистики под сексуальной эксплуатацией следует понимать использование сексуальных способностей человека в проституции и (или) порнографии с целью присвоения результатов его деятельности в форме извлечения прибыли третьим лицом посредством применения определенных средств воздействия, осуществляемого на регулярной основе. Иными словами, формами сексуальной эксплуатации выступают проституция и порнография [3, с. 65].

В криминалистике сложилось несколько подходов к определению предмета доказывания применительно к обозначенной тематике. В частности, Е.В. Шибанова, решая задачу определения обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о преступлениях, связанных с проституцией, отмечает, что, поскольку такие обстоятельства «...неразрывно связаны с нормами права, целесообразно структурировать рассмотрение этого элемента криминалистической методики исходя из строения материальной нормы права, дополняя их криминалистически важными характеристиками» [4, с. 31]. По результатам анализа элементов состава преступлений, связанных с эксплуатацией проституции и предусмотренных ст.ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией» и 241 «Организация занятия проституцией» Уголовного кодекса

Российской Федерации (далее — УК РФ), автор резюмирует, что в ходе расследования преступлений, связанных с вовлечением в занятие проституцией, должно быть установлено следующее:

1) объект преступления и то, какой статьей он предусмотрен, — ст. 240 или иной, требующей другой квалификации (отмечается, что российское законодательство предусматривает нормы (ст.ст. 240 и 127, 127.1, 127.2 УК РФ), разграничение которых представляет собой сложность. Их различия в большей степени заключаются в объекте посягательства, что затрудняет квалификацию содеянного);

2) данные о субъекте преступления (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, наличие или отсутствие преступной группы, в рамках которой он действовал; если преступная группа имела — определение ролевого участия в ее деятельности каждого из преступников);

3) наличие прямого умысла на подготовку, совершение, сокрытие преступления, создание преступной группы; мотивы совершения преступления;

4) в случае вовлечения несовершеннолетних — данные, подтверждающие знание преступника о возрасте потерпевших;

5) способ подготовки, совершения вовлечения, сокрытия преступления;

6) в случае перемещения потерпевших через Государственную границу Российской Федерации — легально или нелегально был осуществлен их вывоз;

7) сопровождалось ли вовлечение незаконным удержанием лица;

8) преступные последствия вовлечения*, характер и размер вреда, причиненного преступлением;

9) данные о потерпевших (возраст, психологическое состояние и т.д.);

10) данные о месте совершения преступления, времени, орудиях преступления;

* По мнению Е.В. Шибановой, поскольку состав носит формальный характер, то не следует доказывать наличие половых актов между вовлеченным в занятие проституцией лицом и клиентом. Однако именно этот факт выдвигается сотрудниками правоохранительных органов на первое место в иерархии обстоятельств, подлежащих установлению, что значительно усложняет процесс доказывания.

11) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

12) обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Для доказывания преступлений, связанных с организацией занятия проституцией, по мнению Е.В. Шибановой, в ходе расследования необходимо установить:

1) объект преступления;

2) данные о субъекте преступления (обстоятельства, характеризующие личность преступника; должностное положение лица);

3) наличие прямого умысла на подготовку, совершение, сокрытие преступления;

4) наличие умысла на использование для занятия проституцией заведомо несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста;

5) способы подготовки, совершения, сокрытия преступления;

6) данные о потерпевших;

7) данные о группе обстоятельств объективной стороны (место, время совершения, время функционирования притона, сколько раз помещение предоставлялось для занятия проституцией и т.д.);

8) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

9) обстоятельства, способствующие совершению преступления [4, с. 45-46].

Первый аспект, на котором следует акцентировать внимание по результатам анализа приведенных положений, состоит в том, что в основу подхода Е.В. Шибановой положена исключительно материально-правовая составляющая нормативно-правового регулирования противодействия преступлениям, связанным с проституцией. Такой подход нельзя признать эффективным, поскольку он не учитывает общие требования уголовно-процессуального законодательства к предмету доказывания по всем уголовным делам и, как следствие, оставляет вне поля зрения органа уголовного преследования важные особенности механизма рассматриваемых преступлений (время, место, способ, обстановку совершения преступления), а также их последствия (в частности, характер и размер вреда, причиненного преступлением, факт получения имущества преступным путем и т.д.), которые, с одной стороны, требуют доказывания по общим правилам, а с дру-

гой — в разрезе деятельностного подхода должны ориентировать орган, осуществляющий уголовное преследование, на установление специфических обстоятельств применительно к конкретной категории рассматриваемых преступлений.

Второй дискуссионный аспект состоит в том, что, как представляется, сложно признать верным указание на отсутствие необходимости доказывания факта вступления в половое сношение. Данная точка зрения является ошибочной, поскольку именно сам факт вступления в сексуальные отношения, регулярность и систематичность таких контактов позволяют обеспечить высокую доходность подобных преступлений и образуют их общественную опасность (в том числе).

Третий аспект касается того, что общей целью исследования «Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией», согласно определению Е.В. Шибановой, является «...разработка частной криминалистической методики, практические рекомендации которой должны способствовать решению вопросов выявления, предупреждения и расследования преступлений, связанных с проституцией» [4, с. 6]. В процессе достижения этой цели в рамках разработки единой частной методики автор определяет два разных перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию. Данный подход является как минимум нелогичным.

Разработка частной методики расследования предполагает определение единого предмета доказывания, и поскольку в этом случае речь идет не о видовой методике (исследователь охватывает не один вид преступления, а два), а о методике расследования двух смежных видов преступлений (то есть группы преступлений, хотя и низкого уровня общности), то и подготавливаемые в рамках данной методики рекомендации, в том числе касающиеся предмета доказывания, должны характеризоваться определенной степенью общности.

Иного подхода в определении обстоятельств, подлежащих доказыванию, придерживается П.Л. Боровик. Исходя из анализа практики расследования преступлений, связанных с оборотом порнографии с изображением несовершеннолет-

них, он отмечает, что предмет доказывания не всегда исследуется в полном объеме. Такой пробел в деятельности органов уголовного преследования, как справедливо отмечает исследователь, вызван прежде всего неразработанностью научно обоснованной системы обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании рассматриваемых преступлений.

Для устранения выявленной системной ошибки П.Л. Боровик, основываясь на механизме такого преступления, как оборот детской порнографии, предлагает следующую систему обстоятельств, которая, по его мнению, построена на фундаменте иерархической и логической взаимосвязи ее элементов. Таким образом, он предлагает следующий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию:

1) лицо (лица), совершившее (-ие) преступление (идентификационные данные);

2) сведения, относящиеся к субъекту преступления в уголовно-правовом смысле, которые связаны с установлением возраста и вменяемости лица, совершившего оборот детской порнографии;

3) сведения, относящиеся к субъективной стороне деяния (вина, которая выражается в прямом умысле совершения одного или нескольких действий; мотив, побудивший к этим действиям; цели распространения или рекламирования);

4) совершение преступления группой лиц, наличие организованной группы либо преступной организации, роль соучастников, действия каждого из них;

5) сведения, характеризующие личность виновного (социально-демографические и нравственно-психологические свойства);

6) способ совершения преступления, который выражается в одном или нескольких умышленных действиях, указанных в ст. 343.1 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ);

7) действия, определяющие конкретный способ совершения преступления (каким образом было осуществлено то или иное общественно опасное деяние; при сбыте порнографической продукции

подлежат установлению действия, связанные с получением денежных средств, вырученных от ее реализации);

8) орудия преступления, то есть предметы, используемые непосредственно при выполнении объективной стороны преступления и закономерно связанные со способом совершения общественно опасного деяния;

9) средства совершения преступления, которые условно можно подразделить на материальные и виртуальные;

10) предмет преступления, то есть порнографическая продукция с изображением несовершеннолетнего (вид порнографической продукции; ее форма; тип носителя информации; признаки порнографии (в чем именно они выразились);

11) время, место, обстановка и условия, детерминирующие выбор того или иного способа действия, направленного на оборот детской порнографии, и орудий преступления;

12) среда совершения преступления, установление которой определяется тем, что противоправное поведение человека на этапе формирования мотива, принятия решения о совершении уголовно наказуемого деяния, его исполнения, а также посткриминальное поведение являются результатом взаимодействия преступника с внешней средой (специфика преступлений в сфере оборота детской порнографии заключается в их совершении, как правило, в двух средах — материальной и виртуальной);

13) обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности виновных;

14) происхождение (источники) приобретенной, сохраняемой и сбываемой порнографической продукции с изображением несовершеннолетних (где, когда и кем изготавливалась приобретенная, сохраняемая или сбываемая порнографическая продукция);

15) размеры доходов, полученных преступниками в результате противоправной деятельности (исходя из наличия полученной или предполагаемой прибыли от реализации порнографической продукции, используемых форм оплаты и количества вовлеченных порномоделей, а также размеров сумм, выплаченных им за участие в съемках с учетом продолжительности функ-

ционирования порнографического сайта, среднее ежедневное количество его посещений, расценки на услуги предоставления доступа к платным ресурсам порнографического характера, а также размеры сумм, выплачиваемых разработчикам сайта и рекламным агентам);

16) характер и размер вреда, причиненного преступлением.

В отличие от Е.В. Шибановой П.Л. Боровик акцентирует внимание на том, что в соответствии со ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) орган уголовного преследования обязан выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления [2, с. 64-69].

Изложенный подход к определению предмета доказывания, основанный на анализе механизма преступления, обеспечивает большую степень детализации входящих в его перечень обстоятельств, что согласуется с задачами криминалистической методики в этой части. Вместе с тем, хотя П.Л. Боровик и учитывает соответствующие положения уголовно-процессуального закона применительно к предмету доказывания по уголовным делам, они не являются базовыми при данном подходе. Возможно, это допустимо с учетом того, что тема исследования, в рамках которой предложен приведенный перечень, фактически охватывает только первую стадию досудебного уголовного производства, предшествующую предварительному расследованию. Требования закона в части обстоятельств, подлежащих доказыванию, распространяются на более поздние стадии уголовного процесса. Вместе с тем, если рассматривать предмет доказывания как структурный элемент методики расследования, то предложенный подход требует ревизии.

С.М. Бадоян придерживается иного подхода. Он не выделяет в качестве отдельного структурного элемента обстоятельства, подлежащие доказыванию. Вместе с тем, раскрывая информационную основу расследования, С.М. Бадоян отмечает: «...применительно к криминалистической характеристике изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних типовые сведения о субъектах преступлений рассматриваемого вида позволяют... сформировать

новое криминалистическое знание об обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию по рассматриваемой категории уголовных дел» [5, с. 63].

Рассматривая методические основы расследования посредством ситуационного подхода, С.М. Бадоян выделяет четыре типичные ситуации, в ходе анализа которых фрагментарно касается освещения обстоятельств, подлежащих доказыванию. Например, применительно к выделенным им следственным ситуациям первого и второго типа (когда следователю поступают материалы оперативно-розыскной деятельности или заявление (сообщение) о совершении преступления конкретным лицом) отмечается, что «...при размещении материалов (файлов) с порнографическими изображениями несовершеннолетних на страницах в социальных сетях (сайтах, каналах, блогах) следует установить и подтвердить доказательствами:

открытый характер такой страницы, то есть отсутствие ограничений по доступу к просмотру (копированию, скачиванию) содержащейся на странице информации и размещенным файлам у любого пользователя;

наличие у страницы (канала, блога и пр.) так называемых “друзей” и “подписчиков”, то есть других лиц, зарегистрированных в социальной сети, мессенджере, участвующих в информационном обмене;

наличие опций информирования “друзей” и “подписчиков” о размещении на странице и т.д. новых сообщений и материалов.

При технической возможности желательно установить и зафиксировать количество просмотров размещенной на странице социальной сети информации, изображений, файлов (заходов на страницу, скачиваний, “лайков” и пр.)» [5, с. 101].

Отмечая особенности установления и доказывания вины лица и других обстоятельств совершения преступлений, связанных с распространением детской порнографии посредством пиринговых (файлообменных) сетей, С.М. Бадоян указывает, что в ходе расследования должен устанавливаться не только факт скачивания файлов, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних, посредством пиринговых (файлообмен-

ных) сетей, но и прямой умысел на использование подобных программных продуктов для распространения детской порнографии [5, с. 102].

На основании вышеизложенного им делается вывод о том, что в ходе предварительного расследования должны устанавливаться и доказываться обстоятельства, подтверждающие:

- во-первых, что подозреваемый (обвиняемый) знал об особенностях работы подобных файлообменных сетей и соответствующего программного обеспечения;

- во-вторых, что лицо было осведомлено о наличии в скачанных файлах порнографических изображений несовершеннолетних (установлен факт просмотра им таких файлов, содержание файлов прямо следует из их названий);

- в-третьих, что при этом им не предпринимались действия по своевременному удалению таких файлов со своего компьютерного оборудования либо иному ограничению доступа к ним сторонних пользователей;

- в-четвертых, факты дальнейшей пересылки или иного распространения таких файлов другим путем, трансляции иным лицам (пользователям) предложений о пересылке или скачивании таких файлов, рекламы подобных «услуг» и т.п. [5, с. 102].

Применительно к следственной ситуации третьего типа (поступление заявления или сообщения о факте преступления в условиях отсутствия информации о причастном к его совершению лице) С.М. Бадоян в качестве приоритетной задачи определяет установление лица, совершившего преступление, и места его нахождения. В условиях высокой доли преступлений, связанных с изготовлением и оборотом детской порнографии, совершенных с использованием современных информационных телекоммуникационных технологий, исследователь акцентирует внимание на необходимости установления:

«...IP-адреса устройства (уникального адреса, идентифицирующего компьютерное устройство в сети “Интернет”), использованного при совершении преступления рассматриваемого вида, а также возможного факта и способа его сокрытия преступником. В дальнейшем устанавли-

ваются данные владельца IP-адреса (ФИО, адрес, паспортные данные);

MAC-адреса — идентификатора сетевого оборудования, используемого для доступа к сети “Интернет” (например, роутера). Позволяет установить место подключения компьютерного устройства к сети “Интернет”, в том числе в процессе совершения преступной деятельности;

интернет-провайдера — организации, обеспечивавшей услуги по подключению к сети “Интернет” в определенном месте (месте преступления);

возможных мест и точек доступа к сети “Интернет”, из которых осуществлялись преступные действия;

ID пользователя в социальной сети — уникального номера любого аккаунта, группы в конкретной социальной сети;

администраторов аккаунтов (страниц) в социальных сетях, сайтов, блогов, телеграм-каналов и т.д., номеров телефонов, использованных при регистрации аккаунтов, привязанных адресов электронной почты, истории и перечня IP-адресов, использованных при создании страницы... привязанной к аккаунту банковской карты и пр.;

фактов (их отсутствия в интересующий следствие период) “взломов” или иного несанкционированного доступа к сайтам, страницам в социальных сетях и другим ресурсам;

фактов администрирования тем же лицом других аккаунтов (страниц) в тех же или иных социальных сетях, мессенджерах, его вхождения в закрытые группы и сообщества, используемые в том числе для заказа, передачи, обмена материалами с порнографическими изображениями несовершеннолетних, других ресурсов, использованных в криминальных целях» [5, с. 105-106].

Характеризуя типичную ситуацию четвертого типа, когда факт изготовления и оборота порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних установлен в ходе расследования других преступлений, С.М. Бадоян не формулирует новых положений, касающихся предмета доказывания, отмечая, что в этом случае могут использоваться рекомендации, изложенные ранее применительно к исходным следственным ситуациям первых трех типов [5, с. 106].

Отмечая высокий уровень конкретизации, а также практико-ориентированность изложенных С.М. Бадояном рекомендаций, целесообразно отметить некоторые дискуссионные моменты.

Во-первых, используемый подход предполагает хотя и детальное, но лишь фрагментарное освещение особенностей предмета доказывания применительно к различным условиям, имеющимся на определенный момент расследования. При этом не формируется целостное представление о его общей цели и направлении, поскольку не раскрывается полный перечень элементов системы доказывания, исходя из общих закрепленных в законе требований. Несомненно, целенаправленное решение конкретных задач расследования на основе предметных знаний применительно к складывающейся ситуации — эффективное средство ее улучшения, носящее частный характер и, безусловно, оправданное на тактическом уровне. Однако, переходя на уровень стратегический, то есть ведя речь о расследовании в целом и о его методическом обеспечении, целесообразно выделять обстоятельства, подлежащие доказыванию, в качестве отдельного структурного элемента методики расследования конкретного вида (группы) преступлений, поскольку решение частных задач, не подчиненных общей цели, в уголовном судопроизводстве не может способствовать эффективной реализации закрепленного ст. 18 УПК РБ принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела.

Во-вторых, общий предмет доказывания един для всех уголовных дел, что определено законодательно. Задача криминалистической методики — конкретизировать и детализировать этот общий предмет применительно к расследованию преступлений конкретного вида или группы. При этом установление конкретных обстоятельств в условиях определенной следственной ситуации, в том числе типовой, носит частный характер и должно осуществляться, исходя из общего предмета доказывания применительно к конкретной категории дел. Таким образом, система обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании престу-

плений определенного вида или группы, является своего рода промежуточным звеном между общим предметом доказывания (по всем уголовным делам любой категории) и решением частных задач расследования по установлению конкретных обстоятельств в условиях складывающихся типовых следственных ситуаций.

Изложенные выше позиции относительно концептуального построения рассмотренного элемента структуры частной методики, в том числе относительно трех уровней конкретизации, согласуются с классическим пониманием сущности предмета доказывания в науке уголовного процесса. В частности, согласно С.А. Шейферу, предмет доказывания представляет собой своеобразную программу доказательственной деятельности субъекта доказывания по всестороннему изучению события, по факту которого возбуждено уголовное дело. Такая программа реализуется посредством установления обстоятельств трех уровней конкретизации: закрепленных в уголовно-процессуальном законе (применительно к Республике Беларусь — в ст. 89 УПК РБ), нормах Особенной части уголовного закона и касающихся совершения отдельного преступления [6, с. 85-95].

По сути, если соотнести изложенные автором настоящей статьи соображения с приведенной классической трактовкой сущности предмета доказывания, то можно говорить о наполнении определенным криминалистическим содержанием уголовно-процессуальной формы на трех уровнях конкретизации. В частности, если стратегический уровень определяется общими требованиями ст. 89 УПК РБ и нормами УК РБ, регламентирующими ответственность за преступления, связанные с эксплуатацией в проституции или порнографии, и касается расследования данных преступлений в целом, то тактический уровень, исходя из общего предмета доказывания по конкретной категории дел, определяет специфику подлежащих установлению обстоятельств в условиях типичных следственных ситуаций, а оперативный — реализуется в ходе непосредственной правоприменительной деятельности при производстве по конкретным уголовным делам.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

1. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, с позиции криминалистики выступают в качестве одного из важных структурных элементов методики расследования преступлений в сфере сексуальной эксплуатации. В структуре данной методики обстоятельства, подлежащие доказыванию, по содержанию представляют собой информационный элемент, поскольку, исходя из деятельностного подхода, не содержат рекомендаций функциональной направленности, а формируют систему основополагающих сведений, определяющих общую цель и направление расследования.

2. Концептуальное построение системы обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о сексуальной эксплуатации, подчинено системе правовых норм уголовно-процессуального законодательства, определяющих общий пред-

мет доказывания по уголовным делам, и норм Особенной части уголовного закона, регламентирующих ответственность за преступления, связанные с извлечением прибыли от использования человека в проституции и порнографии третьими лицами. При формировании данной системы должны учитываться особенности механизма преступлений в сфере сексуальной эксплуатации, обусловленные целевой направленностью на систематическое извлечение прибыли.

3. Система элементов предмета доказывания по уголовным делам о сексуальной эксплуатации является базовой для деятельности органов уголовного преследования в ходе досудебного уголовного производства независимо от обстановки, складывающейся на тот или иной момент расследования, которая, в свою очередь, определяет специфику деятельности следователя по решению тактических задач установления конкретных обстоятельств криминального события.

Список источников

1. Шруб М.П. Методика расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации: монография. Минск: Тесей, 2009. 176 с.
2. Боровик П.Л. Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего: диссертация... канд. юрид. наук: 12.00.09. Минск, 2013. 212 с.
3. Шруб М.П. Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как объект криминалистического исследования: понятие, признаки, классификация // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3. С. 57-67.
4. Шибанова Е.В. Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией: диссертация... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2005. 205 с.
5. Бадоян С.М. Методика расследования изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: диссертация... канд. юрид. наук: 5.1.4. Тула, 2023. 286 с.
6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма, 2008. 238 с.

References

1. Shrub M.P. Methodology for Investigating Human Trafficking for the Purpose of Sexual Exploitation. Minsk, Tesey Publ., 2009. 176 p. (In Russ.).
2. Borovik P.L. Forensic Support for Initiating Criminal Cases on the Circulation of Pornography Depicting a Minor. Cand. Diss. Minsk, 2013. 212 p. (In Russ.).
3. Shrub M.P. Sexual exploitation crimes as an object of forensic investigation: concept, signs, classification. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2023, no. 3, pp. 57-67. (In Russ.).
4. Shibanova E.V. Detection and Investigation of Crimes Related to Prostitution. Cand. Diss. Saratov, 2005. 205 p. (In Russ.).
5. Badoyan S.M. Methodology for Investigating the Production and Circulation of Materials or Objects Containing Pornographic Images of Minors. Cand. Diss. Tula, 2023. 286 p. (In Russ.).
6. Sheyfer S.A. Evidence and Proof in Criminal Cases: Theoretical and Legal Issues. Moscow, Norma Publ., 2008. 238 p. (In Russ.).

Раздел 10. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.4

Цифровая трансформация института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве

Александр Николаевич Тепленко,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия; Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань, Россия, teplenkouly2014@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей цифровизации уголовного судопроизводства применительно к исполнению представительских функций в отношении иностранных граждан. Автором проводится анализ отечественного и зарубежного (стран — участниц СНГ) законодательства, регламентирующего процессы цифровой трансформации уголовного судопроизводства. Изучается зарубежный опыт внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство. На основе сравнительно-правового анализа определены главные направления цифровой трансформации института представительства иностранных граждан. Предлагаются пути совершенствования представительских функций в уголовном судопроизводстве посредством поэтапного внедрения цифровых технологий для обеспечения доступа к правосудию иностранных граждан, выступающих участниками уголовного процесса в Российской Федерации.

Ключевые слова: представитель иностранного гражданина, представительство иностранных граждан, уголовно-процессуальное представительство, цифровизация представительства, доступ к правосудию

Для цитирования: Тепленко А.Н. Цифровая трансформация института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 104-111.

Digital transformation of the institution of representation of foreign citizens in criminal proceedings

Alexander N. Teplenko,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia; Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia, teplenkouly2014@mail.ru

Abstract. The article discusses the opportunities for digitalization of criminal proceedings with regard to performing the representative functions in respect of foreign citizens. Both the domestic and international (the CIS member states) legislation regulating the processes of digital transformation of criminal proceedings are analyzed. Some international experience in implementing the information technologies in criminal proceedings is studied. Based on a comparative legal analysis the main directions of digital transformation of the institution of representation of foreign citizens are identified. Some ways of improving the representative functions in criminal proceedings through the phased implementation of digital technologies to ensure the access to justice for foreign citizens participating in criminal proceedings in the Russian Federation, are proposed.

Keywords: representative of a foreign citizen, representation of foreign citizens, criminal procedural representation, digitalization of representation, access to justice

For citation: Teplenko A.N. Digital transformation of the institution of representation of foreign citizens in criminal proceedings // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 104-111.

Стремительное развитие информационных технологий оказывает значительное влияние на все сферы жизнедеятельности современного общества. Государство обязано своевременно реагировать на данные тенденции путем определения направлений развития и законодательной регламентации указанных процессов.

Следствием появления некоторых важных элементов цифровизации общества становится внедрение передовых высокотехнологичных продуктов в процесс регулирования правоотношений [1, с. 49], в том числе уголовно-процессуальных*. Информационные технологии, приспособленные или специально разработанные для нужд участников уголовного судопроизводства, являются одним из перспективных направлений развития современного уголовно-процессуального законодательства**.

Применение современных информационных технологий способно решить ряд значимых проблем, существующих в уголовном судопроизводстве, поэтому данное направление выступает предметом научных исследований отечественных и зарубежных ученых. Актуальность проблем цифровой трансформации уголовного процесса находит подтверждение в научных трудах Е.К. Антонович, Д.В. Бахтеева, В.Б. Вехова, Т.Ю. Вилковой, Б.Я. Гаврилова, С.В. Зуева, О.В. Химичевой, О.А. Зайцева, Н.А. Моругиной, А.А. Саркисяна, П.А. Самсонова, Т.А. Топилиной, П.С. Пастухова и других авторов.

Происходящее в настоящее время постепенное внесение изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в части возможности применения цифровых технологий в уголовном судопроиз-

водстве вызывает оживленную научную дискуссию. Одна часть исследователей процесса цифровой трансформации, например О.И. Андреева и Б.Я. Гаврилов, выступает за кардинальное изменение УПК РФ и скорейший переход к электронной форме уголовного судопроизводства [2, с. 112; 3, с. 29]; другая часть (Т.Ю. Вилкова, Л.Н. Масленникова, Е.В. Мищенко, Г.О. Никурадзе и Е.А. Марина) – высказывается за осуществление уголовного процесса в двух формах: традиционной и электронной [4, с. 731, 5, с. 129-130]; некоторые авторы, в том числе О.В. Химичева, О.В. Мичурина и В.С. Мичурин, придерживаются мнения о целесообразности поэтапного внедрения в уголовный процесс отдельных элементов цифровизации [6, с. 171; 7, с. 188].

Следует согласиться с мнением С.В. Зуева и Н.А. Моругиной о том, что процесс цифровизации уголовного судопроизводства необходимо осуществлять поэтапно [8, с. 92]. Действительно, данный процесс должен основываться на глубоких научных исследованиях и анализе правоприменительной практики в целях принятия оптимального решения, удовлетворяющего принципам уголовного процесса, с соблюдением публичных и частных интересов участников уголовного судопроизводства.

В настоящее время в положениях УПК РФ закреплены ограниченные возможности применения видео-конференц-связи (например, ст.ст. 241.1, 278.1, чч. 2 и 2.1 ст. 399), электронных документов (ст. 474.1), что является недостаточным. Кроме того, цифровые технологии применяются лишь в отдельных областях уголовного процесса и не на всех его стадиях, что ущемляет права иных участников процесса (например, заявителя о преступлении; лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении; свидетеля) и ограничивает возможности должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

В связи с этим показательным является зарубежный опыт внедрения в уголовный процесс информационных технологий и их использования. В частности, информационные технологии в разной степени внедрены в уголовное судопроизводство Республики Ка-

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2022 г. N 610-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. N 490: ред. от 15 февр. 2024 г. // Там же.

захстан*, Азербайджанской Республики**, Республики Беларусь***, Республики Узбекистан****, Кыргызской Республики***** и других стран — участниц СНГ.

Например, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан допускает осуществление уголовного судопроизводства в электронной форме (ст. 42-1)*****, в Республике Узбекистан проходит апробацию пилотный проект «Электронное уголовное дело»*****.

* Об утверждении Инструкции по ведению уголовного судопроизводства в электронном формате: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 янв. 2018 г. N 2 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz>

** Об утверждении Положения об информационной системе «Электронный суд»: указ Президента Азербайджанской Республики от 1 июня 2020 г. N 1043 // Законодательство Азербайджанской Республики: официальный сайт. URL: <https://legalacts.az>

*** О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026-2030 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 дек. 2025 г. N 793 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>

**** Об утверждении стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации: указ Президента Республики Узбекистан от 5 окт. 2020 г. N УП-6079 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz>

***** Об утверждении Концепции цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024-2028 годы: указ Президента Кыргызской Республики от 5 апр. 2024 г. N 90 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg>

***** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. N 231-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz>

***** О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства: постановление Президента Республики Узбекистан от 14 мая 2018 г. N ПП-3723 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz>

в Республике Молдова уголовное преследование реализуется в формате электронного уголовного дела «Е-дело»*****.

Проведенный анализ отечественного и зарубежного уголовно-процессуального законодательства указывает на то, что процессы цифровой трансформации уголовного судопроизводства реализуются в разных формах и объемах. Кроме того, среди ученых по рассматриваемому вопросу также нет единого мнения, что позволяет изучать различные аспекты данных процессов. Относительно возможности использования высоких технологий применительно к институту представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации следует отметить, что данное направление является более оптимальным для модернизации соответствующих положений УПК РФ, так как позволяет реализовать больше возможностей для полноценного функционирования института представительства.

Целесообразно выделить следующие перспективные направления применения передовых информационных технологий для реализации представительских функций в уголовном судопроизводстве:

— обеспечение иностранным гражданам, выступающим в качестве участников уголовного процесса, полноценного доступа к правосудию посредством правового информирования, устранения языкового барьера, юридических консультаций;

— модернизация представительских функций самого представителя иностранного гражданина посредством его дистанционного назначения, участия в уголовном процессе и отстранения от участия в нем (использование в деятельности видео-конференц-связи, электронного документооборота, технологий искусственного интеллекта);

— выполнение представительских функций посредством использования возможностей алгоритмов искусственного интеллекта без непосредственного участия представителя (юридические консультации; подготовка документов; составление пошаговых инструкций для участников

***** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. N 122-XV // Министерство юстиции Республики Молдова: официальный сайт. URL: <https://legis.md>

процесса; перевод текстов, документов и устной речи, в том числе с использованием юридической терминологии; поиск необходимой информации, ее анализ и генерирование решений).

Следует рассмотреть возможности применения современных информационных технологий в деятельности представителя иностранного гражданина на этапе возбуждения уголовного дела, на котором участие представителя имеет важное значение в обеспечении прав на доступ к правосудию [9, с. 427]. Начальным этапом взаимодействия иностранного гражданина с уполномоченными органами, осуществляющими прием сообщений о преступлении, является понимание данным иностранным гражданином процессов подачи заявления о преступлении.

В настоящее время отсутствуют необходимая цифровая инфраструктура и информационно-технические инструменты, позволяющие иностранному гражданину полноценно, быстро и легко интегрироваться в российскую систему уголовного правосудия. Главным элементом такой интеграции является осведомленность иностранного гражданина о российском уголовно-процессуальном законодательстве. Интеграция необходима для осознания иностранным гражданином своего правового положения (уголовно-процессуального) в данной системе, понимания основ ее функционирования, имеющихся прав, обязанностей и ответственности участников уголовного процесса, возможностей полноценно и естественно функционировать в качестве одного из элементов уголовного процесса [10, с. 60].

Использование современных информационных технологий позволяет осуществлять такую интеграцию за относительно короткий срок и с высоким уровнем качества предоставляемой иностранным гражданам юридической помощи. На актуальность данных проблем и необходимость развития, модернизации и внедрения цифровых технологий в сферу обеспечения прав и законных интересов иностранных граждан в Российской Федерации указывает Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Феде-

рации от 15 октября 2025 г. N 738 (далее — Концепция)*. Согласно подп. «а» п. 28 Концепции к основным направлениям миграционной политики отнесено расширение практики использования цифровых технологий в сфере миграции.

Приоритет отдается разработке необходимого программного обеспечения, позволяющего сформировать цифровой профиль иностранного гражданина, благодаря которому последний сможет полноценно интегрироваться в российское общество. Основой для решения данной задачи могла бы стать единая электронная однократная виза для краткосрочных поездок иностранных граждан в Российскую Федерацию, однако в настоящее время ее возможности ограничены.

Показательным является зарубежный опыт применения современных цифровых технологий, который свидетельствует о том, что подобные программные продукты, в том числе используемые на мобильных устройствах с помощью соответствующих приложений или посредством регистрации на специализированных государственных и негосударственных сайтах, — это дополнительный способ защиты прав участников уголовного судопроизводства. В частности, в Кыргызской Республике функционирует сайт «Служба юридической помощи», содержащий разделы, предназначенные для иностранных граждан и лиц без гражданства. Первичная консультационная юридическая помощь (до возбуждения уголовного дела) оказывается разными способами и различными субъектами (например, онлайн-консультации или официальное заключение электронного договора на оказание представительских функций в зависимости от процессуального положения лица)**. Подобные платформы используются в Азербайджанской Республике, Республике Узбекистан, Республике Казахстан и в других государствах.

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** О гарантированной государством юридической помощи: закон Кыргызской Республики от 10 авг. 2022 г. N 91 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg>

В настоящее время аналогичные информационно-технические продукты, предназначенные для оказания правовой помощи иностранным гражданам, находящимся на территории Российской Федерации, используются исключительно в коммерческих целях. Более того, имеются мобильные приложения (например, *СберПраво* — сервис для решения юридических вопросов, предусматривающий модуль для иностранных граждан «Я — в России»), однако в рамках уголовного судопроизводства они не предполагают оказание иностранному гражданину полного спектра представительских услуг, причем предоставляемых за плату, что не может обеспечить равный доступ к правосудию вне зависимости от материального положения.

Кроме того, существуют сервисы с применением технологий искусственного интеллекта, например *YandexSpeechKit*, позволяющий осуществлять мгновенное распознавание речи, зафиксированной на аудио- и видеозаписях, в том числе на различных языках; *Yandex Cloud. Документация*, предназначенный для работы с бумажными и электронными документами; *Яндекс Нейроюрист*, используемый для поиска и осуществления консультаций, и другие аналогичные программы.

Применение интернет-платформ для назначения адвокатов-защитников в уголовном процессе также может служить основой создания государственной платформы или отдельного модуля, интегрированного в такого рода интернет-платформы либо мобильные приложения, позволяющие создать единую базу адвокатов, юристов, представителей и переводчиков с целью их участия в уголовном судопроизводстве.

Исследователями обсуждается возможность создания единого цифрового профиля лица как одного из элементов цифровой трансформации уголовного судопроизводства [11, с. 305], в том числе по различным характеристикам личности [12, с. 32]. Представляется, что разработанный единый цифровой профиль иностранного гражданина должен быть интегрирован в цифровую платформу, которая позволит иностранному гражданину пользоваться всей цифровой инфраструктурой государства, а также

обеспечивать межведомственное электронное взаимодействие всех субъектов, в том числе в рамках представительства иностранных граждан в российском уголовном судопроизводстве.

Например, подобная цифровая платформа может быть интегрирована в раздел «Иностранный гражданин» Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)* в качестве дополнительного модуля, который будет включать в себя элементы, учитывающие правовой статус иностранного гражданина в Российской Федерации, в том числе в случае возникновения необходимости участия в уголовном судопроизводстве.

Использование данной цифровой платформы будет являться обязательным условием для пересечения иностранным гражданином государственной границы Российской Федерации, что позволит решить ряд важных задач, связанных с пребыванием иностранного гражданина на территории Российской Федерации:

- постановка на миграционный учет иностранного гражданина в целях определения его правового статуса в соответствии с целями нахождения на территории Российской Федерации (например, турист, обучающийся, трудовой мигрант);

- прохождение официальной процедуры аутентификации посредством предоставления биометрических данных (дактилоскопия, визуальная (фотография, видеозапись) и голосовая биометрия);

- предоставление, проверка и хранение необходимых данных о личности гражданина (документы, удостоверяющие личность иностранного гражданина, а также иные виды документов, в том числе характеристики, справки, судебные и иные решения органов и организаций);

- регулирование законного въезда в Российскую Федерацию и выезда за пределы Российской Федерации (в том числе принудительного);

- регулирование процесса перемещения, условий пребывания и проживания на территории Российской Федерации;

* Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 31. Ст. 4179.

— определение уровня владения русским языком и соответствия иностранного гражданина предъявляемым к нему законом требованиям в данной области (для осуществления трудовой деятельности, прохождения обучения, приобретения гражданства);

— поэтапное ознакомление иностранного гражданина с историческими, культурными, религиозными, этническими, социальными традициями Российской Федерации;

— изучение законодательства Российской Федерации (трудового, семейного, уголовного, уголовно-процессуального, административного), в том числе в зависимости от цели пребывания;

— ознакомление с правовым положением иностранных граждан в Российской Федерации, в том числе с уголовно-процессуальным положением, при возникновении необходимости участия в уголовном процессе;

— официальное информирование иностранных граждан о мерах, принимаемых органами власти и направленными на профилактику, пресечение административных правонарушений и преступлений, связанных с незаконной миграцией, экстремизмом и терроризмом, а также об ответственности за нарушения законодательства в данной области;

— подача заявления в уполномоченные государственные органы и получение ответов, уведомлений, процессуальных и иных решений должностных лиц в рамках уголовного судопроизводства;

— официальный обмен информацией, в том числе посредством электронного документооборота, с участниками уголовного процесса (с должностными лицами, защитником, представителем, экспертом, судом, прокурором);

— осуществление быстрого устного и письменного перевода (официальных документов, протоколов следственных действий, процессуальных и иных решений, устной речи) посредством программного обеспечения и искусственного интеллекта;

— обращение иностранного гражданина в консульство или представительство своего государства как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами

в целях уведомления, получения консульской, юридической и иной помощи, согласия иностранного государства на проведение следственных и иных действий, информации о наличии иммунитетов и их объемах (в электронном виде, при личном обращении);

— официальное приглашение иностранным гражданином, участвующим в уголовном процессе, представителя (консула или лица, исполняющего консульские функции, адвоката, юриста, специализирующегося на оказании юридической помощи иностранным гражданам, волонтера, общественных организаций, зарегистрированных на данном портале) в целях оказания соответствующей юридической помощи;

— приглашение переводчика для участия в уголовном судопроизводстве, в том числе с использованием видео-конференц-связи и электронного документооборота, осуществления письменного перевода необходимых документов;

— взаимодействие посредством видео-конференц-связи и электронного документооборота с должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, а также с иными участниками уголовного процесса, в том числе с представителем, в условиях нахождения за пределами Российской Федерации или в труднодоступной и отдаленной местности;

— участие в сфере уголовного судопроизводства (например, при проведении отдельных следственных действий, исполнении запроса о правовой помощи) в рамках международного сотрудничества;

— координация деятельности государственных и иных органов, организаций и учреждений по вопросам взаимодействия с иностранными гражданами в рамках уголовного судопроизводства.

Внедрение подобной высокотехнологичной цифровой платформы позволит, с одной стороны, оказывать помощь иностранным гражданам, участвующим в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации, в реализации их прав и законных интересов, с другой стороны, будет способствовать повышению эффективности деятельности должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, координации межведомственного

взаимодействия государственных органов и организаций по вопросам, связанным с иностранными гражданами, а также приведет к сокращению временных затрат и финансовых издержек, обусловленных такой деятельностью.

Таким образом, процессы цифровизации представительства иностранных

граждан в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации являются важным этапом развития данного института. Они позволяют не только выявлять существующие проблемы, но и решать ряд задач, направленных на совершенствование представительских функций в уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Бегишев И.Р. Уголовно-правовое регулирование нейрохакинга // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. N 2. С. 46-51.
2. Андреева О.И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2012. N 356. С. 109-112.
3. Гаврилов Б.Я. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателю пора расставить точки // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2. N 2. С. 28-34.
4. Вилкова Т.Ю., Масленникова Л.Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728-751.
5. Мищенко Е.В., Никурадзе Г.О., Марина Е.А. К вопросу об использовании в уголовном процессе «электронных» доказательств // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 12 декабря 2025 г. Санкт-Петербург, 2025. С. 128-132.
6. Химичева О.В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. N 2. С. 170-174.
7. Мичурина О.В., Мичурин В.С. Электронные документы в досудебном производстве: развитие правовой регламентации, научные взгляды и практические подходы // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства): сборник материалов V Междунар. науч.-практ. конф., г. Уфа, 4-5 апреля 2024 г. Уфа: Уфимский юрид. ин-т МВД России, 2024. С. 183-189.
8. Зуев С.В., Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. N 3. С. 83-94.
9. Майоров А.В. Представительство иностранных граждан в уголовном судопроизводстве России // Социальное управление. 2025. Т. 7. N 6. С. 425-432.
10. Тепленко А.Н. Особенности участия представителя иностранного гражданина при подаче заявления о преступлении, сделанного в письменном виде // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18. N 3. С. 56-63.
11. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281-308.
12. Фойгель Е.И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2022. 54 с.

References

1. Begishev I.R. Criminal Law Regulation of Neurohacking. Law and Order: History, Theory, Practice, 2025, no. 2, pp. 46-51. (In Russ.).
2. Andreeva O.I. On the Necessity of the Stage of Criminal Case Initiation in the Modern Criminal Procedure of Russia. Bulletin of Tomsk State University, 2012, no. 356, pp. 109-112. (In Russ.).
3. Gavrilov B.Ya. To the Question of the Stage of Initiation of a Criminal Case: It's Time for the Legislator to Set the Point. Lobbying in Legislation, 2023, vol. 2, no. 2, pp. 28-34. (In Russ.).
4. Vilkova T.Yu., Maslennikova L.N. Legality and Unification in Criminal Proceedings: From Forms of Procedural Documents to Electronic Criminal Cases. Perm University Herald. Legal Sciences, 2019, issue 46, pp. 728-751. (In Russ.).
5. Mishchenko E.V., Nikuradze G.O., Marina E.A. On the use of "electronic" evidence in criminal proceedings. Criminal proceedings in Russia and foreign countries: problems and development prospects. St. Petersburg, 2025. Pp. 128-132. (In Russ.).
6. Khimicheva O.V. Investigative actions: on the digital transformation of their production. Criminological journal, 2023, no. 2, pp. 170-174. (In Russ.).

7. Michurina O.V., Michurin V.S. Electronic Documents in Pre-Trial Proceedings: Development of Legal Regulation, Scientific Views, and Practical Approaches. Modern Problems of the Criminal Process: Solutions (Commemorating the 160th Anniversary of the Charter of the Main Judicial Procedure). Ufa, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. Pp. 183-189. (In Russ.).

8. Zuev S.V., Morugina N.A. Electronic Criminal Case: A Theoretical Model. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 83-94. (In Russ.).

9. Mayorov A.V. Representation of Foreign Citizens in Russian Criminal Proceedings. Social Management, 2025, vol. 7, no. 6, pp. 425-432. (In Russ.).

10. Teplenko A.N. Features of the Participation of a Representative of a Foreign Citizen in the Submission of a Written Statement of a Crime. Bulletin of Economics, Management, and Law, 2025, vol. 18, no. 3, pp. 56-63. (In Russ.).

11. Zaytsev O.A., Pastuhov P.S. Digital Profile of a Person as an Element of the Information and Technological Strategy for Investigating Crimes. Perm University Herald. Legal Sciences, 2022, issue 56, pp. 281-308. (In Russ.).

12. Foygel' E.I. Conceptual Foundations of Forensic Study of Ethnic Characteristics of an Individual and the Practice of Their Implementation in the Investigation of Crimes. Autoabstract Doct. Diss. Rostov-on-Don, 2022. 54 p. (In Russ.).

Раздел 11. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.4

Отзыв на диссертацию Н.Т. Яралиева «Условные меры уголовно-правового характера»*

Сергей Александрович Корнеев,

кандидат юридических наук, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, kornei_lam@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>

Аннотация. В отзыве анализируется содержание диссертационного исследования Н.Т. Яралиева, посвященного теоретическим основам законодательной регламентации и применения условных мер уголовно-правового характера в контексте решения общей проблемы права о соотношении безусловного и условного. Определяется актуальность представленной работы, степень обоснованности, достоверность и новизна научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, а также их теоретико-практическая значимость. Особое внимание обращено на ряд сформулированных автором предложений, научная составляющая которых не вызывает сомнений. Сделан вывод о том, что исследование Н.Т. Яралиева является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для развития науки уголовного права, уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, меры уголовно-правового характера, иные меры уголовно-правового характера, условные меры уголовно-правового характера, уголовно-правовое воздействие

Для цитирования: Корнеев С.А. Отзыв на диссертацию Н.Т. Яралиева «Условные меры уголовно-правового характера» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1 (75). С. 112-117.

Review of the dissertation by N.T. Yaraliev "Conditional measures of criminal law"

Sergey A. Korneev,

Candidate of Legal Sciences, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia, kornei_lam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>

Abstract. The review analyzes the content of N.T. Yaraliev's dissertation research on the theoretical foundations of both legislative regulation and application of conditional criminal law measures in the context of solving the general problem of law on the correlation of the unconditional and the conditional. The relevance of the presented work, the degree of validity, reliability and novelty of the scientific provisions, conclusions and recommendations formulated in the dissertation, as well as their theoretical and practical significance are determined. Particular attention is paid to a number of author's proposals, the scientific character of which is unquestionable. It is concluded that the N.T. Yaraliev's dissertation paper is an independent scientific qualification work, which contains the solution of tasks having significant importance for developing the criminal law science, as well as the criminal legislation and the practice of its application.

Keywords: criminal liability, criminal law measures, other criminal law measures, conditional criminal law measures, criminal law impact

* Яралиев Н.Т. Условные меры уголовно-правового характера: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024. 163 с.

For citation: Korneev S.A. Review of the dissertation by N.T. Yaraliev "Conditional measures of criminal law" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). P. 112-117.

Актуальность темы диссертационного исследования определена насущной потребностью отечественной науки и практики в развитии имеющегося потенциала знаний в области анализа содержания и системы мер уголовно-правового характера, его прикладной адаптации для целей совершенствования процессов дифференциации уголовно-правового воздействия, обеспечения его эффективности.

В современной науке проблематика мер уголовно-правового характера не без оснований воспринимается в качестве одной из наиболее сложных и перспективных. С решением возникающих здесь проблем обоснованно связываются рассуждения о текущем состоянии уголовного права, преодолении неоправданно затянувшегося «кризиса уголовного наказания», правовой и теоретико-прикладной рассогласованности мер уголовно-правового характера, направлениях дальнейшего развития отрасли в целях решения стоящих перед ней социальных и правовых задач.

Между тем можно констатировать, что вопросов, которые возникают при решении этих задач, по-прежнему гораздо больше, чем ответов. Более того, текущее состояние научного знания отчетливо характеризуется как минимум двумя особенностями: с одной стороны, активной разработкой проблем конструирования и применения отдельных мер уголовно-правового характера в ущерб построению общей теории, а с другой — стремлением каждого специалиста сконструировать оригинальную, не похожую на иные концепцию мер уголовно-правового характера, без серьезных попыток сгладить имеющиеся противоречия и определить некую общую платформу, общий подход к их пониманию.

Вероятно, такое состояние дел вполне может быть обосновано и должно, по-видимому, восприниматься в качестве закономерного этапа развития науки, накопления теоретического опыта и эмпирических данных. Однако этот этап неоправданно затянулся. В связи с этим следует признать работу Н.Т. Яралиева удачной (хотя, разу-

меется, и небесспорной) попыткой интеграции накопленного знания и разработки на этой базе новой концепции, которая может быть органично вписана в традиции уголовного права и служить основой для последующих инноваций.

Научная новизна диссертации определена итогами авторского анализа системы мер уголовно-правового характера, которые представляют целостную, логически завершенную теоретическую концепцию, включающую в себя уточненную совокупность понятий, теоретические основы законодательной регламентации и применения условных мер уголовно-правового характера в контексте решения общей проблемы права о соотношении безусловного и условного.

Новыми либо существенно уточняющими и развивающими имеющиеся научные положения можно признать следующие тезисы, тщательно аргументированные на страницах диссертации:

- систематизация и критическая оценка научных подходов к определению понятия и содержания мер уголовно-правового характера (с. 30, 34-35);

- попытка упорядочить соотношение категорий «меры уголовно-правового характера», «наказание», «уголовная ответственность» (с. 30-34);

- классификация условных мер уголовно-правового характера, основанием которой выступает стадия развития уголовного правоотношения, порожденного фактом совершения преступления (с. 38);

- результаты авторского анализа соотношения безусловного и условного в уголовном праве (с. 54-56);

- определение особенностей практики применения условных видов освобождения от уголовной ответственности и вывод об их нецелесообразности (с. 87);

- решение об изменении законодательной регламентации условного осуждения как меры уголовно-правового характера (с. 113-114);

- качественные особенности условного осуждения (с. 117), отсрочки отбывания наказания (с. 115-116), условно-досрочного

освобождения от отбывания наказания (с. 31), освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (с. 132).

Основные положения и результаты, содержащиеся в диссертационном исследовании, прошли достаточную апробацию, а именно: отражены в 9 научных работах, 6 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; обсуждены на международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность определены качеством и объемом источников первичной научной информации, использованием апробированного научно-методического аппарата, внутренней непротиворечивостью представленных в диссертации суждений, базированием авторских рассуждений на строго доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук, согласованностью новых результатов работы с иными независимыми источниками по теме диссертации.

Работа представляет собой композиционно целостное научное сочинение, в котором органично сочетаются результаты комплекса проведенных лично автором исследований:

- формально-логического анализа актуальных источников российского уголовного права, решений Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации;

- науковедческого анализа современных и изданных ранее отечественных литературных источников по теме диссертации с опорой на убедительные правовые доктрины;

- статистического анализа данных о преступности и судимости, мерах уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим преступление, за период действия УК РФ, подготовленных

ГИАЦ МВД России и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

Сбор, анализ и интерпретация результатов обеспечены репрезентативной эмпирической базой, достаточной для формирования теоретических выводов, соблюдением методологических принципов и методических требований к проведению исследований подобного рода.

В основе диссертации — системность уголовно-правового изучения условных мер, применяемых к лицам, совершившим преступление, с учетом разработок теории уголовной ответственности и наказания, институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания. При разработке определения понятия мер уголовно-правового характера применены также общенаучные и частнонаучные методы познания. Автор опирается на принципы всесторонности, объективности, конкретности истины, связи теории и практики, что придает работе в целом и ее результатам в частности необходимые свойства научной истины.

Избранный соискателем подход к сбору и обработке источников научной информации, к общей организации исследования и определению его логики, к требованию апробации промежуточных выводов обеспечивает не только результативность исследования, но и высокое качество представленных в диссертации суждений.

Значимость полученных автором диссертации результатов для развития юридической науки и практики определяется тем, что, образуя в своей совокупности логически цельное и открытое для последующего развития учение об условных мерах уголовно-правового характера, они существенно дополняют ряд сложившихся в уголовно-правовой науке учений, и в частности:

- учение об основах уголовного права — вследствие наличия дополнительной информации о зарубежном опыте регламентации мер уголовно-правового характера, уточненных представлений о понятии, сущности и классификации рассматриваемого явления;

- учение о мерах уголовно-правового характера — благодаря новому про-

чению содержания, систематизации и классификации мер уголовно-правового принуждения.

В прикладном отношении ценность полученных результатов определяется возможностью их использования при совершенствовании российского уголовного законодательства, практики его применения, в том числе при разработке тематических разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Положительно оценивая проведенное Н.Т. Яралиевым исследование и в целом разделяя его концепцию, необходимо отметить, что некоторые положения диссертации представляются недостаточно проработанными, вызывают критическую оценку и могут стать основанием для дискуссии с автором.

1. В целом разделяя позицию автора о бессистемном использовании понятия мер уголовно-правового характера в тексте уголовного закона (с. 18), разнородности юридической природы и социально-правового назначения мер, предусмотренных в разделе VI УК РФ (с. 19), сформулированные соискателем определение и содержание мер уголовно-правового характера (с. 30, 34) следует признать неоднозначными.

Используя расширительное толкование, диссертант полагает, что меры уголовно-правового характера представляют собой меры, предусмотренные уголовным законом и влекущие за собой изменение уголовно-правового положения лица, совершившего преступление (положение N 1, выносимое на защиту). Исходя из этого к их числу относятся все виды освобождения от уголовной ответственности; наказание; виды освобождения от наказания и от его отбывания; виды замены наказания; погашение или снятие судимости; назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение, различные виды отсрочки отбывания наказания, конфискация имущества (с. 34).

Представляется, что мера — это концепт, выражающий единство качественной и количественной определенности уголовно-правового воздействия со стороны уполномоченных органов государственной власти. Сущность (содержание) меры уголовно-правового характера

должна сводиться к некоторому объему лишений и правоограничений, применяемых в отношении лица, нарушившего уголовно-правовой запрет. Данная точка зрения подтверждается самим соискателем при констатации объема уголовно-правовых последствий мер государственного принуждения (с. 67), а также содержания отдельных мер (условного осуждения, наказания) (положение N 4, выносимое на защиту).

В связи с этим является спорным отнесение к мерам уголовно-правового характера, например, всех видов освобождения от уголовной ответственности. Несмотря на тот факт, что добровольный отказ от преступления, деятельное раскаяние и другие виды освобождения от уголовной ответственности (с. 34) изменяют уголовно-правовое положение лица, совершившего преступление (возвращается статус лица, юридически его не совершавшего), само лицо не претерпевает каких-либо обременений уголовно-правового характера.

С содержанием мер уголовно-правового характера связан еще один блок авторских противоречий. Соглашаясь с мнением соискателя о применении отдельных мер уголовно-правового характера (ст.ст. 73, 80, 82, 82.1 УК РФ) безотносительно к сознательно-волевому характеру посткриминального поведения лица, совершившего преступление, следует признать дискуссионным их отождествление с мерами, применяемыми вне механизма уголовной ответственности (положение N 1, выносимое на защиту). При этом на с. 94-95 соискатель утверждает, что условное осуждение и отсрочка отбывания (исполнения) наказания, имеющая также условный характер, являются формой реализации уголовной ответственности, которая при постановлении обвинительного приговора из обязанности ее понести превращается в реальность.

2. Дискуссионной следует назвать позицию диссертанта об определении юридического статуса принудительных мер медицинского характера. С одной стороны, автор исключает их из перечня мер уголовно-правового характера (с. 27, 29, 30, 35), не определяя их дальнейшую судьбу, с другой — относит принудительные меры медицинского характера

как вид освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 443 УПК РФ) к мерам уголовно-правового характера (с. 34). В конечном итоге, несмотря на расширительное толкование мер уголовно-правового характера (с. 30), соискатель все же исключает принудительные меры медицинского характера из объема рассматриваемой категории.

Уголовный закон за совершение лицом, страдающим психическим расстройством, общественно опасного деяния, предусматривает определенные последствия, цели и виды принудительных мер медицинского характера, применяемых в отношении такого лица. Правоотношения, связанные с применением указанных мер, — это определенный вид уголовно-правовых отношений, возникающих в результате совершения деяния, запрещенного уголовным законом. Определение общественной опасности деяния, его преступности и наказуемости, уголовной ответственности, мер уголовно-правового характера, к которым, безусловно, относятся принудительные меры медицинского характера, — это предмет уголовно-правового регулирования.

3. Поддерживая соискателя в части справедливой констатации существующей конкуренции норм между видами освобождения от уголовной ответственности (с. 75), обоснованных сомнений в существующей законодательной конструкции условной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (с. 80), необходимо указать на спорность предложения об исключении из УК РФ ст. 76.2 (с. 91) (положение N 3, выносимое на защиту).

Сомнения обусловлены ухудшением положения лица, нарушившего уголовно-правовой запрет. Вследствие невозможности примирения с физическим лицом, потерпевшим от преступления (ст. 76 УК РФ), отсутствия деятельного раскаяния лица, нарушившего уголовно-правовой запрет (ст. 75 УК РФ), уполномоченный орган государственной власти лишается возможности наиболее мягкого и щадящего способа разрешения уголовно-правового конфликта.

Трансформация же ст. 76.2 УК РФ с приданием самостоятельного уголовно-правового значения для освобождения от уголовной ответственности возме-

нию ущерба от преступлений небольшой или средней тяжести, совершенных впервые (с. 91), однозначно позволит решить теоретико-правовую проблему, связанную с недопустимостью применения мер уголовно-правового характера за рамками уголовно-правовых отношений (с. 88, 90). Однако предложенные изменения исключают дополнительный источник финансирования государства, суммы которого представлены соискателем на страницах исследования (с. 79-80).

4. Думается, что определение понятия и содержания условных мер государственного принуждения (положение N 2, выносимое на защиту), непризнание условного осуждения и отсрочки видами освобождения от наказания или от его отбывания (с. 117) (положение N 6, выносимое на защиту), отказ от принудительных мер медицинского характера (с. 30), а также судебного штрафа (положение N 3, выносимое на защиту) предполагают изменение уголовного законодательства, что не освещается в тексте диссертации и является основанием для дискуссии с автором. В частности, речь может идти о законодательной регламентации условных мер уголовно-правового характера, их систематизации в рамках отдельной главы уголовного закона, а также выверенном решении об определении содержания мер уголовно-правового характера, включенных в раздел VI УК РФ.

Вышеизложенные замечания не снижают высокой оценки качества оппонируемого исследования, лишь подчеркивая крайнюю сложность и дискуссионность изучаемой автором материи и глубину его погружения в тему.

Ознакомление с диссертацией Н.Т. Яралиева позволяет констатировать значительный вклад автора в решение имеющихся теоретико-прикладных проблем в плоскости условных мер уголовно-правового характера. Диссертация представляет собой актуальное самостоятельное научное исследование, которое имеет заверченный вид, основано на достаточной эмпирической базе, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Научные труды Н.Т. Яралиева в полной мере отражают основные положения его диссертации, публикации включают в себя достаточное количество статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

На основании изложенного можно заключить, что диссертация Н.Т. Яралиева

представляет собой научно-квалификационную работу, в которой выявлен и решен целостный комплекс проблем теории и практики условных мер уголовно-правового характера, то есть содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовой науки.

Автор диссертации, Н.Т. Яралиев, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ДЛЯ ЗАМЕТОК